

ЭТЮДЫ СЕВЕРА

**ДВОРЕЦ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА «АВАНГАРД»
АДМИНИСТРАЦИЯ ПАРАБЕЛЬСКОГО РАЙОНА**

ЭТЮДЫ СЕВЕРА

Выпуск 3

**Очерки по истории и культуре
Нарымского края**

Томск - 2011

ЭТЮДЫ СЕВЕРА. Выпуск 3. Сборник научных очерков о Нарымском крае /
Отв. ред. Н.А. Тучкова. –Томск: издательский сектор ОГАУК «ДНТ «Авангард», 2011.
– 218с.

В данный сборник вошли 10 очерков по истории Нарымского края, характеризующих его как в прошлом, так и в настоящем. Некоторые из них являются частичными перепубликациями известных исторических текстов – фрагментов путешествий Г.Ф. Миллера (1740 г.) и А.М. Кастрена (1845 г.) по Оби; нескольких глав из книги К. Доннера «У самоедов в Сибири», касающихся его прибытия в Нарым в 1911 г. и встреч с местными жителями; полностью переопубликованы путевые заметки М.Б. Шатилова, где он описывает свои впечатления от пребывания летом 1924 г. в принарымских населённых пунктах. Остальные публикации – это статьи современных исследователей, характеризующие различные аспекты истории и культуры Принарымья.

Для историков, краеведов, этнографов, учителей и работников культуры.

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Департамента по культуре Томской области и Администрации Парабельского района

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели!

Книга, которую вы в данный момент держите в руках, является уже третьим изданием Дворца народного творчества «Авангард», посвящённым истории и культуре коренных малочисленных народов севера Томской области.

Этот выпуск необычен, прежде всего, тем, что содержит значительный блок статей, насыщенных исторической информацией, принадлежащих перу известнейших путешественников и исследователей прошлого – Г.Ф. Миллеру, М.А. Кастрену, К. Доннеру и М.Б. Шатилову, побывавших в различные годы на нарымской земле и оставивших нам, потомкам, свои путевые заметки и размышления.

Герард Миллер проехал водным путём по Оби от Томска до Сургута в мае-июне 1740 г., посетив во время поездки Нарым и задержавшись в этом населённом пункте на 12 дней (с 1 по 12 июня).

Александр Кастрен продвигался по Оби во время своего путешествия по Томской губернии в обратном направлении – от Сургута в Томск. Он также останавливался в Нарыме с 25 сентября (7 октября) по 1 (13 декабря) 1845 г., переждав здесь рекостав и начало сибирской зимы, а затем продолжил свой путь из Нарыма в Тогур санным способом.

Кай Доннер начинал своё путешествие на север Томской губернии из Томска на санях в середине ноября 1911 г., продвигаясь по зимнику в с. Тымское. Однако он также задержался в Нарыме на несколько дней, чтобы представить свои рекомендательные письма городскому голове, отметиться у пристава – высшего начальства Нарымского края, а также поработать с архивными материалами, хранившимися в Нарыме. Пребывание К. Доннера в Нарыме можно датировать началом декабря 1911 г., а длительность пребывания определить сроком не меньше недели.

Целью поездки **Михаила Бонифатьевича Шатилова** был непосредственно Принарымский район – окрестности Нарыма. Поездка была

совершена им в августе 1924 г. Из Томска до Нарыма и обратно Шатилов добирался на пароходе «Китай». В самом Нарыме М.Б. Шатилов был 11, 19 и 24 августа, а также, возможно, еще несколько дней, дожидаясь прибытия парохода для возвращения в Томск.

Всех этих исследователей интересовало, в первую очередь, коренное население края, поэтому именно его описанию и посвящены основные собранные ими материалы – сведения о расселении и численности, языке и топонимике, семейном составе и хозяйственных занятиях остяков и тунгусов (селькупов и эвенков) Нарымского края. Однако из их поля зрения не ускользнуло и русское население этой территории, поэтому мы также найдём в их описаниях колоритные зарисовки нравов и быта русских сибиряков.

Статьи **Ольги Ивановны Матющенко** и **Максима Сергеевича Ковлягина**, написанные на основе документов первой половины XX в., реконструируют не только событийную канву этого исторического периода, но и восстанавливают атмосферу того времени.

О.И. Матющенко буквально «ткёт» историческое полотно своего исследования, в котором читатель может в деталях увидеть разнообразные стороны быта и нравов невольных жителей Сибири – политических ссыльных г. Нарыма в дореволюционный период.

М.С. Ковлягин на основе архивных документов и данных периодической печати 1920–1930-х гг. реконструирует судьбу особого учебного заведения – «остяцкого педагогического техникума», известного впоследствии как Колпашевское педагогическое училище, ставшее, выражаясь терминологией советского времени, «кузницей педагогических кадров» для Томской области. Один из авторов данного сборника – **Ирина Анатольевна Коробейникова** – как раз была выпускницей этого училища (выпуск 1971 г.), и её судьба – это судьба представителя той самой «аборигенной интеллигенции», выучившей впоследствии не одну сотню детей разных национальностей (но преимущественно русских ребятшек) читать и писать по-русски в школах посёлков Нёготки на Тыму и Толмачёво на Парабели; при этом и селькупский язык не был забыт,

его Ирина Анатольевна преподавала в 1990-е гг. (биографию И.А. Коробейниковой см. в разделе «Наши авторы»).

Статья самой И.А. Коробейниковой в данном сборнике посвящена памяти известной среди селькуповедов (лингвистов и этнографов) сказительницы Нины Степановны Макшиной, носительницы чумылькупского диалекта селькупского языка. Всем, кто приезжал к ней, она бескорыстно дарила свои воспоминания о прошлой жизни, сказки и былички своего народа, демонстрируя свободное владение селькупским языком, при этом с пониманием относилась к «тяготам» работы с исследователями – постоянным перепроверкам и повторам сказанного, толкованию непонятных мест, уточнению переводов, транскрибированию и прочему. Совместно с Ириной Анатольевной хочется выразить Нине Степановне Макшиной и всем информантам-селькупам глубокую благодарность за помощь в полевых исследованиях: общение с ними давало не только материал для будущих книг, статей и диссертаций, но и являлось настоящей школой жизни для многих, приезжавших к ним молодых, начинающих исследователей.

Статья **Татьяны Валентиновны Аминовой** о формировании фондов Парабельского краеведческого музея написана на основе данных музейной документации, сопровождающей поступление предметов в музей и превращение их в музейные экспонаты. Сама Татьяна Валентиновна уже более 30 лет работает в этом музее, и именно через её руки (и по её инициативе) поступило в фонды большинство предметов, упомянутых в данной статье. Будучи краеведом по призванию, она с теплотой и заботой хранит эти вещи не только в недрах музейной «кладовой», но и, главным образом, в витринах и стендах экспозиции, оживляя их своими рассказами.

Современному населению Парабельского района посвящена статья доктора исторических наук **Ирины Владимировны Нам** и кандидата исторических наук **Элеоноры Львовны Львовой**. Авторам удалось побеседовать на историко-этнографические и житейские темы как с представителями селькупского этноса, так и с русскими жителями Нарыма,

Парабели и окрестных сёл – Талиновка и Нельмач. В процессе сбора материала к статье велась также видео- и аудиозапись.

Андрей Сергеевич Макаров для написания своей статьи о коренных малочисленных народах Томской области использовал, прежде всего, данные современной статистики, которые репрезентируют это население с количественной и качественной стороны в новый для них исторический период – первое десятилетие XXI в.

В сборник включены репродукции портретов (2011 г.) из серии «Малые народы» проекта «Возрождение» объединения художников «Гвоздодёры» под руководством **Э. Дириной**.

Авторский коллектив сборника надеется, что представленные в нём статьи окажутся интересными и полезными для всех, кто интересуется историческим краеведением, этнографией и вопросами современного состояния миноритарных этнических сообществ.

Н.А. Тучкова, кандидат исторических наук.

**ФРАГМЕНТ ОПИСАНИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ОТ ТОМСКА
ДО НАРЫМА В МАЕ – ИЮНЕ 1740 г.¹**

[Итак, конец весны – начало лета 1740 г. Судно, на котором путешествует Герард Миллер, движется вниз по течению Оби из Томска в Нарым. Деревня Тогурская и Кетское Верхнее устье остались позади. Приближается к Кетскому Среднему устью]:

«...Кецкое Середное устье, по-остяцки Köten-ang, рукав из р. Оби в Кеть, в 9 верстах от Сагандиной.// Имеет одинаковое с предыдущим название, поскольку впадает в него и уже посредством общего устья впадает вместе с ним в Кеть.

Басмасовы юрты, по-остяцки Dschörsul-êt, на восточном берегу, в 11 верстах от Сагандиной. Имеет 15 юрт Ларпицкой волости.

Kaigudenâl-êt, на восточном берегу, в 5 верстах от предыдущей. Имеет 3 юрты той же волости.

Дер. Туменцова, или Аргунская, на западном берегу, напротив предыдущей деревни. Состоит из 2 дворов разночинцев, из них один расположен рядом с рекой, а другой – в нескольких верстах отсюда на маленьком озере.

Протока Kaltsch, на западной стороне, берёт начало немного ниже предыдущей деревни.

Рч. Чангара, по-остяцки Tschagar или Tschagarl-ki, впадает с запада в предыдущую протоку, в 6 верстах от предыдущей деревни.

Дер. Луговская, или Чангаринская, на устье предыдущей речки. Имеет 3 двора разночинцев.

Дер. Нестерова, или Сухушина, на западном берегу, в 2 верстах от предыдущей. Имеет 2 двора разночинцев.

¹ Полностью описание см.: Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 172–186. –Прим. ред.

Парабельские юрты, по-остяцки Parbel-êt, на восточном берегу, в 10 верстах от Kalgudenâl-jêt. Имеет 16 юрт Четвёртой Парабельской волости.

Дер. Новосельцова, на западном берегу, на предыдущей протоке, в 6 верстах от Нестеровой и почти на одной широте с последней остяцкой деревней. Имеет 6 дворов служилых и разночинцев.//

1 июня.

Ласкины юрты, по-остяцки Kuarel-êt, на острове, образованном протокой Kaltch, напротив большого рукава р. Оби, в 6 верстах от Новосельцовой и в 8 верстах от Парабельских юрт. Имеет 11 юрт Верхней Подгородной волости.

Парабельские, или Пигачины, юрты, по-остяцки Parbel-êt, на восточном берегу, в 10 верстах от Ласкиной. Имеет 10 юрт Первой Парабельской волости.

Дер. Нестерова, на западном берегу, на вышеуказанной протоке, напротив последней остяцкой деревни. Имеет 7 дворов служилых и разночинцев.

Дер. Перемитина, на том же берегу, на той же протоке, в 2 верстах от предыдущей. Имеет 3 двора служилых и разночинцев.

Дер. Миронова, на том же берегу, на той же протоке, в 2 верстах от предыдущей. Имеет 2 двора разночинцев.

Место впадения протоки Kaltsch в Обь, немного ниже предыдущей деревни.

Остров на западной стороне, берёт начало намного ниже места впадения предыдущей протоки и простирается до нижеследующего села Парабельского.

Дер. Сухущина, на западном берегу, в 1 версте от предыдущей. Имеет 8 дворов разночинцев.//

Дер. Типсина, на западном берегу, в 1 версте от Мироновой. Имеет 2 двора разночинцев.

Дер. Шапова, на западном берегу, в 1 версте от предыдущей. Имеет 3 двора разночинцев и крестьян.

Село Парабельское, или Спасский погост, на западном берегу, в 1 версте от предыдущей деревни. Имеет церковь Спаса Вседержителя и, помимо дворов церковных служителей, 2 крестьянских двора. Здесь назначен приказчик из Нарыма, который имеет надзор над русскими деревнями этих мест. Название села Парабельского основано на том, что река, которая по-русски называется Парабелью, а по-остяцки Kūöngö и впадает в Обь в 60 верстах ниже Нарыма, здесь в своем течении очень близко подходит к реке Оби, так что от села до Парабели насчитывается лишь от 3 до 4 вёрст, и этот короткий путь обычно используют остяки, чтобы перенести свои маленькие лодки по суше с одной реки на другую или перетащить их за собой.

Протока Káhe, сообщение между Обью и Парабелью, немного ниже предыдущего села. Она, однако, судоходна лишь при высокой воде, а осенью пересыхает. Течение в этой // протоке в соответствии с тем, в какой реке вода выше, чем в другой, то из Оби в Парабель, то из Парабели в Обь.

Куальские юрты, Kuäl-êt, на восточном берегу, наискосок напротив предыдущего села. Имеет 8 юрт Третьей Парабельской волости.

Дер. Кастарева, на западном берегу, в 1½ верстах от предыдущего села. Имеет 7 дворов разночинцев и крестьян.

Дер. Сиселина, на том же берегу, в 1 версте от предыдущей. Имеет 3 крестьянских двора.

Дер. Голещихина, на том же берегу, в 1 версте от предыдущей. Имеет 3 двора служилых и разночинцев.

Дер. Нехорошова, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей. Имеет 4 двора служилых и разночинцев.

Дер. Вялова, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей. Имеет 8 дворов разночинцев.

Дер. Толмачева, на западной стороне, в 1 версте от предыдущей, в удалении от реки, на озере. Имеет 9 дворов разночинцев.

Шираевы юрты, по-остяцки Mutschbar- êt, на восточном берегу, в 9 верстах от Куальских юрт. Имеет 8 юрт Верхней Подгорной волости.

Река Кеть, а именно её самое нижнее и самое большое устье, которое по-остяцки называется Schümdenang, или Schümdenak, с восточной стороны, в 9 верстах от // Шираевых юрт, шириной от 100 до 200 сажень. Описание этой реки последует ниже особо.

Nül-téo; Угина протока, по-остяцки Úga-teo; то есть Большая протока, – это три маленьких рукава Оби, которые текут друг за другом на западной стороне и образуют расположенные точно так же поблизости друг от друга острова.

Подгорные Зарешные юрты, по-остяцки Schümdenaki-êt, на острове, заключённом между протокой Nül-tеои большой Обью, наискосок ниже устья р. Кети. Имеет 3 юрты Подгорной волости.

Нарым, маленький городок на восточном берегу р. Оби, в ½ версты от устья реки Кети, в 20 верстах от села Парабельского по прямой дороге и в 410 верстах от Томска по данному указателю. Сюда прибыл 1 июня после обеда в 4 часа и остановился до 12 июня.

Перед городом в Обь течёт маленькая река, которая в 3-4 верстах отсюда вытекает из маленького озера. Она называется по-остяцки Kuótschel-tео, то есть **Городская протока**, поскольку слово Kuotsch в остяцком языке Нарымского уезда // означает город или населённый пункт. На северном берегу этой речки и стоит город там, где почва немного возвышается над остальной окрестной низменной местностью, что и явилось основанием для выбора места для города.

В середине город защищён крепостью из палисада в виде четырёхугольника со сторонами от 50 до 60 сажень, а на 4 углах этой крепости имеются боевые башни, помимо ещё двух башен над воротами. Из них одни ворота находятся в середине южной стены, напротив речки, а другие – прямо напротив, со стороны суши. Внутри крепости имеется прежде всего церковь Спаса Всемилодиваго и Покрова Пресвятыя Богородицы. Но поскольку она очень старая и прогнила, то сейчас вместо неё строится новая церковь из двух этажей, нижний из которых предназначен для зимы, а верхний для лета. Далее в крепости находятся: канцелярия, дом воеводы, амбар для хранения ясачной казны, амбар с погре-

бом, где содержатся артиллерийские припасы и, в особенности, порох и свинец, таможня и погреб, в котором хранится вино, продаваемое из казны.

Вне крепости имеется в общей сложности не более как // 72 двора жителей, некоторые из которых стоят в полуверсте от города на берегу р. Оби, немного ниже устья вышеупомянутой речки, где находится также часовня. Эти последние дома называются в обыденной речи Камчаткой. Название происходит от жившей здесь распутной женщины, которая заставляла проезжавших мимо купцов одаривать себя **камкой** и **камчатным платьем**. Купеческие и другие суда, которые предназначены из Тобольска в Томск или в Маковский острог на р. Кеть, или от этих пунктов до Тобольска, при высоком и среднем уровнях воды подъезжают обычно сюда, но когда все низкие места по Оби или их большая часть затоплены, приставать можно под городом. В последнем случае озеро, из которого вытекает речка Kuotschel-téo, имеет сообщение с р. Кетью, посредством которого, а также вдоль речки образуется довольно широкая протока из Кети в р. Обь, которая, однако, следует не вдоль всей речки до её устья, а поворачивает вправо как только минует город. В то время как другая протока течёт из Оби вверх по речке и соединяется с предыдущей немного ниже города, так что район тех домов в Камчатке этими обеими протоками превращается в остров. //

Согласно одному находящемуся в Нарымской городской канцелярии реестру по измерению пути от Нарыма до Томска дистанция между обоими городами должна составлять лишь 334 версты 200 сажень. Я, однако, не мог ему следовать и предпочёл руководствоваться устными сообщениями людей и собственными оценками, поскольку во многих местах расстояния в указанном реестре вёрст кажутся очень далёкими от истинных, и можно предположить, что измерения, произведённые, по-видимому, нарымскими казаками, не являются верными.

По речке, или протоке Kuotschel-téo, имеются:

Дер. Луговская, на северном берегу, недалеко от истока из указанного озера. Имеет 5 дворов.

Соснина заимка, на том же берегу, в ½ версты ниже предыдущей. Принадлежит нарымскому дворянину.

Дер. Радикова, на том же берегу, в ½ версты ниже предыдущей и в 2 верстах от Нарыма. Имеет 2 двора.

Озеро Большое (по-остяцки Ükol-tu), на северной стороне речки, в ½ верстах от берега. Имеет 1 версту в поперечнике.

Дер. Перемитина, на южном берегу озера, в ½ версты от деревни Радиковой. Имеет 2 двора»...

*Компьютерный набор текста с опубликованного
А.Х. Элртом оригинала: **Яна Трубникова.***

М. А. Кастрен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

«...За сим мы оставим Тобольскую губернию и будем продолжать наше путешествие в Томской. Первые встретившиеся нам здесь юрты были Каглеакские, верстах в 20 от сургутской границы. В них мы не заметили почти ничего такого, чего бы не видели уже у остяков Тобольской губернии. Юрты, за исключением круглой формы, во всём прочем совершенно одинаковы с сургутскими. Точно так же нет никакой разницы ни в одежде, ни во внешних обычаях, ни в нравах. Физиолог, может быть, и открыл бы некоторые специфические оттенки, но для обыкновенного наблюдателя они незаметны. Справимся с учёными – Клапрот скажет нам, что жители берегов Чулыма, Нарыма, Верхнего Тыма и Кети – самоеды, но при устье Тыма, где мы теперь находимся, они решительно слывут остяками. Остяками называют их и русские, и они не отказываются от этого названия, хотя на своём языке и называют себя: ниже Нарыма – *Tschymel-gor*, выше Нарыма – *Schcsch-kom*, по Кети – *Sysse-gom*, по Чулыму – *Tjyje-gom*, то есть *человек страны* (от *tschu*, *tju*, *sy* – глина, земля, страна). Но, несмотря на всё это, филолог отнюдь не задумается причислить их к самоедам. Хотя язык их и имеет много особого, уклоняющегося от северного наречия, но законы его и масса слов не оставляют никакого сомнения в его сродстве с самоедским. К самоедскому племени принадлежит в Томской губернии, за исключением обитателей берегов Васьюгана (большой частью остяков), всё туземное народонаселение страны, от сургутской границы на севере до реки Чулыма – на юге. Но не будем забегать вперёд и продолжим рассказ о нашем путешествии. Проплыв несколько вёрст от Каглеакских юрт, мы прибыли к устью Тыма, называемого туземцами *Kaselky*, т.е. Река-окунь (от *kaha*, *kasa*, *kassa* – окунь и *ky* – река). Река эта вытекает из енисейских болот,

¹ Фрагмент из кн.: Матиас Александери Кастрен. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. С. 86–104.- Прим. ред.

невдалеке от истоков Сыма ², текущего в противоположном Тыму направлении. Тым – река довольно значительная и, как говорят, в низовьях имеет до 50 сажен ширины. Берега его низки, а прилегающая к нему страна полна болот. По всему его течению живут самоеды в обыкновенных юртах и промышляют звероловством и рыбной ловлей. Они все крещены и имеют свою церковь на Оби, в двадцати верстах выше устья Тыма, в маленькой деревушке, называющейся по церкви Тымской. От самого Лумпокольска эта деревенька – первое русское поселение, встреченное нами на пути.

Переночевав здесь, мы безостановочно продолжали наше путешествие и вскоре прибыли к русской рыболовне, состоявшей по крайней мере из двадцати юрт, в беспорядке разбросанных по широкому песчаному берегу. Между ними не было и двух сходных: одни круглые, другие четырехугольные, третьи пирамидальные, четвёртые конусообразные, большая же часть неправильной формы. Почти все они берестяные, но устроены так дурно, что осенние бури не только погнули их, но и вывалили порядочные части стен. Кроме того, они так малы и низки, что в дверь надо вползать на четвереньках, а внутри можно только сидеть либо лежать. Все они принадлежали частью самоедам, частью васьюганским осякам, загнанным крайней нуждой в батраки к съёмщику этой рыбной ловли, кажется, купцу Нарымскому. За этими юртами поднималось далеко превышавшее их огромное пирамидальное жилище, устроенное из сена, раkitника и земли. Оно принадлежало надсмотрщику, который в это самое время тихо шёл по полю с большой палкой в руке. Окладистая борода и синий кафтан показывали, что он русский. От его жилища тянулся длинный ряд амбаров, устроенных из того же материала. Неподалеку от них находилось ещё жильё, которого только крыша виднелась над землёю. Мы спустились по лестнице в это подземелье. «Милости, милости просим!» – крикнуло нам в один голос многочисленное весёлое общество с пёстрыми рукавами, вероятно, купеческих при-

² В древние времена реки Тым и Сым, как известно, служили путём сообщения между Обью и Енисеем.

кашиков, сидевшее вокруг кипящего самовара. Хозяин встретил нас низким поклоном, посадил на почётное место и подбавил дров в огонь не тепла ради, а ради освещения. Свет от огня дал нам возможность заметить, что это подземелье имеет почти все принадлежности порядочного человеческого жилища: четыре стены, впрочем, земляные и покрытые толстым слоем плесени; крышу, снаружи обложенную торфом; очаг, сложенный из глины с сеном; скамью, дверь, несколько образов и т.д. Хозяин, несмотря на то что он русский и горожанин, уверяет, что лучше этого жилища и желать нечего, что гораздо лучше спать с сытым желудком здесь, чем с тощим в любом городском доме. Оно, может быть, и так, но у кого, кроме требований желудка, есть ещё потребность дышать свежим воздухом, видеть свет Божий, тот поспешит вместе со мною покинуть и эту блаженную юрту.

Но прежде чем оставим рыболовню, бросим на неё ещё один беглый взгляд. Тут мы видим сбор людей, принадлежащих к трём разным нациям. Посмотрите на русского, как он разыгрывает господина, бодро и смело похаживая в своём тёплом овчинном тулупе, тогда как остяк и самоед, как угнетенный раб, бродит с согнутой выею, с подгибающимися коленами. Конечно, и между русскими видим мы и господ, и рабов, но русский и под гнётом рабства не утрачивает своей весёлости и бодрости. С юношеской отвагой бежит он по полю, поёт, прыгает и затрагивает всё, что ни попадётся на пути. Для встречного товарища у него готова шуточка, к угрюмому туземцу он пристаёт, как овод к лошади, даёт ему толчки и пинки, срывает с него шапку и заставляет бегать за собою из стороны в сторону до конца поля. Но вот внимание наше обращает на себя группа дряхлых женщин, оборванных ребятишек и косматых собак, виднеющаяся в отдалении. Удалившись сюда с «крупницами со стола богатого», состоящими в мелкой рыбе всякого рода, женщины эти заняты чисткой и развешиванием её для сушки. Ребятишки кричат, как голодное воронье вокруг добычи, и собаки во всё горло вторят этому дисгармоническому концерту. Несколько поодаль от этого места они бегают вокруг мальчишек, которые вцепились друг другу в волосы. Мальчишки

шальют, но собаки, кажется, не понимают этого. Более взрослые заняты: одни – борьбою и другими телесными упражнениями, другие – игрой в дураки и в три листика. Кругом раздаются песни и звуки гармоники, которая и здесь в такой же моде, как и на улицах Москвы, Петербурга и Казани.

Темнело уже, когда мы оставили рыболовню. Вместе с темнотою возрастала и непогода, преобразовавшаяся ночью в страшную бурю с ливнем. Лёжа в своей тёмной каюте, я вскоре стал замечать, что судно наше то и дело касается дна. Несмотря на многократные приказания кормчего, чтобы держали подальше от берега, толчки продолжались. В подобных случаях прибегают к более строгим мерам, и благодаря им судно поплыло наконец свободнее. Но плыло ли оно вверх по реке или вниз, этого никто не мог решить; и сам кормчий на вопрос об этом отвечал, что он может, конечно, отвести судно подальше от берега, но бессилен против ветра и волн на разъярённой реке. Посоветовавшись, мы решились причалить к берегу и переждать непогоду, тем более что один из гребцов была женщина с грудным ребенком, требовавшим в такую ночь попечений матери.

На следующий день, по миновании бури, мы проехали при холодной и туманной погоде мимо юрт Аскинских, Канаскинских, Искинских и Кашкинских и к вечеру добрались до устья Васьюгана (1)³, по-остяцки *Elle-jögan* – большая река, или *Watj-jögan* – узкая река, по-самоедски *Warky* (от *warg* – большой и *ky* – река). Он берёт свое начало в больших Барабинских болотах, неподалеку от истоков Туи и Демьянки, впадающих в Иртыш, и Югана, впадающего в Юганский рукав Оби. Васьюган, как говорят, протекает более 600 верст, весьма извилист, тих и везде судоходен. Важнейшие из его притоков; Квенелька, Пурелька, Нюрелька (ост. *Jargan-jögan*, т.е. река самоедов, Халат или Салат, Чежабка (сам. *Tschadschap-ky*, ост. *Wai-jögan* – река лосей) и др. Как мы упомянули уже, эта речная область населена остяками, за исключением Чежабки,

³ (1) Штукенберг ошибается, говоря, что *Was* значит большой, а *Torm* – малый. Слово *Torm* по-остяцки значит Бог, а Васьюган, по всей вероятности, русское искажение названия *Watj-jögan*.

по нижнему течению которой живут кое-где самоеды; верховья же совершенно безлюдны. Здешние остяки и самоеды стоят почти на той же степени образованности, как и обские. Они живут в юртах с местом для огня посередине, не держат ни лошадей, ни коров и кормятся преимущественно звероловством и рыбной ловлей. Около 200 вёрст выше впадения Васьюгана есть давно уже выстроенная церковь, но без священника.

От впадения Васьюгана до Нарыма считается только 60 вёрст. Эта часть довольно густо заселена русскими и остяками, но селения их расположены не по самой Оби, а, как обыкновенно, по небольшим рукавам и притокам её. При самой Оби на этом протяжении одна только русская деревня – Ильина да несколько юрт, в которых во время лова живут одни рыбаки без семейств. Окрестности постоянно дики и пустынные. Ничто не давало знать о близости старого города, и, как будто нарочно, сама Нарымская пристань называется Камчаткою. Мы приплыли в неё 25 сентября (7 октября) – в самую пору, потому что через несколько дней она покрылась уже льдом.

Письма

I

**Доктору Лёнроту в Каяне.
Нарым, 1 (13) ноября 1845 г.**

Дружеское письмо твоё от 4 сентября я получил уже более месяца тому назад, но по причине постоянно дурного зимнего пути, прервавшего всякое сообщение в здешней пустыне, принуждён был оставить его до сих пор без ответа. Теперь, наконец, я имею возможность благодарить тебя за все беспокойства, которым подвергла тебя моя черемисская грамматика, и тем более, что работа моя, по всей вероятности, вовсе не стоила их. Мне даже сдаётся, что эта грамматика была единственной причиной поездки твоей в Куопио. Хорошо ещё, что Коллан взял на себя корректуру и что ты мог покойно возвратиться в Каяну.

Следующим моим произведением будет остяцкая грамматика, составленная почти по такому же плану, как и зырянская. По-шведски она уже написана, и теперь остаётся только Бергстади перевести её на латинский язык. Я хочу приложить к ней, по возможности, полный список слов, потому что остяцкий язык в лексикальном отношении представляет замечательное сходство с финским. В грамматическом же отношении сходство между этими языками не так велико, и это вследствие сильного на остяков влияния русских, татар и самоедов. Остяцкий язык чрезвычайно звучен. К отличительным его звукам принадлежат придыхаемые *d* и *t*, которые произносят почти как *d/* и *t/* и иногда переходят в чистое */*. Это, кажется, также весьма интересный факт и в отношении к финскому.

Что на верхней Оби я наткнулся на несколько самоедских племён, доселе неизвестных и говорящих наречием, которое очевиднейшим образом доказывает сродство между финским и самоедским языками, – это новость, к которой, конечно, и ты не останешься равнодушным. В настоящую минуту я занимаюсь другим, весьма замечательным самоедским наречием, которое без всякого основания почитали остяцким; оно начинается у тобольской границы на севере и распространено вверх по Оби и её притокам во всём Нарымском уезде до Томска. Но здесь, на Нарыме, я поневоле должен прекратить мои о нём исследования и продолжать безостановочно путешествие по Енисею, составляющему настоящее поприще моей дальнейшей деятельности. Сколько я могу теперь предвидеть, мне придётся провести весь будущий год на нижней части этой реки между городами Енисейском и Туруханском. В продолжение этого времени все письма ко мне можно адресовать в Енисейск. Русское имя, которым окрестила меня академия, – Александр Христианович, и прошу никак не забывать этого, потому что в Сибири всякая безделица принимается за важное.

Здоровье моё, которым я не мог похвалиться летом, значительно исправилось с тех пор, как я перестал вдыхать в себя влажные туманы Барабинской степи. Посмотрим, что-то скажет зима. Я со своей стороны уже несколько попривык как к тому, так и к другому, но Бергстади всё

ещё не может акклиматизироваться здесь, и его всё тянет в Финляндию.

II

**К лектору Коллану в Куопио
Нарым , 4 (16) ноября 1845 г.**

Недавно я получил от друга Лёнрота письмо, в котором он извещает меня, что ты был так добр и принял на себя корректуру моей черемисской грамматики. Вместе с тем он упоминает, что типографщик обещал высылать ко мне по мере того, как она будет выходить из печати, листа по два с каждой почтой.

Начиная с лета, я изучал не менее пяти различных наречий самоедского и остяцкого языков и для последнего составил уже небольшую грамматику. В настоящее время я занимаюсь далеко распространённым и весьма оригинальным наречием самоедского языка, которое до сих пор смешивали с остяцким. Это наречие распространено с различными видоизменениями от тобольской границы на севере, вдоль по Верхней Оби и по её притокам, до окрестностей Томска на юге. Может быть, я ещё встречу это самое наречие где-нибудь и в Енисейской губернии, на это предположение меня наводят таблицы Клапрота. Строгая последовательность должна бы, конечно, заставить меня продолжать исследования об этом наречии по однажды принятому направлению до Томска, но так как мне ещё придётся возвратиться в эти края, а между тем зимнее время может быть употреблено с гораздо большей пользой на Енисее, то я и располагаю при первом удобном случае отправиться в Енисейскую, или Красноярскую губернию. В этой губернии, как тебе известно, господствует необыкновенное смешение племён и языков, филологу хватило бы здесь работы на целую жизнь, но, чтобы кончить возложенную на меня задачу в назначенный срок, я должен до истечения будущего года обследовать по крайней мере всю северную часть этой губернии, или страну по обеим сторонам Енисея между Ледовитым морем на севере и городом Енисейском на юге. После этого я думаю отправиться в окрест-

ности Красноярска, Иркутска и Томска для изучения карагасского, кой-бальского и других остатков самоедских наречий в Южной Сибири. Здесь я приду в соприкосновение с монголами и тюрками, или татарами, которые особенно интересны, потому что мне страшно хочется доказать сходство между их языком и финским, а равно и самоедским. А что это сродство действительно существует, в этом не может быть никакого сомнения, но, чтобы доказать его вполне удовлетворительно, разумеется, нужны труд и время. Весьма вероятно, что моей жизни и не хватит на окончание этого дела; как бы то ни было, чтобы не растеряться и не сбиться в той путанице, мне необходима определённая цель. Чем выше цель ставит себе человек, тем ревностнее старается он достигнуть её и тем больше может он сделать. Нисколько не полагаясь чересчур на свои силы, я бодро работаю всё-таки для своей цели, ибо уверен, что это дело должно иметь успех. К вечному позору нашему, немцы не замедлят обработать семью наших языков, и тем же самым сравнительным способом, которым обработали свою собственную или индогерманскую. С радостью и удивлением прочёл я, что Габеленц обещает уже сравнительную грамматику финских и татарских языков. В России также сильно интересуются этим делом, и во Франции Луи Луциан Бонапарт хлопочет о том же. Только в Финляндии смотрят на это как-то недоверчиво, таков уж, впрочем, наш обычай. Этим я отнюдь не хочу сказать, чтоб моей собственной особе не оказывали так называемой справедливости. Напротив, мне оказывают её гораздо более, чем я заслужил или когда-нибудь заслужу, но на само-то дело смотрят слишком холодно и равнодушно, что доказывается уже и тем, что я до сих пор не могу добыть постоянного сотрудника. Бергстади, конечно, нельзя упрекнуть в равнодушии, но он страдает тоской по родине и замышляет возвратиться будущей весной или летом если не в Финляндию, так по крайней мере в Казань, где в кругу финских друзей и знакомых надеется доконать год скорее, чем в пустынях Сибири. По-

смотрим, кого-то в таком случае назначат на его место! В другой раз – более.

III

**К статскому советнику Шёгрёну.
Нарым, 1 (13) декабря 1845 г.**

Медленная и от дурных дорог прекратившаяся почта доселе лишала меня удовольствия писать к вам. Теперь, кроме письма, посылаю тетрадь сухих дорожных заметок. В них всё, касающееся финнов и сродства их с самоедами и другими народами, можно и выбросить, если Академия найдёт это излишним. Собственно эта часть предназначалась мною для финской публики, которая и не предчувствует этого; мне хотелось возбудить её внимание, потому что, по моему мнению, для обработки этого сибирского поля мои соотечественники способнее всех. К краткому же в конце описанию рек дала повод инструкция г. Кеппена, и я полагаю, что оно не только нелишне, но даже и полезно, потому более, что Штукенберг не говорит ничего или говорит очень мало об этих реках, между тем как в этнографическом отношении они гораздо важнее самой Оби. Впрочем, на пути от Самаровой до Сургута я не встретил ничего замечательного, переезд от Сургута до Нарыма дал несравненно более материалов, но я не успел ещё привести их в порядок и изложить как следует... Наперёд расскажу вам о самом путешествии.

До Сургута я не уклонялся от плана, начертанного мною в Тобольске. Для приобретения необходимых сведений в остяцком языке большая часть лета была проведена мною в окрестностях Самаровой, по рекам Оби и Иртышу. На Верхней Оби я нашёл нескольких так называемых казымских, или кондинских, самоедов и познакомился, насколько нужно, с их наречием, которое представляет некоторые отклонения от обдорского. Таким образом, мне уже незачем было в другой раз ездить в Берёзов и отыскивать казымских самоедов в Юильском городке, куда они, говорят, приходят к Рождеству для платежа подати. Поэтому я продол-

жал путешествие по принятому однажды направлению вверх по Оби и в начале августа прибыл в небольшой, ныне упразднённый город Сургут. В его околоте я нашёл одно или даже два новых остяцких наречия, на которые не мог не обратить внимания, ибо они во многих отношениях были богаче и чище иртышского, и я употребил остальную часть лета на изучение их. Долее заниматься остяцким языком я не позволил себе, потому что язык этот в данной мне вами инструкции занимает весьма второстепенное место. Но так как у меня всё-таки набралось много заметок, то, чтобы не запутаться в них впоследствии, я ещё в Сургуте решил привести их в порядок. Из них мало-помалу образуется теперь остяцкая этимология, которую со временем буду иметь честь представить в Академию наук.

Не помню, говорил ли я в предшествовавших письмах, что прежде я рассчитывал остаться в Сургуте до зимы, потому что предполагал уже и в окрестностях его найти самоедов и тут же приступить к серьёзному изучению языка их. Предположение это не оправдалось, и я поспешил отъездом отсюда, чтобы добраться до них прежде, чем станут реки, и посвятить время продолжительной распутицы настоящему предмету моих исследований. И прежде, и после мне говорили, что из Сургута можно проехать к самоедам двумя дорогами: одной – вверх по рекам Ваху и Куль-Йогану к Корелке, Тазу и Туруханску, другой – верхним течением Оби к Нарыму. Исправник уверял меня честью, что не преградит мне ни той, ни другой дороги, но, по единогласному мнению жителей, дорога к Тазу была уже преграждена. Во всяком случае было ясно, что летним путём я не проеду дальше Ларьятского на Вахе, где пришлось бы прожить целую осень без всякого дела или ограничиться одним остяцким языком. Кроме того, если б какие-нибудь неблагоприятные обстоятельства принудили меня повернуть отсюда назад, я потерял бы без всякой пользы почти треть года. Всё это заставило меня предпочесть далеко вернее ведущую к моей цели дорогу вверх по Оби. В половине сентября оставил я Сургут и в конце того же месяца приплыл в Нарым.

Таким образом, я, конечно, уклонился от первого моего плана, но

это оказалось весьма полезным, потому что не только привело меня к самоедам, но и кажется необходимым шагом для дальнейших исследований. Самоедское население Томской губернии гораздо многочисленнее и гораздо важнее во всех отношениях, чем можно было предполагать по прежним о нём сведениям. Оно начинается тотчас от сургутской границы на севере и отсюда распространяется к югу по Верхней Оби и её притокам Тыму, Кети, Парабели, Чулыму до Томска. Русские называют самоедов Томской губернии остяками, тогда как остяков здесь нет, за исключением небольшой ветви, живущей только по Васьюгану и примыкающей по языку к соседним остякам Сургутского округа. В речной области Васьюгана встречаются, впрочем, и самоеды, и именно по Чежабке (по-остяцки Wai-jtgan). Что касается до томского самоедского наречия, оно значительно отличается от обдорского, но, как обыкновенно, большей массой слов, чем самим грамматическим построением. Некоторые из свойственных ему слов – совершенно неизвестного для меня происхождения, другие же заимствованы частью из татарского и остяцкого языков. Приведённый остяцкими словами в заблуждение, Клапрот причислил большую часть коренных жителей Томской губернии к остякам и разделил их язык на два наречия – васьюганское и нарымское. Где господствует нарымское наречие мнимых остяков, Клапрот не определяет, но так как для самоедов он отвёл окрестности Нарыма и верхнее течение рек Кети и Тыма, то и можно предполагать, что остальные части Нарымского округа заселены так называемыми нарымскими остяками. Можете представить моё удивление, когда, проехав большую часть этих стран, я не встретил ни одного остяка, когда в каждой юрте находил только самоедов. Но ещё более изумило меня то, что многие остяцкие слова, приведённые Клапротом под рубрикой «Близ Нарыма», например, название чисел, вовсе не существуют в нарымском наречии. Из этого явствует, как мало можно полагаться на приводимые Клапротом списки слов. Вместе с тем, я еще более убедился, что крюк, который я сделал, поехав в Нарым, – самая прямая дорога к моей цели. Я слышал от многих и в разных местах, что самоеды Тыма, Куль-Йогана и Таза находятся

в сношениях друг с другом и говорят почти одним и тем же языком. По моему, нет ничего естественнее этого, да и по Клапотовым таблицам наречие томских самоедов ближе к наречию тазовских, нежели к наречию туруханских. Если это всё так, то мои здешние занятия самоедским будут полезным приготовлением для будущих исследований по Тазу и Куль-Йогану, где без такового приготовления лингвистические разыскания были бы почти невозможны, потому что тамошние жители не знают по-русски, не имеют даже порядочных жилищ. Впрочем, и в случае, если моё предположение о ближайшей связи между томским и тазовским наречиями не оправдается, я много выиграю уже и тем, что расширившееся знакомство с самоедским языком, которое я приобрёл и приобретаю настоящей поездкой, значительно облегчит изучение как тазовского, так и всякого другого наречия.

Что касается до дальнейших моих поездок, я был весьма обрадован тем, что последние предписания Академии, точно так же, как и ваши, в главном совершенно согласуются с моими собственными желаниями и намерениями. Вы, может быть, припомните, что прежде я располагал пробраться в Енисейск прямо через Кеть, но давно уже должен бы отказаться от этого, потому что пространство по Кети почти непроездно; сотни вёрст без всяких дорог, юрты – на далёком одна от другой расстоянии, и лошади чрезвычайно редки. Почти на этом же пути к Енисейску, в небольшой деревне Максимкин Яр выстроены для удовлетворения духовных и материальных потребностей самоедов церковь и несколько казённых магазинов. До этой деревни, хоть и не без трудностей, но всё-таки можно добраться, да вот беда – нарымские ямщики не берут меньше 500 рублей. Поэтому даже из экономического расчёта будет благоразумнее выбрать более длинную дорогу на Томск и Красноярск. На этом пути я покончу, согласно вашему предписанию, и с видоизменениями, вероятно, весьма значительными, наречий, встречающихся по Оби, Кети и Чулыму. Прежде, чтоб добраться поскорее до Туруханска, я было думал отложить разыскания в Чулымской области до возвратного пути и это потому, что опасался, что Академия и вы будете недовольны моим

долгим пребыванием в Томской губернии. В инструкции мне предписано вращаться преимущественно в северных частях Сибири, и мысль, что в течение целого года я ещё не успел добраться до настоящего поприща моей деятельности, естественно, не могла не тревожить меня. Мне и теперь как-то совестно, что, задержанный остяцким языком, я во весь первый год справлюсь, может быть, только с томским наречием самоедского языка, т.е. едва ли и шестой частью моей филологической задачи. И то, что, несмотря на это, и вы, и Академия наук позволяете мне, приняв в расчёт мое расстроенное здоровье, остаться до весны в окрестностях Томска и Красноярска, я принимаю как милость, за которую не знаю, как и благодарить. Но моё здоровье, порядком пострадавшее в последнее лето от ядовитых испарений Барабинской степи, поправилось благодаря теплой и приятной осени настолько, что было бы с моей стороны недобросовестно воспользоваться этой милостью, и потому я намерен, как только кончу изучение томского наречия, пробраться далее, по крайней мере до Енисейска.

Теперь позвольте мне присоединить одно замечание. В «Академических Известиях» (Bulletin de la Classe historic-philologique. Tome II. P. 379) высказано вами предположение, что под самоедскими племенами я, вероятно, разумел отдельные семейства. Под словом *племя* (Stamm) я понимаю соединение несколько родственных семейств, имеющих одного общего главу и некоторые издавна ведущиеся обычаи. Это название мне кажется весьма соответственным, выражая не только родство семейств, но и соединение их в одну корпорацию, как видно из слов: «Stammfürst, Stammhaupt, Stammverfassung». Но, если угодно, можно заменить его словом *род* (Geschlecht), хотя последнее не обозначает соединения семейств в корпорацию. Вероятно, вас привело тут в некоторое сомнение то, что число племён в Кондинской области в отношении к незначительному пространству, ими занимаемому, слишком уж велико. В самом деле самоедские племена, за исключением немногих, весьма малочисленны. Так, казымские самоеды, разделяющиеся на восемь племён, не превышают 800 душ. Клапрот говорит, что по обеим сторонам Урала находятся

только три рода, а именно: Wanoita, Tysja-Ilogel (читай: Tysi и Lohei, по-русски Тюзи и Логей, составляющие два рода) и Chyrjuri (читай: Harjutsi), между тем в одной Обдорской волости живут 32 рода, или племён. Самое большое из них – племя Harjutsi, разделяющееся на многие ветви и распространённое от реки Кара на западе до Енисея – на востоке. И род Wanoita – также значительное племя, распадающееся, подобно Harjutsi, на многие ветви; все же прочие состоят из немногих семейств...

IV

**Ассессору Раббе.
Нарым, 1 (13) декабря 1845 г.**

«Виноват!» – говорит русский человек, когда сделает ошибку, которую ничем извинить нельзя. Вот и я попал в эту категорию виноватых тем, что не послушав Академии, просил адресовать письма в Енисейск двумя месяцами ранее, чем следовало. Может быть, однако ж, я ещё найду средство задержать их в Томске, куда и прошу впредь писать мне. Но когда живёшь в такой пустыне, в которой даже и предчувствием не отгадаешь, что с тобой случится завтра, разумеется, нет никакой возможности определить заранее сроки своих поездок. К счастью, почтовая часть устроена в России так хорошо, что и маленькой записочкой в пять строк можно вытребовать свои письма с одного конца света на другой. Прилагаемая копия с письма моего к Шёгрёну объяснит тебе причину, побудившую меня остаться в Томской губернии.

До сих пор всё шло ещё довольно благополучно, но Енисейская губерния и северная часть её будет для меня осёлком, который – сознаюсь к стыду своему – серьёзно страшит меня. Поможет мне Бог возвратиться благополучно и из Туруханска – я навсегда прощусь с севером Сибири, который сделался уже для меня решительно невыносимым. Зато, с другой стороны, как хочется мне побывать в прибайкальских странах и взглянуть на китайские бороды. Вообще я смотрю на китайцев довольно благосклонно, и если б принадлежал к числу сильных мира сего, то составил бы родословную и доказал бы, что финны и китайцы происходят

от одного и того же предка. Что касается собственно до меня, то я не придаю особенной важности знатым предкам, расположен даже более к людям, у которых отцы были мельники, каменщики, чулочники и т.д. Однако как-то и меньше риска быть сыном сапожника, а не сенатора: выйдет из тебя что-нибудь – тем больше чести. Бобыль – так можно утешиться и тем, что и отцы наши были бобылями. Таково моё убеждение, и потому бесконечно рад, что с каждым днём нахожу всё более сходства между финнами и сибирскими языками.

P. S. Совсем было забыл сказать, что сегодня я отправляюсь из Нарыма в деревню Тогур, за 110 вёрст отсюда. Шёгрёну я посылаю с этой почтой тетрадь путевых заметок, до того сухих, что могут занять почётное место в «Suomi».

V

**Ассессору Раббе.
Тогур, 11 (23) января 1846 г.**

Находясь в русской деревне Тогур, в 110 верстах к югу от Нарыма, десять дней тому назад вместо подарка на Новый год получил от тебя два пакета с письмами, которые делают тебе честь и дают тебе полное право на мою благодарность. Замечательно, однако ж, что как эти, так и некоторые другие письма нашли меня в этом жалком гнезде, тогда как они были адресованы совсем в другую губернию, по крайней мере за 2000 вёрст отсюда.

Что касается до моего здоровья, то я страдал здесь ревматической болью в шее, кашлем и другими неважными недугами, которыми, по всей вероятности, обязан стуже и избытку сквозного ветра в моей комнате. Однако ж я терпеливо нёс свой крест и утешал себя тем, что работа моя всё-таки продвигается с каждым днём вперед. Впрочем, это единственное утешение, на которое здесь можно рассчитывать. Относительно моей работы и зависящих от неё поездок я должен заметить, что в Тогуре я уже всё покончил и отправляюсь в Чулымский край, следовательно, прощаюсь на этот раз с Томской губернией. Во всяком случае зимним

путём я доберусь не далее Енисейска. Там мне будет вдоволь работы на всю весну, отсюда я отправлюсь затем на лодке вниз по Енисею в Туруханск. В Туруханском крае, по всему видимому, меня ожидают три языка: тунгусский, самоедский и ещё один, покуда не имеющий ещё названия. Тунгусский язык не входит, впрочем, в область моих исследований, остальные же два необходимо исследовать, насколько это будет возможно, и определить их взаимное отношение. Если эта работа не dokonает меня, то я ещё не теряю надежды возвратиться из Сибири; умереть же на берегах Байкала было бы слишком уж позорно. Придётся ещё раз в жизни увидеть великолепную башню Каллиолины, будь уверен, что я уже никак не забуду о пирушке, которую жена твоя обещала устроить по случаю моего возвращения.

VI

**К статскому советнику Шёгрену.
Томск, 5 (17) марта 1846 г.**

Что в продолжение трёх месяцев я не сообщал вам никаких сведений о моих дальнейших разъездах между самоедами, произошло от того, что всё это время я находился постоянно почти в совершенной разобщённости. Конечно, между Нарымом и Томском попадают часто проезжие, но в Сибири не так-то легко найти человека, которому можно было бы поручить письмо. Впрочем, и сообщать-то было почти нечего, потому что мои исследования шли себе преспокойно по начертанному нами плану. Теперь, покончив их благополучно в пределах Томской губернии, я постараюсь в скорейшем времени прислать полный отчёт о племенах навсегда оставляемого мною края. Здесь же коснусь только важнейшего.

Я уже говорил в последнем письме, что так называемые остяки Томской губернии отнюдь не остяки и не особенное, как полагает Клапрот, племя, происшедшее от смешения остяков с самоедами, а настоящие самоеды, распространившиеся от Тыма до Чулыма. Язык их значительно уклоняется, однако ж, от языка северных самоедов, по крайней мере от исследованного мною обдорского диалекта и распадается на несколько

наречий, из коих важнейшие: 1) северное, или нарымское, к которому принадлежит и тымское, 2) среднее, или кетское и 3) южное, обыкновенно называемое чулымским. По мере сил я изучил все эти наречия и надеюсь впоследствии представить особую грамматику их со словарём и некоторыми богатырскими песнями, которые посчастливилось записать в этом уже обрусевшем крае. Изучал же их я в городе Нарыме и в сёлах Тогуре и Молчанове, находящихся на Верхней Оби и составляющих средоточия упомянутых наречий: Нарым – наречия северного, Тогур – среднего, а Молчаново – южного. Особенных поездок мне незачем было предпринимать, потому что по Оби я встречал достаточно как кетских, так и чулымских лесных самоедов. Чулымские самоеды ни языком, ни образом жизни не отличаются значительно от живущих по Верхней Оби, их всего две небольшие деревни на нижнем течении Чулыма. Более обширное поле для исследований представляла речная область Кети, но всё, что можно было узнать, разъезжая по этой дикой стране, я узнал в Тогуре, и таким образом сберёг время, здоровье и деньги. Сверх того, я приобрёл нужные сведения и о самоедах, живущих по рекам Чае и Парабели. Они совершенно сходны по языку с обскими соседями своими, по нравам же – с кетскими. Я мог бы упрекнуть себя только в одном, что не занялся особо тымским наречием, но это вина не зависевших от меня обстоятельств, которые заставили спешить в Нарым. Впрочем, меня везде уверяли, что оно, в сущности, совершенно одинаково с нарымским, что подтверждается и таблицами Клапрота. О пумпокольских осяках, о которых так много толковали в обдорской стороне, я не мог получить никаких сведений, здесь даже и название Пумпокольск совершенно неизвестно. Так как этот народец принадлежит собственно Енисейской губернии, то, вероятно, там они известнее. Во всяком случае я имею достаточные причины думать, что пумпокольские осяки тоже самоеды и что язык их немногим разнится от кетского наречия. Как бы то ни было, если позволят обстоятельства, я непременно займусь им во время распутицы. Из этого вы можете догадаться, что я ещё зимним путём располагаю пробраться из Томска в Енисейск или в его окрестности. На дороге, сколько мне из-

вестно, едва ли задержит меня что-нибудь научное, разве что другое, непредвиденное. Дороги становятся уже очень ненадёжны, и потому, хотя я и приехал в Томск только вчера, я выеду из него через несколько дней. В Ачинске остановлюсь только для разведок, нет ли в окрестностях чего замечательного, в Красноярске, вероятно, проведу пасху.

Согласно инструкции г. Кеппена, я собрал по дороге в Томск все необходимые сведения о татарском племени еушта (ieushta). Это племя действительно существует в четырех верстах к северу от Томска, где и до сих пор одно татарское население называется ещё еуштинским. Я пробыл несколько времени в этом селении и выпросил у татар всё, что они знали о том, как их предки служили России в эпоху завоевания Сибири, о могущественном князе их Тояне, о котором свежа ещё между ними память об основании города Томска, и т.д. Вот вам вкратце историческая часть их рассказов. Во время завоевания Сибири князем еуштинского племени был Тоян; владения его простирались на 10 вёрст в длину и на 5 в ширину, считая в версте по 1000 сажен. Как и другие татары, он жил в землянках, их было у него две: одна летняя, другая зимняя; первая находилась близ теперешнего Еуштинска, последняя – на высоком мысу, против того места, где потом построен город Томск. Этот мыс и теперь называется городком. Весьма вероятно, что он был укреплён, но Тоян, видно, не слишком полагался на это, потому что уговорил окрестных татар покориться русским добровольно. Официальные сведения намекают, однако ж, на то, что, несмотря ни на силу, ни на влияние свою, он не добился общего согласия и потому для обезопасения собственной своей личности от возможных нападений соплеменников просил русского царя построить для защиты его крепость. Как бы то ни было, несомненно, что Томск построен по просьбе самого Тояна и на его земле. Остальное можно видеть из старого документа, который посылаю при сём г. Кеппену. Есть здесь ещё несколько древних документов и царских грамот, которые я добыл бы непременно, но, к несчастью, человек, у которого они хранятся, куда-то уехал.

Теперь несколько слов о моём здоровье. На него я не могу особенно

пожаловаться, кроме нескольких катаров и других незначительных страданий, преимущественно грудных, неизбежных в холодных и продуваемых сквозным ветром жилищах, я был всю зиму довольно здоров и мог работать. Да и стыдно было бы расхвораться в зиму, так сносную и кроткую, что ни разу не замерзали, как говорил мой ямщик, ни вороны, ни сороки. Но вот близится неносная весна и ещё неноснейшее лето – настоящие осёлки моего здоровья. А тут на беду ещё в томской аптеке я не нашёл прописанных мне лекарств, вероятно, не найдём их и в Красноярске, и затем придётся уже предоставить попечение о моём здоровье решительно на волю Божию.

Подготовка к публикации: Я.Е. Трубникова.

К. Доннер

О НАРЫМСКИХ САМОЕДАХ*

На таёжном севере

Сборы и отъезд – Дорога длиной в 600 вёрст – Попутчик – Через глушь и разорённые леса – Первое и последнее разочарование в самобытности самоедов – Прибытие в Нарым – Ссылные – Земляки – Мой дом и его хозяева – Тымское и его жители – Безотрадная жизнь – Я ищу информантов – Алёшка Ольджигин – Рождество – Свадьбы и другие праздники – Я решаюсь жить среди самоедов

В Финляндии к середине ноября зима только-только начинается, в Томске же в это время температура опустилась примерно до – 40°C. Река покрылась толстым, крепким слоем льда, замёрзли и её притоки. Грязная земля укрылась ослепительно белым снежным одеялом. Сибирский мороз крепчал, и люди вновь получили возможность перебираться с места на место. Однажды с севера по реке прибыли сотни обозов, гружённых рыбой – осетром, стерлядью, муксуном, нельмой – тем, чем живут самоеды и на чём богатеют русские. Это означало, что зимник открыт, и мне нужно снаряжаться в путь.

Под опытным руководством барона Аминова я приготовил огромное количество необходимых мне вещей и предметов. Поскольку мне предстояли более 600 вёрст пути, я должен был, прежде всего, позаботиться о приличных саних. Сани представляли собой повозку на узких полозьях, набитую сеном, по обеим сторонам снабжённую большими балками, защищавшими седока от падения. Впереди доска для сиденья кучера, правящего тремя небольшими лошадками. Из-за узких дорог лошадей обычно запрягают в ряд, одну за другой. На самое дно саней я уложил ящики с фонографом и прочими вещами, предварительно крепко перевязав их верёвкой, сверху набросал сена, чтобы было хоть немного удобнее. Сам я водрузился поверх всего как на царский трон. По край-

* Три главы из книги Кая Доннера «У самоедов в Сибири»./Перевод с нем. А.В. Байдак. Томск, 2008. – Приме. ред.

ней мере, мне так казалось. Мне, худощавому, всегда хотелось выглядеть толще, солиднее. Как же я был горд собой, обнаружив, что я вдруг превзошёл в этом любого русского кучера. К сожалению, толщина моя была иллюзорной, ощущение объёма создавалось за счёт одежды. На обычный полушерстяной костюм я надел толстый тулуп, а поверх – ещё один, азиатский, сшитый из шкуры лося мехом вверх. На ногах красовались настоящие сибирские валенки, какие носят только на севере. В сорокаградусный мороз они могут сослужить хорошую службу. Остальной запас состоял только из самого необходимого: плиточного чая, сахара, табака, спирта. Жидкого спирта я взял совсем немного; в дороге, чтобы развести костер и приготовить еду, лучше подходит сухой спирт. Со своими лучшими костюмами, накрахмаленным бельём, постельными принадлежностями, зубной щёткой, бритвой и прочим мне пришлось с грустью расстаться без малого на два года. На всякий случай у меня были с собой разные рекомендательные письма от губернатора, архиепископа и револьвер, который, впрочем, в окрестностях Томска относится к предметам первой необходимости. К счастью, мне пришлось воспользоваться им всего несколько раз.

Для быстроты и удобства путешествия я позаботился о так называемом «открытом письме» от губернатора. Такого рода письмо выдавалось обычно государственным служащим и давало право его владельцу использовать почтовых лошадей, которые имеются почти в каждой деревне. Заветная голубая бумажка имела почти магическое воздействие. Благодаря ей мне, иностранцу, человеку иной веры, который и спать-то ложился не перекрестившись, не однажды удалось избежать многих ненужных расспросов. Если бы меня приняли не за чиновника, а за обычного путешественника, наверное, я вызвал бы к себе серьёзное недоверие. Ведь мой русский был очень далёк от совершенства, несмотря на то, что в Томске меня похвалил один несведущий филолог за то, что я употребил однажды слово «инфлюэнца», которое, по-видимому, он считал чисто славянским. Исправник нашёл мне попутчика – бедного юношу из Саратовской губернии, отправившегося в Сибирь в поисках своего со-

сланного в Нарым отца. В дороге мы делили с ним и радости, и печали. Мне доставляло удовольствие наблюдать, как он переполнялся гордостью, ночуя вместе со мной в гостинице или заказывая по моему документу лошадей для нашей повозки. В деревнях мы спали на одной кровати. Здесь я на собственной шкуре почувствовал разницу между большими чёрными тараканами, «которые съедают глаза маленьким детям» и приносят в дом счастье, и обычными, которые днём сидят на стенах в каждом доме, а ночью ползают по лицу. Когда не без помощи моего попутчика закончился запас сигарет, я научился делать папиросы из махорки, скручивая их и заклеивая слюной. Это оказалось несложно, намного труднее было решиться их закурить. Сначала я крутил, а он курил, потом наоборот.

В начале пути к северу от Томска нам встречались довольно густонаселённые местности, но чем дальше мы углублялись на север, тем всё более заброшенными и жалкими становились деревни. Бесконечные однообразнейшие картины таёжной глухомани. Красота, величие таёжной глуши утратили для меня свою силу, жуткий мороз (-40°C, - 45°C) и ветер – я всё же тогда ещё не привык к такому холоду – не позволяли мне разглядеть хоть что-нибудь прекрасное в этих ландшафтах. Перед глазами неизменно находился мой обмороженный нос. Кроме того, лес, вековые почтенные деревья были уничтожены людьми и пожарами, обугленные пни свидетельствовали о том, что здесь произошло. Лишь одинокие, темневшие вдали ветвистые великаны напоминали о временах, когда кочевники свободно владели природой и приносили в священном лесу жертвы своим языческим богам.

Сейчас повсюду на Оби преобладает русское население, а в окрестностях Томска из аборигенов остались одни татары. Но уже в 100 верстах к северу мечетей не видно, зато встречаются бедные поселения самоедов. Чем дальше, тем меньше влияние русских, и тем более убогими выглядят самоеды и их жилища. Первая квартира, в которой я побывал, располагалась в обычном добротном деревянном доме. Мне представилась совершенно невероятная картина: маленькая черноволосая косова-

тая самоедка старательно шила на швейной машинке «Singer&Co». Мне кажется, в первый и последний раз за всё время я ощутил глубокое разочарование. Ведь я прибыл на «почтенную землю матери Азии», чтобы изучать нецивилизованный, первобытный народ, живущий в глуши, дикости – а тут такое! Я начал было думать о том, что вся эта дикость – выдумка, блеф, а разговоры о примитивном народе – мистификация. К счастью, путешествуя дальше на север, я понял, что был не прав. Дальше вниз по течению реки самоеды живут в убогих, наполовину вросших в землю жилищах с замёрзшими окнами и одной единственной комнатой, в которой все вместе – мужчины, женщины, дети, собаки. Кроме того, всё покрыто такой грязью, что не поддаётся описанию.

Дни тянулись один за другим. Так прошла неделя. Иногда мы останавливались на несколько часов, чтобы отогреться, поспать и поесть. Позже я привык спать в санях, зарывшись глубоко в сено. И уже ни похожие на призывы о помощи крики ямщика, подгонявшего лошадей, ни дорожные колдобины не могли помешать мне. Я спал сном праведника. Лошади бежали довольно быстро, преодолевая путь в десять вёрст не больше, чем за полчаса. Ямщик не позволял лошадям снижать скорость, да и я не давал ему покоя, без конца требуя, чтобы лошади шли как можно быстрее.

Грязь и насекомые, к которым я не привык, подгоняли меня. Порой мы ехали через вырубленные разорённые леса и замёрзшие болота, на которых росли ивы и тополя, то вдруг дорога вела к реке, и перед нами вырастали громоздкие глыбы льда, похожие на остроконечные башни или снежные сугробы. А иногда мы быстро скользили по голому льду.

Берега Оби имеют свою особенность. С одной стороны берег низкий, пологий, заросший кустарником, с другой же – высокий, покрытый лесом. Летом вода всё больше и больше размывает песчаный берег, оставляя повсюду сползающие вниз мысы и поваленные деревья. Пейзаж меняется с продвижением на север. Голые тополя и берёзы уступают место так называемому сибирскому кедру, придающему зимнему горизонту отчётливые формы. Природа вокруг становится красивее и величествен-

нее. Контуры очерчены настолько ровно, что издалека создаётся впечатление, будто они выкроены ножницами.

Пока мы добирались до столицы Нарымского края¹, я успел вдоволь налюбоваться дикой природой таёжного севера. Уже издалека я заметил купола церквей. Лошади быстро поднялись на крутой холм, и мы оказались в «пригороде» с метким названием – Камчатка. Так часто называют районы на окраинах сибирских поселений.

Сам Нарым² - непритязательный, скромный городок, расположенный на острове, почти в центре огромной болотистой местности. В городе всего несколько улиц с ветхими деревянными домами. Население - примерно 1000 человек – состоит в основном из купцов – потомков казаков, образовавших Нарым в 1597 году. Серый город, живущий своим прошлым, абсолютно ничем не выдающийся внешне, - так у нас обычно выглядят большие деревни. Это впечатление создаётся не только потому, что здесь мало домов и им приходится тесниться на подмытом водой острове, – вот-вот окажется в воде каменная церковь, - в Нарыме действительно нет ничего, что радовало бы глаз: ни сада, ни деревьев, ни одного красивого здания и вообще ничего привлекательного. Кроме того, ссыльные, которых здесь, наверное, несколько десятков человек, напоминают о печальной участи города. Я никогда не забуду лица этих людей, молча шагающих взад и вперёд по пустынным улицам, обречённых на бездействие из года в год, отрезанных от мира и бьющей ключом жизни, которую они вынуждены были покинуть. Я никогда не смогу забыть ужасное зрелище, свидетелем которого я оказался, вернувшись однажды в угрюмый, проклятый на многие поколения город из немой глуши. Было первое мая, и ссыльные организовали небольшую демонстрацию, и вдруг появилась команда жандармов, чтобы выяснить, в чём дело. Они объехали все улицы, арестовывая демонстрантов одного за другим, а затем начались многочисленные обыски, в частности, обыскали дом человека, о котором я расскажу позже.

В первый же день моего пребывания в Нарыме я отметил у при-

става³ – высшего начальства края с территорией в 200 000 километров. На следующее утро я не планировал никаких дел. Я сидел на постоялом дворе и просматривал почту, когда в дверь неожиданно постучали и незнакомый мужчина на чистом шведском спросил меня: «Вы приехали из Финляндии? Вы говорите по-шведски или по-фински?»

От удивления я потерял дар речи. Когда же я пришёл в себя и ответил на его вопросы, он представился и рассказал кое-что о себе. Это был редактор социал-демократической газеты Сантери Якобссон⁴ из Выборга, арестованный и доставленный в Петербург несколько лет назад. Его долго держали в тюрьме, затем выслали в Нарым, где ему предстояло прожить пять лет. Трудно представить себе, как он обрадовался встрече с земляком и общению на родном языке. Наша встреча подействовала на него ободряюще. Он был так рад вестям из родных мест. А для меня было полезно узнать от него что-нибудь об обстановке в Сибири. Из его рассказов я получил представление о жизни людей, высланных на поселение в Сибирь, судьба которых зависит от слепых, бездумных решений должностных лиц. Их жизнь здесь сопряжена с многочисленными экономическими трудностями. Я понял, чего стоит им сохранять силу духа и непоколебимую веру в идеалы в таких условиях.

Несколько дней ушли на работу с архивными материалами, встречу с городским головой, священником и прочими уважаемыми людьми. После чего я покинул Нарым, чтобы продолжить путешествие. Мне нужно было попасть в Тымское, расположенное в 120 километрах вниз по течению Оби. В Финляндии Тымское известно как место ссылки Свинхуфуда⁵ – видного политического и государственного деятеля, ставшего позднее президентом Финляндии. Мой путь лежал через Каргасок⁶, там меня ждал ещё один приятный сюрприз. На дверях деревенского магазина красовалась вывеска, русскими буквами мне удалось прочесть «Нордквист». Когда же я зашёл выяснить, в чём тут дело, меня встретил статный пожилой мужчина, представившийся Карлом Нордквистом, который, как выяснилось, тоже оказался моим земляком. Его отец был школьным другом Кастрена в Улеаборге; позже он, часовых дел мастер, перебрался

в Томск. В путевых дневниках Кастрена есть упоминания о нём. Карл Нордквист никогда не был на своей исторической родине. Всю жизнь прожив в Сибири, он знал немецкий. Единственное, что он помнил по-шведски, было «gåd dag» (добрый день) и «var så gåd» (большое спасибо); кроме того, он хранил финский альманах, если я не ошибаюсь, 1883 года издания. Он очень хотел уехать на родину и всё время говорил об этом. Но, к сожалению, этому не суждено было случиться. Карл умер следующим летом, как раз в то самое утро, когда я собрался навестить его⁷.

До Тымского я добрался благополучно, без особых приключений. Село раскинулось на высоких холмах в живописном кедровом лесу.

Я остановился на постоялом дворе. Однако, узнав о том, что поблизости живут самоеды, я решил задержаться здесь, полагая, что в таком полурусском окружении мне удастся усовершенствовать мой русский, привыкнуть к новым условиям, а также приступить к изучению самоедов. Но сначала я должен был найти подходящее жилье. Это оказалось не так просто. Мне, иностранцу, плохо говорящему по-русски, да еще и не православному, явно не доверяли. К тому же цель моего пребывания в Тымском была для местных жителей непонятной и потому сомнительной. Чтобы не быть всё время на виду, мне нужна была отдельная комната, где я мог бы спрятаться от любопытных назойливых глаз. Но большинство квартир состояло из одной единственной комнаты, в которой ютилось всё семейство. После долгих тщетных поисков жилья по всему селу мне, наконец, повезло, и я нашёл отдельную, вполне уютную комнату в доме одной супружеской пары. Это были добродушные пожилые люди. Позже выяснилось, что до меня у них на несколько дней останавливался чернобородый доктор Уно Давыдович, который по описанию был похож на моего соотечественника профессора У.Т. Сирелиуса, так что они уже имели определённое представление о том, чем я намерен заниматься.

Дом, в который я переехал, по сибирским меркам был необычайно большим, но лучшие его времена давно прошли, и верхний этаж стоял

теперь пустым. На первом этаже располагались две комнаты, одну из них занимали сами хозяева, другая служила комнатой для гостей, просторная кухня и небольшой чуланчик, в котором жил вечно пьяный, задиристый, но весёлый и добродушный мужик. Моя комната была настолько типичной для сибирского сельского дома, что, пожалуй, заслуживает краткого описания. Низкая входная дверь, три оконца с треснувшими зелёными стеклами, через которые снаружи пробивается дневной свет, неприятный запах ярких цветов на подоконниках. В углу напротив входа, по меньшей мере, дюжина икон. За время моего пребывания все они одна за другой постепенно перекочевали в другую комнату. Видимо, хозяева поняли, что мне они не нужны. Самые большие и красивые иконы – с изображением святого Николая-чудотворца, деви Марии с младенцем Иисусом на руках. Обе иконы в серебряных окладах, украшены пёстрыми лентами. Под стеклом на груди святого Николая две восковые свечи, сохранившиеся со свадьбы хозяев дома. Справа праведный отец Иоанн Кронштадтский, особо почитаемый здесь святой. Рядом – литографированные портреты генерала Линевица, эмира Бухарского и членов императорской семьи. Вокруг них – почтовые открытки. На одной из них – яйцо, петух и надпись: Христос воскрес. Другая изображает избивание младенцев в Вифлееме, на третьей – ловкий, смелый, отважный королевич Бова отчаянно сражается с огромным кентавром Полканом. Все эти поучительные картинки обрамлены еловыми ветками, украшенными бумажными розочками и скорлупой пасхальных яиц. Мебель состоит из стола, стоящего между окнами, нескольких невысоких стульев и кровати, придвинутой к стене. Это даже была не кровать, а лавка, покрытая покрывалом из овечьей шерсти и множеством подушек. На полу два сундука, набитые разными вещами – одеждой, табаком и прочим добром. Свежий и опрятный вид придают комнате выбеленные известкой стены и потолок. Лишь коричневые пятна – повсюду снующие в поисках пищи тараканы – портят всю картину. Позже я понял, что примерно так же выглядят комнаты для гостей и в других добротных домах давно осевших здесь русских, так называемых сибиряков.

Хозяин был настоящим сибиряком, в своё время он начинал с нуля. Нажив состояние, он занимался благотворительностью, принимал у себя архиепископа, получил множество наград. В конце концов ему не повезло, он проиграл все свои деньги, женился на женщине, считавшей его богатым человеком. Сейчас он жил благодаря помощи своих взрослых детей, кроме того, он продавал домашнюю утварь, оставшуюся после банкротства. Вообще-то он был ещё крепким, бодрым стариком. Он охотно признавался в своих ошибках, но никогда не забывал упомянуть о том, что его дети достигли большего, чем их односельчане, и считал, что в этом есть и его заслуга. Один из его сыновей стал врачом, другой – школьным учителем. Его жена – крупная, полная, рыхлая, почти лысая женщина. От печного жара и алкоголя, который она по обыкновению отнимала у мужа, её лицо было вечно красным. Она была известной в селе повитухой и помогала женщинам при родах. Нередко крики за стеной в соседней комнате отрывали меня от работы. Я ужасно сердился, однако каждый раз, когда ребенок появлялся на свет и она с младенцем на руках заходила ко мне, чтобы благоговейно перекреститься перед иконами святых и прочитать молитву за новорождённого, злость моя мгновенно исчезала. В эти минуты хозяйка даже казалась мне милой и симпатичной. Но я видеть её не мог, когда она, собираясь на очередной праздник, прихорашиваясь, натягивала на лысый череп чёрную шапочку, наряжалась в ярко-зелёную шёлковую блузку и чёрную юбку, доставшуюся ей в наследство от бывшей жены хозяина, а потом возвращалась домой, неизменно изрядно выпившая.

Я познакомил читателей со своим ближайшим окружением, и теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о самом селе и его жителях.

Село Тымское было основано русскими на земле самоедов в первой половине XIX века. В настоящее время здесь насчитывается около 30 дворов, не более двух-трёх сотен жителей. Некоторые дома новые и красивые. Купцы, живущие здесь, по тем меркам довольно состоятельные люди. А из-за того, что каждый год разлившаяся река подмывает песчаный берег, селяне вынуждены через определённый промежуток

времени сносить свои дома и строить их в другом месте. По этой же причине церковь отстраивалась заново, по крайней мере, пять раз, и то место, где она стояла первоначально, давно затоплено водой или находится уже на противоположном берегу.

Около леса бедная, убогая часть села. Старые, ветхие землянки с окном на крыше. Обычно они служат временным пристанищем бродягам, обрусевшим остякам и самоедам. Пока у них есть деньги и водка, что бывает довольно часто, они пьют и веселятся.

Все зажиточные селяне ведут торговлю с живущими поблизости самоедами. Торговля заключается в простейшем товарообмене: за пушнину, рыбу и кедровые орехи аборигены получают муку, одежду, порох, табак, водку и прочее нужное и ненужное. Русские продают всё дорого, так что их прибыль достигает обычно ста процентов и более. Как только река освобождается от ледяного покрова, они отправляются вверх по течению Тыма, чтобы заключать грязные, нечестные сделки. Самоедов легко обмануть. Живущие вдали от цивилизации, они, конечно же, не имеют представления ни о правилах торговли, ни о подлинной стоимости товара. В результате самоед постоянно платит и всё равно остаётся должен.

Бедные слои населения живут в основном рыбалкой. Это занятие сейчас вряд ли прибыльнее торговли, которая идёт в последнее время всё хуже и хуже. Если бы не злополучная водка, их жизнь была бы совершенно беззаботной. Позже я убедился, что алкоголь – неотъемлемая часть жизни всех, живущих здесь. Купцы и батраки, мужчины и женщины, русские и аборигены страдают от этого порока. Мне доводилось бывать на различных церковных праздниках, в которых принимала участие вся деревня, и видеть, как люди шатаются, едва держась на ногах. Вот уж и в самом деле картина для богов. Пьяные, они что-то бормочут, напевают или орут во всё горло, наверное, красивые песни, бранятся и кричат, как в сумасшедшем доме.

Я не берусь утверждать, что так обстоят дела во всех сибирских поселениях. Возможно, в Тымском это связано с тем, что население здесь

смешанное. Оно состоит из самоедов и русских, бывших преступников и прочих сомнительных элементов; к тому же деревенский священник не способствовал духовному росту прихожан. Он был настолько не образован, что наивно полагал, что Финляндия находится в Англии, и поэтому называл меня англичанином. Так меня и стали называть в Тымском. Кроме того, он, как и многие другие, имел огромное пристрастие к спиртному и был пьяным в любое время дня и ночи. Я очень хорошо помню случай, как во время моей работы с информантом - самоедом, он, шатаясь, подошёл ко мне, упал и тут же уснул мёртвым сном. Наверное, в какой-то мере пьянство этого священнослужителя оправдывается неудачным браком и жизнью в захолустье. Но можно себе представить, какое действие имеет подобное поведение пастыря на тёмный, необразованный народ, и понять нежелание самоедов принимать христианство от таких апостолов.

В школе, построенной в своё время моим хозяином, к сожалению, почти нет учеников, поэтому образование распространяется крайне медленно. Те немногие имевшиеся у людей знания быстро забываются, и они легко становятся варварами, культурный уровень которых зачастую ниже, чем у самоедов. И это при том, что русские считают самоедов тёмным, недоразвитым народом.

Итак, в этом окружении мне предстояло провести несколько месяцев, чтобы, так сказать, привыкнуть к новой жизни. Мне кажется, что условия жизни, описанные мной, своеобразны, однако, вполне сносны. Трудно было найти хорошего и надёжного учителя самоедского языка. Местные аборигены не подходили на эту роль. Одни знали свой родной язык, но не знали русского, другие были старыми и беззубыми и тоже не годились. Третьи говорили примерно так, как раньше говорили финны в Хельсингфорсе, то есть неправильно, используя в своей речи много иностранных слов. Поначалу мне пришлось довольствоваться ненадёжными информантами, что затрудняло мою работу. Одним из них был старый пронырливый люмпен по прозвищу Петербуржский. Самоеды называли его генералом, так как много лет назад он получил медаль от венгерско-

го исследователя – лингвиста Па́пай⁸. Несколько дней я беседовал с ним, пока однажды, прождав до вечера, не обнаружил его в стельку пьяным, лежащим в сугробе в одной рубашке. Оттуда я отволол его в баню, где он постепенно пришёл в себя. С другим самоедом, тоже довольно пожилым человеком, я не смог работать из-за его зубов, а вернее сказать, из-за их отсутствия. К тому же мне мешали работать его многочисленные дети, которых он всегда приводил с собой. Только после ряда неудачных попыток и во многом благодаря моим лекарствам от глистов, которые помогали самоедам, мне удалось добиться расположения жителей близлежащих поселений. Тогда мне, наконец, улыбнулась удача. Я познакомился с молодым человеком из Колгуяка, который согласился стать не только моим учителем, но и в какой-то мере посредником между мной и трудно доступным для моего понимания народом, то есть познакомить меня поближе с жизнью самоедов. Из всех, кого я знал, он был наименее ленивый и самый способный. Звали его Алёшка Ольджигин. У него была смуглая кожа, чёрные, как смоль, волосы и благородное происхождение. Он говорил и по-русски, и по-остяцки; от меня он выучил русские буквы от А до М, несколько финских мелодий и слово «perkele» (чёрт!). Мне повезло, что этот человек долгое время был моим учителем и проводником. Благодаря ему мне удалось узнать многое, что могло бы навсегда остаться для меня тайной. Общаясь с ним, я понял, что наилучший способ выучить язык самоедов – жить как можно дольше среди них, принимать участие в их жизни и именно в тех местах, где ещё не так сильно влияние русских. Но первое время мы работали в Тымском, где я в тишине и спокойствии освоил большую часть словарного запаса и приобрёл поверхностные знания о религиозных обычаях и традициях, которые при их правильном применении служат ключом к пониманию народа.

Конечно, я поклялся не рассказывать русским о том, что я услышал от самоедов. Они этого боятся. Ведь христианство у них присутствует лишь формально, в действительности же самоеды – носители языческих верований и шаманских представлений. И я сдержал обещание. Однаж-

ды, правда, я чисто случайно нарушил его, о чём раскаиваюсь. Я хорошо помню выражение презрения на лице нарымского священника, когда я рассказал ему о том, что самоеды – приверженцы тотемизма и верят в происхождение человека от животных. «Ага, – сказал он, торжествуя, – вот видите, самоеды полагают, что они произошли от животных, и тому же самому учит дарвинизм. Теперь Вы, надеюсь, понимаете, какого низкого уровня достигла современная наука? Самоеды и учёные думают одинаково, и те, и другие глубоко заблуждаются».

Сначала у нас с Алёшкой были некоторые разногласия, какие случаются между людьми, абсолютно незнакомыми и непонимающими друг друга. Во-первых, он должен был, как и все предыдущие информанты, привыкнуть спокойно сидеть, что необходимо при работе такого рода. Если он не был занят, как ребёнок, картинками, фотографиями или фонографом, то ему моментально становилось скучно, и тогда его одолевал сон, так что просто невозможно было работать дальше. Кроме того, тепло в моей комнате было для него нестерпимой пыткой, и когда он какое-то время не получал от меня сырой рыбы, он делался больным и несчастным. Мне удалось даже урегулировать его привычку к спиртному. Я разрешал ему выпивать в субботу вечером, всё воскресенье он, конечно, продолжал праздновать, но в понедельник утром, утолив жажду парой глотков водки, он уже был готов работать со мной дальше всю неделю. Благодаря его пристрастию к лесу и полю под его руководством я научился ставить ловушки на зайцев, горностаев, белок и других животных и постепенно приобрёл практические навыки охоты.

Самым сложным из наших занятий было освоение самоедской грамматики. Конечно же, он ничего не знал о спряжении или склонении, и я был вынужден придумывать различные примеры, чтобы получить от него то, чего я хотел. На мой вопрос, как по-самоедски сказать «твоя лошадь», он либо отвечал, что у него нет лошади, либо «моя лошадь». Когда я просил его перевести «моя река», он возмущённо отвечал, что река не принадлежит мне, и только самоеды имеют право рыбачить. Сначала из-за реакций такого рода мне всё казалось безнадёжным, и иногда

я затрачивал полчаса, чтобы объяснить ему, что я имею в виду. Но я никогда не выходил из себя как Кастрен, который однажды, потеряв терпение, выплеснул своему информанту в лицо стакан воды. Я утешал себя историей, произошедшей с одним русским священником, попросившим вместо «пјäј» = хлеб «пјäјä» = белку. Мясо белки у русских считается нечистым, и он не на шутку разозлился, когда ему принесли то, что он попросил. Ситуация обострилась ещё больше, когда он вскоре перепутал слова «тап» = «я» и очень неприличное «таппе».

Мое пребывание в Тымском пришлось на время русского Рождества. Сам я тихо отметил Рождество в привычное для меня время, до наступления русского праздника. Я раздобыл маленькую ёлочку, на верхушку которой прикрепил одинокий огонёк – милое напоминание о родной земле. Русские отмечают Рождество очень широко, уделяя большое внимание еде и выпивке, забывая при этом о религиозном значении праздника. В Тымском, как и во многих других местах, у меня сложилось впечатление, что русские, несмотря на их набожность, на самом деле не верят в бога.

По сравнению с рождественскими праздниками с их излишествами и однообразием обычные свадьбы показались мне веселее и интереснее. На церемонии венчания священник водит жениха и невесту по церкви. В руках они держат зажжённые восковые свечи, а их головы украшают не по размеру большие и потому сползающие на уши серебряные короны. Всё это выглядит довольно странно, торжественно и в то же время смешно. Гости собираются в доме, и тогда начинается грандиозное веселье: распеваются песни одна за другой, поглощаются попеременно водка и множество различных блюд. Веселье нарастает с каждой выпитой рюмкой, гости поют, пьют и танцуют всё безудержнее. И лишь молодожёны должны сидеть с напыщенно торжественным видом до тех пор, пока для них не наступит время удалиться в брачные покои. Там они ненадолго остаются наедине друг с другом, а развесёлые гости ждут их появления. Вскоре появляется невеста в одной рубашке. Она демонстрирует гостям доказательство своей невинности и, держа поднос,

предлагает всем присутствующим выпить. При этом каждый обязан внести свой вклад на благо новой семьи и положить его на поднос. Иногда знаменательную сорочку невесты выносит кто-то другой. И тогда показ сопровождается триумфальным шествием по деревне под музыку. Пару раз меня будили среди ночи, чтобы я тоже полюбовался этим трофеем. Если всё заканчивается хорошо, то на следующее утро шафер надевает на руки и грудь красные ленточки, и праздник продолжается весь день; если нет, празднование тотчас прекращается.

Во время свадеб, да и на других многолюдных мероприятиях после сибирского развлечения – щёлканья кедровых орех – подают чай в дымящихся самоварах и самогон, которым многие предпочитают сильно разбавлять кипятком. В домах побогаче – накрытый скатертью роскошный стол с разнообразными закусками: холодное мясо, замороженная рыба (так называемая строганина), молочная свинина, икра, всевозможная выпечка, ягоды, варенья, соленья и прочее. Пироги с рыбой подают на стол в больших количествах, их едят вилками, выуживая самые лакомые, жирные кусочки. Затем следуют пельмени – сильно перченый мясной фарш, завернутый в тесто. Обычно их замораживают, чтобы заготовить впрок; так их удобно брать с собой в дорогу. Пельмени вкусные, однако они долго лежат в желудке как камни. После такого угощения снова пьют чай и очень крепкий и пахнущий ржаным хлебом самогон.

Мои частые визиты к купцам и рыбакам, вызванные, правда, в основном их ножевыми ранами и другими «острыми» заболеваниями, подхваченными на праздниках, способствовали тому, что мне удалось за короткое время выучить русский. Эти люди говорили простым языком. Их речь, более свободная и одновременно менее правильная по сравнению с населением центральной части страны, как нельзя лучше подходила для общения с самоедами. Столичный говор был бы не очень понятен ни сибирским крестьянам, ни самоедам. Я продолжал учить язык самоедов. И когда я достиг того уровня, на котором можно было общаться с аборигенами, не понимающими по-русски, я решил переселиться к самоедам и вести их образ жизни. Причиной моего решения был отчасти

Алёшка, который ни за что на свете не хотел оставаться жить у русских и в особенности у моего хозяина, который раньше, будучи состоятельным, плохо обходился с аборигенами, несмотря на то, что мать его отца была самоедкой. Это было заметно по его скулам, и его жена при каждой удобной возможности упрекала мужа в принадлежности к самоедскому племени.

Во время моего пребывания в Тымском я слышал от русских столько историй, одна страшнее другой, об остяках, как называют всех аборигенов русские, живущие в Нарымском крае, что мне было страшно любопытно узнать, насколько это соответствует действительности. Прежде всего, меня убеждали в том, что я не смогу жить среди этих людей. Мне живо описывали грязь, паразитов, всевозможные болезни, которые будут преследовать меня там; предупреждали о лживости самоедов и их странной привычке обманывать всех и каждого, кто вступает с ними в контакт.

И хотя жизнь среди русских научила меня тому, как мало значат их слова и что не следует им очень-то доверять, я всё же испытывал некоторое напряжение, идя навстречу новой, неизведанной доселе судьбе. С Тымским я расстался без грусти, хотя нельзя не признать, что все относились ко мне здесь приветливо. Лишь расставание с хозяевами было несколько тяжёлым, ведь они окружили меня невероятной заботой и любовью; хозяин называл меня сыном, а его жена жалела меня за то, что я отправляюсь навстречу неизвестности. Но наша разлука длилась недолго, и позже я ещё не раз имел возможность воспользоваться их гостеприимством.

Нарымские самоеды

Плохие условия жизни и жалкое существование – Гибель южных самоедов – Русификация обских самоедов – Лениность, нищета, пьянство – Жилища – Охота и рыбная ловля – Ремёсла и другие занятия – Долговое порабощение – Лесные самоеды – Круговорот их жизни – Лесные самоеды тоже в долгу у русских – Правление и власть – Вытеснение самоедов русскими колонистами – Христианская церковь и религия – Крах миссионерской работы

Казалось бы, на огромной территории Нарымского края двум с половиной тысячам самоедов нетрудно найти места для поселений, где они смогли бы развивать самобытную культуру и добиться определённого благосостояния. Однако это далеко не так. Отчасти потому, что в Нарымском крае преобладают болотистые местности, на которых невозможно разведение сельскохозяйственных культур, а леса пострадали от частых пожаров. По этому поводу писал Кастрен: «Господу Богу было угодно, чтобы бедные самоеды служили сильным мира сего, и чтобы им было уготовано заселять и осваивать самые непригодные и неприглядные земли. Томским самоедам повезло больше, чем большинству их соплеменников. Но несправедливость великого распределения заключается в их прискорбной участи – жить на болотах. Рядом с поселениями томских самоедов расположены пресловутые Барабинские болота, не имеющие себе равных в мире ни по величине занимаемой территории, ни по неблагоприятному токсическому воздействию. Эти болота являются причинами ежегодных эпидемий, поражающих всех без разбора: людей и животных, уничтожающих стада, и тем самым серьёзно препятствующих приросту скота и улучшению качества жизни людей». И он продолжает: «Имея столь неблагоприятные природные условия, многие самоеды Томской губернии предпочитают оставаться в диких лесах, для них сугроб лучше домашнего очага. Некоторые из них, правда, выходят из леса, покидая навсегда болота, но и тогда их жизнь немногим отличается от жизни лягушек в трясине. Жилища самоедов, даже сооружённые на русский лад, напоминают авгиевы конюшни. Под одной крышей люди, телята, собаки, куры. Хотелось бы думать, что такое сосуществование является, по крайней мере, безвредным и безобидным, но это всего лишь иллюзия, которая исчезает каждый раз, когда видишь безобразные мерзкие лица вдрызг пьяных, валяющихся мужчин и женщин и слышишь храп, напоминающий рычание их соседей – домашних животных».

С тех пор, как было сделано это описание, прошло семьдесят лет. Но ничего не изменилось в лучшую сторону – скорее наоборот. Даров природы больше не стало, а самое главное, распространилась псевдо-

культура, разрушающая то, что идёт на благо людям. Скоро она уничтожит всё – плохое и хорошее, язык и религию исчезающего народа. Но прежде чем я подробно остановлюсь на причинах скорой неизбежной гибели южных самоедов, думаю, следует описать их настоящую жизнь, и не потому, что она чем-то своеобразна и интересна, а для того, чтобы показать, как шаг за шагом самоеды добровольно или вынужденно сами создают предпосылки для вымирания своего народа.

Согласно записям Кастрена необходимо чётко отличать самоедов, живущих на Оби, от прочих, населяющих её притоки. Первые обрусели настолько, что носят русскую одежду, строят дома, как у русских, и почти не кочуют. Однако они располагают свои жилища вдали от поселений русских, демонстрируя, таким образом, отвращение и нежелание сосуществовать с другими народами. В этом самоеды похожи на эстонцев и финнов. Чтобы не жить рядом с русскими, самоеды предпочитают покинуть привычные места обитания, богатые рыбой. Поэтому аборигены, даже живущие недалеко от Томска, частично сохранили родной язык. Исчезновение языка чаще всего обусловлено не влиянием русского, а тем, что умирают все жители поселения. Впрочем, не следует умалять роль русской культуры, обычаев и традиций. Разница между самоедами и русскими велика. Отличительная черта обских самоедов – страшная лень. Не удивительно, что они, например, вместо традиционной прочной, тёплой одежды, сшитой из оленьей шкуры, носят русские шубы плохого качества, в которых едва ли можно выдержать сибирскую зиму, и даже их они порой готовы отдать за бутылку водки. Тогда им приходится рассчитывать только на людское милосердие. Жилища самоедов – маленькие, тесные, лишены всякой обстановки, и поэтому русские их называют юртами. Как правило, в жилище самоедов одна комната с окном и дверью. Окно разбито, дверь закрывается неплотно, и вдобавок, как и в русских домах, очень холодный непокрытый пол. Русскую печь заменяет простая железная печурка, служащая для обогрева и приготовления пищи. Пока горит огонь, в доме настолько жарко, что невозможно спать в одежде. Но тепло быстро уходит, как только прогорают

дрова, и жуткий холод пробирает всё тело. В одном из таких жилищ я измерял температуру в течение 24 часов. Оказалось, что она колебалась между +40°C и выше и –25°C.

Обские самоеды сохранили отдельные воспоминания о своей кочевой жизни. Несмотря на оседлость редко кто решается держать лошадей или коров и вообще заводить какое-либо имущество. Ведь тогда им придётся думать о завтрашнем дне, и уже будет невозможно перебираться с места на место, как только взбредёт в голову. Свобода самоедам дороже. Они даже испытывают некоторое пренебрежение к тем, кто устраивает быт и пытается облегчить себе таким образом жизнь. Они лучше будут платить русским за молоко и аренду лошадей.

Между тем замечу, что коровы в Сибири зимой дают молоко крайне редко. Я знал одного нарымского крестьянина, державшего пятьдесят коров. В январе ни одна из них не доилась по той простой причине, что коровы и лошади вынуждены зимовать в сугробах, на холоде и морозе; при этом их единственным кормом является грубое, мёрзлое сено.

Летом заливные луга превращаются в прекрасные пастбища. Лошадей перегоняют на острова, где они вдоволь насыщаются густой, сочной травой. В это время нет дорог, и лошадей никак не используют. Для содержания скота почти всё лето косят сено. Русские, живущие в Нарымском крае, держат коров в больших количествах в основном на мясо.

С тех пор, как исчезли леса, и пришли русские со своими ловушками и прочими новомодными эффективными приспособлениями, охота перестала приносить хорошую прибыль. Рыбная ловля пока ещё в руках самоедов. Но для того, чтобы выплачивать бесконечные долги, самоеды вынуждены сдавать в аренду купцам песчаные отмели, а те, в свою очередь, стараются, чтобы вырученные самоедами деньги были потрачены на выпивку или ещё что-нибудь губительное и разорительное. Вот так самоеды – правомерные собственники песчаных отмелей вынуждены летом поступать на службу к русским и рыбачить для них на своих законных территориях. А иногда самоеды, покупая водку, бесполезные, ненужные им вещи, так залазят в долги, что вынуждены и зимой продол-

жать рабскую службу, нанимаясь к русским батраками или кучерами. В результате самоеды опускаются всё ниже и ниже, хотя они прекрасно знают, что их обманывают, и осознают, что они спиваются, что алкоголь, который им предлагают, приводит к полнейшей деградации и деморализации. Противно видеть, как русский наливает рассчитавшемуся сполна остяку самогон, а тот в порыве благодарности, стоя перед своим язвительно улыбающимся палачом, восхваляет его как доброго благодетеля, который не даёт умереть ему от голода и холода, кормит его семью и даёт им теплую одежду. «Вот видите, – сказал мне как-то после подобной сцены один уважаемый купец, – видите, что мы только ни делаем для этих собак и чертей. Мы же им всё, что можем, даём и одалживаем на долгий срок, а они всё равно ругают и поносят нас, да ещё и пытаются внушить людям, что мы их используем и обираем.» На самом деле русские твёрдо уверены в том, что они выступают благородными меценатами для самоедов, не давая умереть им голодной смертью. В этом есть доля правды. Ведь независимо от того, получают ли самоеды то, что положено, или их обманут и дадут лишь часть, они всё равно растратят всё до копейки, так низко они уже опустились. Но разве это обстоятельство может быть оправданием обманщиков и грабителей? Именно так зарекомендовали себя русские торговцы, и не только по отношению к самоедам, но и к бедным русским.

Переселившимся в отдалённые земли самоедам удалось в какой-то мере сохранить свою независимость. Некоторые зарабатывают на жизнь изготовлением лодок из осины – распространённого здесь средства передвижения. Русские их охотно используют, хотя сами не делают. Самоеды искусно мастерят лукошки, короба, кузовки, корзины из бересты, сани, деревянные корыта. Всё это в основном продаётся русским. Самое необходимое, нехитрое пропитание они добывают в озёрах и ручьях, там, где ещё не прошёл «европеец», и потому водоёмы изобилуют рыбой. В сентябре прибыльным занятием является сбор кедровых орехов. Шишки сбиваются с веток, затем их сушат, шелушат. За пуд орехов можно получить от рубля до трёх. Только из Нарымского края ежегодно

вывозят орехов более чем на сотню тысяч рублей. Товар этот идёт в основном на Урал и в южную Сибирь. Там щёлкают орехи с таким же удовольствием, как европейские русские – семечки подсолнуха. Это различие особенно бросается в глаза. Вообще щёлкать или грызть русскому так же необходимо, как жевать жвачку американцу. То ли это нервное или просто дурная привычка?

Немногим самоедам хотя и с большим трудом всё же удалось примириться с новыми условиями жизни и тем самым подняться на более высокий культурный уровень. Например, в селе Иванкино была открыта национальная школа, организовано первое в Нарымском крае торговое кооперативное товарищество. Самоеды, взявшие себе в жёны русских женщин, под влиянием иной культуры начинают заниматься скотоводством. Держат коров, лошадей и другую скотину. Примечательно, что язык русских жён испытывает на себе влияние языка аборигенов. Русские редко учат язык самоедов. Насколько мне известно, только трое овладели этой премудростью, да и то те, кто выучил чужой язык в детстве. Язык самоедов очень сложный, но главная причина, по которой русские не хотят его изучать – презрительное отношение к нему и его носителям. Русские жёны самоедов настолько вжились в иноэтническую среду, что не пользуются своим родным языком.

Лесные самоеды населяют притоки Оби: Тым и Васюган (только в устье, выше живут остяки), Парабель, Кеть, Чаю и Чулым. Им в определённой степени удалось сохранить образ жизни предков, характерный для тундры. Современные лесные самоеды строят жилища, как и русские, но живут они в них крайне редко, продолжая и по сей день кочевать. Как только в августе или сентябре ложится на поля первый снег, они начинают готовиться к предстоящей охоте. Приводят в порядок нарты или небольшие лёгкие сани, в которые запрягают собак, мастерят новые лыжи, проверяют ловушки и петли, шьют и чинят шубы. Затем упаковывают продовольствие, которое состоит в основном из сушёной рыбы (так называемой *порсы* или *пик*). Детей укладывают в сани, которые тянут женщины и собаки. Мужчины и подростки на лыжах прокладывают

путь через дикую, глухую местность. Здесь не встретишь ни одной живой души. Каждая семья с незапамятных времён владеет своими собственными охотничьими угодьями, простирающимися на сотни километров вдоль Тыма и Кети, отделёнными друг от друга озёрами, болотами и тундрой. В центре охотничьего участка возводится сооружение из досок и мха в форме пирамиды, служащее одновременно жилищем и хранилищем для припасов и добычи. Отсюда путь охотника лежит по дорогам и тропам, ведущим в разные стороны. Место для привала – сугроб. Здесь разводят небольшой костерок, чтобы согреться, приготовить пищу и устроить ночлег. Место привала обговаривают заранее, и с наступлением вечера здесь собираются все члены семьи. Мужчины добывают крупную дичь. Орудиями промысла для женщин и детей являются лук и стрелы. Они охотятся на белок, зимой мясо белки является основным продуктом питания. Беличьи шкурки продают русским за двадцать – тридцать копеек за шкурку. В хороший год торговля приносит большую прибыль. Число добытых белок только лишь на Тyme достигает 50 000 в год.

Ближе к Рождеству многие самоеды возвращаются на Тым и другие реки, чтобы продать добычу, купить порох, свинец и муку. Но вскоре они вновь уходят в леса и остаются там до конца апреля, до тех пор, пока первые весенние лучи не начнут согревать пустынную землю. Нужно успеть вернуться, пока не развезло дорогу и можно проехать на санях. Вернувшись, они готовятся к летней рыбалке, которая начинается по вскрытии рек. Зимой ловят рыбу только на Оби, на Тyme это невозможно, так как вода в это время имеет красноватый оттенок и рыба держится вдали от ям-прорубей. Летом самоеды селятся по берегам рек и на песчаных отмелях. Здесь они сооружают жилища, представляющие собой шатёр, деревянный остов которого покрывается большими полотнищами бересты. Бересту сначала вываривают, чтобы она стала мягкой, а затем сшивают в пласты. Обычно в жилище имеется глиняная печь, в которой пекут хлеб. Рыбу добывают вершой, удочкой, небольшими неводами и плетёными снастями, посредством различных заграждений (запо-

ров). Часть добытой рыбы засушивается, часть засаливается на продажу, остальное поедается в невероятных количествах, так что голые животы маленьких детей, кажется, вот-вот лопнут. Самоедам нужно за лето компенсировать скудное зимнее питание. Щукой и окунем самоеды пренебрегают; для них – любителей жирной рыбы, эти породы не представляют ценности. Им нравится всё жирное, поэтому они так полюбили моё касторовое масло и пили его стаканами, невзирая на мои предупреждения, не испытывая после этого ни малейших проблем с пищеварением.

С приближением осени они снова покидают свои поселения и отправляются в леса на сборы кедровых орехов, добычу тетеревов и диких гусей. На зиму дичь замораживают и употребляют в пищу по особым случаям. В лесной глуши аборигенов поджидают новые опасности и лишения, бесконечная борьба с голодом и холодом. Вот так тягостно и однообразно проходят день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем. Единственной прелестью такого существования является полная свобода и независимость, возможность жить сегодняшним днём и радоваться тому, что он принесёт. Как часто однако эта радость исчезает от того, что всё добытое за долгую зиму или короткое лето перекочёвывает в карман купцу. А тому всё мало и мало, и он грабит самоеда до тех пор, пока тот, совершенно разорённый, не возвратится вновь в лесную глушь.

Самоеды, живущие на Тyme и других притоках – дойные коровы для торговцев, которые живут и организуют бизнес за счёт аборигенного населения. Как я уже говорил, обские самоеды пребывают в крайней бедности, поэтому торговцам не приходится особенно рассчитывать на прибыль. Самоеды, населяющие отдалённые местности, владеют рыболовными и охотничьими угодьями и, соответственно, представляют бóльший коммерческий интерес. Купцы поделили меж собой семьи самоедов, и весной они отправляются к «своим» аборигенам. Они говорят, что тот или иной самоед принадлежит тому или иному купцу. Это очень похоже на отношения между хозяином и слугой, а точнее – на банальное рабство. Так искусно русским удалось с помощью займов и угроз поставить самоедов в зависимость, что бедняги не решаются нарушить закон,

по которому они обязаны всё добытое продать определённому лицу за любую цену. Кроме того, купцы договорились не вмешиваться в сферу влияния друг друга, и самоеды знают, что они окажутся на мели, если вдруг попытаются уйти от одного русского к другому. Рабская зависимость усугубляется вдобавок отсутствием конкуренции, хотя в последнее время всё же появляются конкуренты из Томска и других мест. Они предлагают более высокую цену за пушнину и дешевле отдают свой товар, осложняя, таким образом, жизнь местным торговцам. Некоторые из них, наказанные за обман, уже обанкротились. Но при этом все ошибочно полагают, что виноваты в этом нечистые на руку самоеды.

Я должен ещё сказать несколько слов об управлении и администрации Нарымского края, чтобы в полной мере отразить условия жизни самоедов там. В Нарыме, впрочем, как и в Туруханске, где ещё так много предстоит сделать и так много решить задач, высшие посты правления должны занимать, разумеется, наиболее выдающиеся и способные люди. Но на деле, к сожалению, всё обстоит иначе. И за время моего пребывания случалось так, что приставами становились деревенские полицейские, получившие в своё время образование в церковно-приходской школе^{к9}. А ведь пристав должен контролировать сбор налогов, а также отвечать за охрану спокойствия и порядка среди русских и самоедов. Кроме того, он имеет почти неограниченную власть над политическими ссыльными. С такими делами трудно справиться даже грамотному чиновнику, а уж необразованному человеку совершенно не под силу. Особенно сложно управлять ситуацией со ссыльнопоселенцами. Многие из них – довольно приятные, не лишённые интеллекта люди. Но встречаются также грубые, упрямые, невежественные, демонстрирующие свои анархистские воззрения в высшей степени неуместным, безнравственным и непристойным поведением.

Пристав определяет, где они должны жить и как с ними обращаться, в его власти облегчить или, наоборот, усложнить им жизнь. Впрочем, у него немало трудностей, так как его подчинённые активно заботятся о том, чтобы каждый его шаг был известен в управлении жандармерии¹⁰.

Так один пристав после долгих лет службы однажды получил приказ об увольнении и должен был покинуть округ в тот же день. В местах, где драки и потасовки происходят ежедневно и все дела решаются подкупом, очень сложно творить правосудие. Я сам был свидетелем того, что покушения на убийства по одному Богу известным причинам никак не наказываются и, мало того, даже не расследуются. Права поговорка «До царя - далеко, до бога - высоко». Однако едва ли пристава обвинят, если он конфискует деньги из деревенской кассы, например, под предлогом того, что они, якобы, оказались фальшивыми, не говоря уже о других происшествиях.

Самые трудноразрешимые конфликты возникают потому, что русские имеют свои собственные законы, а самоеды – свои, по которым аборигенам Сибири положено иметь своих судей, которые и должны принимать решения, если дело касается самоедов. Как обстоит с этим в действительности, я расскажу позже, когда буду описывать путешествие по Тыму. Здесь же мне лишь хотелось сделать акцент на неразберихе, которая заключается в том, что для различных категорий населения существуют разные порядки и законы.

Ещё до того как самоеды стали подчиняться русскому царю, им была выдана грамота, дающая право владения исконными территориями, прилегающими к местам их поселений. В этом документе чётко определено, что без согласия самоедов никто не имеет права охотиться, рыбачить и вообще селиться в этих местах. Раньше русские в какой-то мере соблюдали установленные правила, так как переселенцев было немного и была возможность получить право пользования землёй за пару литров самогона или небольшую сумму наличными. Но в последние годы с увеличением числа переселенцев из центральных районов России выросли в цене даже земли на Оби, и теперь и здесь трудно получить участок земли, богатой рыбой или дичью, лесами и лугами. Вместо того чтобы своевременно внести изменения в закон, не нашли ничего лучшего, как признать его недействительным. Администрация не считает нужным принимать во внимание устаревший документ, и даже несколько раз

случались попытки его вероломного похищения. Иногда самоеды подавали жалобы на русских, незаконно занявших их земли, и, как правило, мировой судья признавал их правоту. Иногда чиновники продавали право аренды песчаных отмелей, принадлежавших самоедам, и когда те насильно прогоняли незаконных арендаторов, жалоб от последних никогда не поступало, что лишний раз свидетельствовало о сомнительности сделки. Борьба за соблюдение своих прав развивается зачастую не в пользу слабой стороны, и самоедам придётся скоро сдаться. Я ни в коем случае не утверждаю, что было бы правильно, если бы коренные жители Сибири, владея огромными угодьями (которые они не в состоянии в полной мере использовать), препятствовали процессу колонизации. Но полагаю, если бы ситуация была урегулирована так, чтобы самоеды имели возможность вести свой прежний образ жизни, это принесло бы пользу не только им, но и русским. Преждевременный отказ от кочевничества и обращение к промыслам, которыми они не умеют, да и не хотят заниматься, привело самоедов к их теперешнему плачевному состоянию, способствовало истреблению народа, веками, а может быть и тысячелетиями населявшего самые неблагоприятные, суровые, скудные земли Сибири.

Но и это ещё не всё. Не менее важную роль сыграли духовенство и религия. Все без исключения самоеды Нарымского края - официально крещённые православные христиане. Между тем в действительности они являются язычниками и тайно поклоняются богам своих предков, а духовным наставником и проводником выступает шаман, а не православный священнослужитель. По очень многим причинам самоеду трудно понять, отчего православное христианство лучше их традиционного языческого культа. Это происходит, прежде всего, из-за отсутствия религиозных наставлений; священники не занимаются этим, они просто не в состоянии донести до самоедов учение Христа. Ведь проповеди должны читаться на языке коренных жителей, коим ни один священнослужитель не владеет. Кроме того, бесчисленное множество святых православной церкви приводит самоедов в замешательство. Русские читают молитвы,

стоя перед иконами, ставят свечки, украшают их цветами; самоеды думают, что эти картины изображают божества или духов, а свечка представляет собой жертвоприношение. В то же время они имеют другой пантеон богов, которым самоеды поклоняются и приносят жертвы. Не зная библейской истории, они справедливо полагают, что надёжнее обратиться к духу воды или леса, чем совершенно ничего для них не знающему святому Николаю Угоднику или ещё какому-нибудь святому. Невдомёк им, почему изображения их божеств священники называют чертями, а русские иконы для них «боги». Самоеды говорят, что ведь и те, и другие созданы рукой человека. Христианские заповеди типа «не укради», а также многие другие оставляют аборигенов равнодушными; честному самоеду никогда не придёт в голову воровать, и вряд ли он станет сомневаться в том, что нужно помочь такому же, как он, голодному и обездоленному.

Врачей не хватает. При обострении болезни и даже в смертельных случаях на помощь приходит шаман. Говорят, вера творит чудеса, поэтому случается, что шаману действительно удаётся излечить больного без всяких медикаментов. Такое лечение основано на глубочайшем доверии шаману, вере в его сверхъестественные способности. Собственно такое случается и в практике настоящих врачей. Многие русские, живущие в Сибири, тоже суеверны. Магия и колдовство, вера в приметы – неотъемлемая часть жизни сибиряков. Многие из этого переняли и самоеды. Насколько мне известно, священник никогда не ходит на могилы аборигенов. Уподобляясь торговцу, он зарабатывает на том, что отказывается венчать бедных самоедов меньше чем за семьдесят пять рублей, а панихиду служит один раз в год по всем умершим сразу. Разумеется, что при таких обстоятельствах самоеды предпочитают свои традиционные верования всем прочим религиям.

Уничтожение священниками культовых мест, сожжение идолов, презрение к религиозным чувствам самоедов вызывают у последних нестерпимую боль, горечь, досаду, всё возрастающее недоверие и ожесточение. Однако такого рода непонимание, неприятие новой религии ожида-

ет первопроходцев христианской церкви во всём мире. И они сознательно идут на это, распространяя свои проповеди повсюду, насаждая учение Христа, не ограничиваясь лишь приобщением к более высокой культуре. Они как будто верят, что народ вдруг без какого-либо духовного ущерба может отказаться от самого лучшего, что у него есть - культурного наследия предков – и забыть своё прошлое только ради тех новых условий жизни, которые принесёт им культурный прогресс. Где-то миссионерская работа имеет успех благодаря строительству школ, больниц и других учреждений. В Сибири же ничего этого нет, поэтому не удивительно, что миссионерство потерпело здесь крах.

В некоторых областях Нарымского края вверх по Оби самоеды поступили так же, как и большинство русских. Отказавшись от своих традиционных религиозных представлений, они не смогли принять новую веру, что привело к ещё более печальным последствиям. Они стали безразличными к религии и даже не пытаются понять и принять её. В совокупности с низким культурным уровнем развития это следует рассматривать как огромный недостаток. Таким образом, самоедов лишили духовности, вычеркнув из жизни мораль и веру, которые, безусловно, могли бы оказать на их жизнь благоприятное воздействие.

Из всего сказанного становится ясным, что самоедам было трудно противостоять в неравной борьбе. Но это была не единственная причина деградации и вымирания народа. Я ещё вернусь к этому вопросу и попытаюсь проанализировать другие, возможно, более важные факторы этого фатального процесса, чтобы показать, что выпало на долю поистине несчастного, достойного сожаления племени, и что с ним будет дальше.

Путешествие по Оби

Поездка на санях с Алёшкой – Дружелюбный прием – Раздробленность самоедского языка – Верования. Священные деревья. Культовый амбарчик – Остановка на Васюгане – Возвращение в Тымское и переезд в Колгуяк – Зимнее безмолвие – Ностальгия – Долгожданная весна – Ледоход на Оби – Опасная поездка на «ледоколе» - Приготовления к путешествию на лодке

Долгие зимние месяцы, дни, мрачные и однообразные, однако не прошли для меня даром. Мне удалось довольно прилично освоить русский и, главное, – найти общий язык с «объектом моего изучения» – самоедом Алёшкой. Кроме того, я сделал целый ряд заметок, в основном чисто лингвистического характера. Мы решили совершить небольшую поездку. Это решение было вызвано двумя причинами: во-первых, нужно было взбодрить моего «профессора», хоть как-то разнообразив нашу жизнь, во-вторых, я рассчитывал на то, что соприкосновение с реальной жизнью аборигенов поможет мне лучше понять народ, который я изучаю.

Стояла суровая зима, самое холодное время года, но в наших санях мы не знали горя. К тому же можно было укутаться в тулупы. После длительной, утомительной работы в помещении нам обоим было полезно проветриться. Нас встречала настоящая сибирская выюга. Всю дорогу мы боролись с порывами ветра, наши сани то и дело бросало в самые глубокие сугробы, нанесённые ветром среди огромной ледяной пустыни, сковавшей тёмные воды Оби.

Мы взяли курс на Нарым и по дороге останавливались почти в каждой юрте, чтобы сделать лингвистические и другие интересные заметки. Благодаря тому, что Алёшка знал здесь почти всех самоедов, а также в немалой степени моей дорожной аптечке нас везде встречали гостеприимно и, что особенно важно для меня, без свойственного аборигенам недоверия.

Ещё до нашего путешествия я рассказывал моему информанту о родстве уральских языков и народов, поэтому во время поездки он говорил всем и каждому, что я такой же, как они, *kum* (человек), и что меня не нужно воспринимать как чужака. В общем, это объяснение имело успех и не вызывало подозрений; только однажды один из аборигенов выразил сомнение, сказав, что неизвестно, сколько другой крови течёт в моих жилах. И в этом была виновата моя густая борода.

На Оби довольно много поселений самоедов. Но всё равно им жилось бы хорошо и вольготно, если бы не поток русских, которые начали

колонизировать их земли. Русские поселялись вначале на обжитых территориях, вытесняя самоедов, не желавших жить по соседству с другим народом. Таким образом, русское население получило самые лучшие, благоприятные места, а самоедам пришлось довольствоваться тем, что осталось. Процесс переселения самоедов проходил довольно мирно: самоеды добровольно покидали привычные места обитания, не желая жить рядом с другим народом, который считает себя здесь хозяином. Такое негативное отношение к русским диктует самоедам инстинкт самосохранения, естественное стремление сберечь своеобразные формы хозяйственной и общественной жизни, свой язык, обычаи и религиозные представления.

Удивительно, как несмотря на убогость и нищету, страшную нужду и бесконечные бедствия по названным здесь и ранее причинам самоедам всё же удалось сохранить многое из культурного наследия предков. Это поражало меня в особенности в тех местах, где повсюду юрты самоедов окружены русскими деревнями. Там я встречал людей, чаще всего женщин, не говоривших ни слова по-русски. Свой язык они знали хорошо, но в каждой юрте говорили на своем говоре, отличавшемся от говора соседей. Наличие большого количества диалектов и говоров, территориальная рассеянность не способствовали консолидации народности. Напротив, эти факторы следует рассматривать как реальную угрозу исчезновения языка. Диалектные различия часто настолько существенны, что жители близлежащих юрт не понимают друг друга и для удобства пользуются русским языком. Например, в языке тымских самоедов согласие выражается словом «а», в то время как это же слово у самоедов из Казильцы (Kaziltsi), живущих в 200 верстах вверх по течению, имеет значение отрицания. Можно себе представить, насколько затруднительным или почти невозможным становится общение между людьми, если даже на такой небольшой территории самые употребительные слова звучат по-разному.

Жилища, в которых мы останавливались, в общем напоминают дома русских, но они, как я уже говорил, гораздо беднее, меньше и состоят,

как правило, из одного помещения. Рядом обычно располагаются четыре или пять жилищ. В отличие от русских, самоеды никогда не ставят их в ряд. Они беспорядочно разбросаны, так, словно чья-то огромная рука рассыпала коробочки на песчаном поле. Вокруг каждого жилища лес вырублен, голая земля, то тут, то там сухие деревья. Я никак не мог понять, почему их не вырубают и не используют на дрова, и решил для себя, что они имеют какое-то религиозное значение. В конце концов я выяснил, что эти деревья считаются священными; в них живёт дух-покровитель юрты, поэтому их нельзя ломать.

В местах, где кругом полно русских, самоеды боятся говорить о своих религиозных представлениях. Ни за что на свете они не признаются, что поклоняются своим идолам. Благодаря моему проводнику я воочию убедился в том, что все самоеды не являются истинными христианами, они по-прежнему остаются язычниками.

Настоящих шаманов, как, впрочем, и домашних духов-идолов, я не видел. Говорили, что их больше нет, но зато мне посчастливилось однажды увидеть несколько старинных культовых амбарчиков. Лишь после того как я поклялся, что никому не расскажу об увиденном, и заверил самоедов в том, что я ни в коем случае не стану прикасаться к идолам и ничего не заберу оттуда, я получил разрешение посмотреть на эти удивительные творения. Утром мы надели лыжи и отправились в путь. Мы очень долго шли окольными дорогами через лес и замёрзшие болота. И когда я спросил, почему нельзя было пойти напрямик, мой проводник объяснил мне, что там повсюду расставлены ловушки, чтобы русские не смогли приблизиться к священному месту. Когда мы добрались до места, я понял, что аборигены не зря охраняют своих идолов. Здесь так много приношений, что, действительно, можно обогатиться. Однако русские, даже зная дорогу к амбарчику, побаиваются туда ходить. По внешнему виду культовый амбарчик напоминает распространённый у самоедов продуктовый лабаз и представляет собой строение на четырёх вертикально вкопанных по углам столбах (сваях). В передней стене – небольшой лаз, а в глубине амбарчика изготовленные из дерева антропо-

морфные изображения божеств – мужская и женская фигурки. Лица, выполненные довольно грубо, с голубыми глазами-бусинками показались мне забавными. Одежда на куклах сшита из дорогого меха. Рядом много оружия, лебеди, змеи, олени и другие звери, сделанные из олова, с их помощью, как считали самоеды, куклы смогут спастись от врагов. Напротив прикреплен небольшой осколок зеркала, чтобы куклы могли сзади сразу же увидеть врага. У входа фигурка, изображающая охранника с деревянной саблей в одной руке и мечом в другой. Само помещение отделано мехом и тканью, на полу перед изображением предка-родоначальника различные предметы, среди которых довольно большая груда монет, в том числе много старинных, двух-, трехсотлетней давности. Около амбарчика на ветвях священных деревьев висят разноцветные лоскутки, рога и прочие атрибуты жертвоприношений. Всё это было очень необычно. Поляна, спрятанная далеко в лесной глуши, густые вековые деревья вызвали у меня ощущение праздника. Именно здесь я отчётливо понял самоедов – детей природы, предпочитающих молиться и приносить жертвы в святилище, созданное самой природой, чем стоять на коленях даже в самой красивой церкви и просить милости у неизвестных, безразличных для них «богов». В культовых местах раз в году незадолго до рождества собираются все члены рода, чтобы поклониться своему предку, задобрить его с помощью молитв и жертвоприношений и попросить об исполнении желаний. В другое время сюда приходят также отдельные члены рода, чтобы отвратить несчастье или обратиться с просьбой о покровительстве.

После нескольких недель путешествия в отдалённые глухие места я снова вернулся в Нарым. Теперь он показался мне настоящим городом. К сожалению, я пробыл в Нарыме всего один день, так как у моего информанта, почувствовавшего, наконец, близость питейного заведения, усиливалось желание выпить. Мы подъехали к близлежащему поселению самоедов, там я впервые познакомился с тунгусами. Это типичный кочевой народ Сибири. Благодаря тому, что тунгусы никогда не соседствовали с русскими, им удалось избежать судьбы самоедов и сохранить свои

обычаи, традиционный уклад жизни. Страх тунгусов перед чужаками, боязнь заразиться от них новыми болезнями затрудняют контакт с представителями этого племени. И в этот раз они по обыкновению отправили своего человека узнать, нет ли среди нас больных. И только после того как он вернулся к стоянке и сказал, что всё в порядке, вышли другие тунгусы и начали предлагать нам свой товар. В национальных одеждах, верхом на оленях, они выглядели забавно. Я предложил им табак, и когда они поняли, что я не русский, они охотно начали общаться со мной. Они пробыли с нами всего несколько часов, но за это время мне удалось расспросить их о многом. Я узнал, что они принадлежат к тунгусскому племени, кочующему в Нарымском крае и не имеющему определённого места жительства. Они разбивают лагерь в местах, где много дичи, и остаются там до тех пор, пока охотничий промысел приносит прибыль. Затем они перебираются в другие места по своим дорогам. Никто, кроме них, не знает этих дорог. Иногда они преодолевают сотни километров пути, уходя в глухие, отрезанные от всего мира места. Конечно, это не настоящие дороги, а всего лишь тропы. Чтобы легко ориентироваться на местности, тунгусы длинными копиями делают зарубки на деревьях.

В поселении самоедов, где я, кстати, жил в доме у русского, не говорившего на своём родном языке, я приобрёл у одного старого шамана оловянную куколку – изображение божка, предка вымершего племени. Обрадованный удачной покупке, я принёс её домой и стал показывать самоедам. Я сразу заметил, что женщины не смотрят на изображение, но не думал, что за этим стоит, пока хозяин не потребовал, чтобы я на ночь унёс куколку в сарай. Оказывается, самоеды считают, что женщинам нельзя находиться в непосредственной близости божка, так как в этом случае он может им навредить. И, действительно, женщины ушли и не возвращались до тех пор, пока я не унёс куколку, и тогда снова воцарились мир и покой.

В тот же вечер я стал свидетелем совершенно необычного концерта, в котором участвовало несколько пожилых женщин. Им хотелось пообщаться с иноземцем, который, казалось, интересуется всем, что касается

старинны: сказками, преданьями, поверьями, обычаями, старинными предметами. Многие принесли с собой губные гармошки, сделанные из кости. Гармошка представляет собой тонкую пластинку, в которой прорезан язычок, язычок вибрирует, когда в гармошку дуют. Высота звука и ритм регулируются с помощью верёвочки, один конец которой закреплён на язычке, а другой находится в руке у исполнителя. Звук слабый, но когда играют одновременно несколько человек, получается довольно громко. Необычные мелодии, сумерки, сидящие перед огнём аборигены – всё это способствует созданию своеобразной атмосферы.

Перед тем как вернуться в Тымское, я ненадолго заехал на Васюган. Здесь, в устье реки, на территории протяжённостью примерно в сотню верст живут остяко-самоеды. Эта поездка была приятной для меня во многих отношениях. Вместо привычных равнинных пейзажей – красивая холмистая местность. Здесь всё не так, как на Оби, и не только в природе. Жилища остяко-самоедов лучше, уровень благосостояния заметно выше. У одного зажиточного пожилого человека имелся даже патефон, который он приобрёл за большие деньги. Правда, на пластинках, которые вместе с патефоном всучил ему продавец, были в основном немецкие и французские песни. Старик не понимал по-русски, и ему было абсолютно всё равно, что играет патефон, а я был счастлив послушать что-нибудь европейское.

Я был приятно удивлён, узнав, что сифилис, туберкулёз и другие неприятные болезни не имели здесь такого распространения, как на Оби. Обезображенные лица, скрюченные дети, страшно кашляющие мужчины и женщины – там это обычное явление. Я с трудом преодолевал брезгливость, когда приходилось не только спать с больными в одном помещении, но и есть из одной миски или пить из одной чашки. Непонятно, как вообще можно не заболеть в такой нищете и бедности.

Наше путешествие длилось больше месяца, затем мы снова вернулись в Тымское, оттуда вскоре я отправился к самоедам в Колгуяк. Их селение находилось в двадцати верстах вниз по Оби, вблизи устья Тыма.

Со времён Кастрена Колгуяк заметно вырос. Из маленького поселе-

ния с пирамидальными домиками он превратился в довольно большой межэтнический посёлок. На высоком правом берегу расположились русские. Их домам не страшен разлив реки, а летом они наслаждаются прохладой в тени прекрасных тополей. Неподалеку в зарослях ивняка – землянки самоедов: вместо пола – голая земля, вместо мебели – низкие нары, служащие и столом, и стулом, и кроватью, вместо оконного стекла – толстый слой льда, а вместо печки – сделанный из глины и веток чувал. Пока в чувале горят дрова, в доме тепло, дым выходит через дымоход, но через него же с улицы проникает холодный воздух. В этих краях температура зимой опускается до - 55°C. Некоторые самоеды ушли ещё дальше и осели там, где русло реки образует рукав. В Колгуйке я работал до наступления долгожданной весны. Весна открывала для меня новые возможности – путешествовать по многочисленным сибирским рекам.

Тому, кто не знаком с сибирской зимой, она покажется ужасно долгой, скучной, безотрадной и однообразной. Если к тому же одновременно изучаешь два иностранных языка, один сложнее другого, как это делал я, и почти постоянно работаешь в помещении, не общаясь с внешним миром и лишь изредка получая весточку из родных краёв, то потеря сил, интереса к новым людям и условиям жизни, появление чувство одиночества неизбежны. Словно ты уже в могиле, а время и события бесследно проходят мимо. Позже я научился любить глухие места, наслаждаться тишиной и свободой. Но моя первая зима была трудной именно потому, что прошла она отнюдь не в настоящей глуши. Это было ни то ни сё. Вскоре, однако, я понял свою ошибку и затем пытался по возможности не повторять её.

Почти весь апрель мели метели, сугробы продолжали расти, о солнце можно было только мечтать. Казалось, косматая зима устроила себе жильё здесь навечно и никогда не уступит свои права. Я думал о том, какая сейчас весна у нас, и о людях, оставшихся далеко отсюда. Трудно передать, что я испытывал в это время, как безгранична была моя тоска по родине. В конце месяца произошло чудо. На небе внезапно показа-

лось солнце, лучи залили землю теплом и светом, снег начал стремительно таять. С приветом из жарких счастливых стран вернулись с юга перелётные птицы. В Сибирь они прилетают не так, как к нам, почти незаметно, а огромными стаями. Днём и ночью по напоенным весной небесным просторам тянутся бесконечными караванами стаи лебедей, уток и других птиц. А небо становится всё выше, всё синее, всё великолепней. Иногда по ночам я ходил на охоту. Я ложился на сырой прибрежный песок и под опрокинутой лодкой ждал, но каждый раз, заведя прекрасных птиц, я опускал ружье и возвращался домой с пустыми руками.

Как необыкновенно прекрасна в это время года Обь! Всю зиму я наблюдал безграничное ледяное безмолвие и не мог себе представить, что когда-нибудь река освободится ото льда. Я, конечно, понимал, что должны произойти значительные изменения в речном пейзаже, но то, что я увидел, до глубины души поразило меня. Я видел шторм в открытом море и пургу в пустынной тундре, слышал раскаты грома в Саянских горах, я видел полярный день и полярную ночь, когда солнце на долгие месяцы уходит за горизонт. Но я не знал, на что ещё способна природа в своём могуществе и великолепии. Более очевидного проявления всей непреодолимой силы природы, столь же яркого воплощения её мощи и красоты, которые бессильно выразить человеческое слово, я не встречал нигде. Весенний паводок сравним с настоящим всемирным потопом, когда огромные пенящиеся водные массивы сливаются в русло реки, которое сначала расширяется на несколько километров, затем растёт, превращаясь в безграничное море. Превращение застывшей, казалось, навеки покрытой льдом реки в огромное, простирающееся на многие мили водное пространство трудно вообразить, пока не увидишь это чудо своими глазами. Вихри воды приводят в движение огромные толщи льда, свинцовый лёд, изъеденный водой, раскалывается, и вот уже мощные глыбы, наталкиваясь друг на друга, с невероятной силой несутся вперёд к морю. Их рассеянный блеск ослепляет глаза. Вот так в течение нескольких дней идёт борьба двух времён года – зимы и весны – до тех пор, пока зима, наконец, не уступит, и вновь не совершится чудо – на

земле воцарится весна. Тогда вода в реке течёт медленнее и спокойнее, чем в ручье, и даже птицы находят себе убежище в надёжном лоне матери Оби.

Когда заканчивается ледоход, всё вокруг преобразается, пробуждается от долгого зимнего сна, исчезают тьма и тишина, их сменяют жёлтый солнечный свет, озаряющий землю, по-настоящему весеннее яркое небо, стеклянный блеск талой воды, птичий гомон. Всё живое приходит в движение, спешит к солнцу и свету, лодки оживляют реки. В это время начинается весенняя рыбалка, приносящая большую прибыль, полным ходом идёт охота на птиц, и многочисленные маленькие лодки снуют во все стороны. Пароходы причаливают один за другим, дружески приветствуя нас, и вновь исчезают в бесконечных речных просторах.

Незадолго до ледохода я на лошади отправился в Тымское, чтобы закупить там хлеб и прочий провиант, необходимый для дальнейшего путешествия. Я поехал один, так как мне казалось, что я уже хорошо запомнил дорогу, но на обратном пути я чуть было не погиб. Тымское было уже в нескольких километрах, как вдруг закружилась вьюга, тьма полностью покрыла реку, стало не видно ни зги, лишь изредка в кромешной тьме я мог различать свою лошадь. Но, несмотря на это, я продолжал ехать вперёд в надежде добраться до селения. Я окончательно сбился с пути, но мне казалось, что я знал, где хотя бы приблизительно находится правый берег. Прошло несколько часов. Мои сани всё чаще проваливались в воду, но благодаря сноровке лошади и тому, что я крепко держался за сани, которые пока не погружались в воду, а лишь плыли как лодка, нам каждый раз удавалось вновь выбраться на лёд. Но тут произошло самое страшное; лёд на реке начал двигаться, и я понял, что ещё чуть-чуть и он раздавит нас. Мне стоило невероятных усилий передвигаться по хрустящему треснувшему льду. Наконец показался вождённый берег. В то же время я заметил, что вода резко поднялась, отделяя меня от суши широким жёлобом. У меня не было времени для размышлений. С каждым мигом лёд ломался все сильнее. Мне не оставалось ничего, как повернуть лошадь в воду в надежде на то, что сани не уто-

нут. Лошадь рванула и поплыла к берегу, а я медленно продолжал дрейфовать в своём тонущем «судне». Когда воды в санях набралось мне почти до пояса, я выпрыгнул и, с трудом преодолевая холод, поплыл. К счастью, я привык купаться зимой в проруби; в Тымском это вызывало удивление мужского и женского населения. Я двигался вперёд несмотря на то, что мне сильно мешали льдины. В конце концов мне удалось выбраться на сушу, поймать дрожащую от холода лошадь и продолжить путь. Моему приезду очень обрадовались. Всем было приятно видеть меня и в особенности лошадь живыми и невредимыми. В этот же день, только немного раньше, под лёд провалились двое саней, и никого не удалось спасти. На мои поиски уже были отправлены люди, но на успех почти не было надежды.

Незадолго до этой поездки я приобрёл лодку и решил, что как только река освободится ото льда, я продолжу путешествие на ней. Правда, тымские торговцы любезно предложили мне место в их лодках, но я предпочёл ни от кого не зависеть. Поэтому я купил у одного самоеда лодку с просторной металлической каютой. Лодка была настолько лёгкой, что, если бы возникла необходимость, я мог бы управлять ею один. Но поскольку я знал, что в реке весной быстрое течение, а мне предстояло проехать, по меньшей мере, шестьсот вёрст вверх по течению, я решил нанять дельных людей, которые могли бы быть полезными одновременно и для моей работы. Одним из них был мой прежний информант, другим – его двоюродный брат Микишка, который охотно согласился плыть с нами, а потом оказалось, что у него больные лёгкие, и всю дорогу он только и делал, что, тяжело дыша и кашляя, лежал на спине. Третьим в команде был остяк, сын известного ваховского шамана. Несмотря на предостережения русских, я взял с собой исключительно аборигенов, отчасти, чтобы за время путешествия они стали больше доверять мне, отчасти, чтобы лучше освоить самоедский язык. Позже я понял, что русские всё же были правы, но, с другой стороны, я был доволен, потому как практически я осваивал язык самоедов значительно быстрее и лучше, чем зимой.

Комментарии

¹ Нарымский край.

Нарымский край – административное образование в Западной Сибири, история которого начинается с появлением в 1596 г. Нарымского острога. Первоначально земли вокруг нового укрепленного пункта входили в состав Сургутского уезда. Между 1612 и 1618 гг. Нарым становится самостоятельным городом со своим воеводой и приписанной к нему территорией – уездом. В пределы Нарымского уезда входила р. Обь от верхнего устья Кети до устья Васюгана, а также бассейны притоков Оби на этом пространстве – Парабели, Пайдугиной, Пиковки и др. В XVII в. на этом пространстве были выделены следующие волости: Нижняя и Верхняя Подгородние (Нарымские), четыре Парабельских, Ларпицкая, Пиковская, Тогурская, Большая и Малая Чурубаровские и Чаинская.

В 1629 г. был образован Томский разряд, в состав которого, помимо собственно Томского уезда, вошли также Нарымский, Сургутский, Кетский и ряд других; всё вместе это административно-территориальное образование входило в состав Тобольской губернии.

В 1635 (1641) г. из Нарымского уезда в Томский перешли волости Чаинская и Большая и Малая Чурубаровские. В конце XVII в. в Нарымский уезд из Сургутского перешли волости Васюганская, Ларьятская, Тымская и целиком был присоединён Кетский уезд.

С образованием в 1804 г. Томской губернии с центром в г. Томске Нарымский уезд (позднее – округ, отделение, край) со всеми приписанными к нему волостями вошёл в её состав. В 1917 г. центр Нарымского края (округа) переместился в с. Тогур, в 1932 г. – в Колпашево. Окончательно Нарымский округ был упразднён в 1944 г. с образованием Томской области.

См.: Нарымский уезд // Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ. Т.55. Москва, 1960. С. 87-90; Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. Москва, 1965. С. 134.

НТ

²Нарым.

Нарым – первоначально *острог* – русский укрепленный пункт на р. Оби рядом с нижним устьем Кети, основан в 1596 г. сургутским казачьим атаманом Т. Фёдоровым. В 1619 г. (по другим данным, между 1612 и 1618 гг.) Нарым получил статус города со своими воеводой и уездом. Несколько раз (в 1613, 1619, 1632 гг.) переносился из-за постоянного размывания обского берега. В 1822 г. после реформ М.М. Сперанского Нарым стал заштатным городом Томского уезда. С 1925 г. городской статус Нарыма был упразднён, и он стал селом Парабельского района Томской области.

В первый год своего существования население острога состояло из 20 казаков-годовальщиков, строивших его и в нём перезимовавших. К 1730 г. население Нарыма выросло до 164 человек. В XIX – XX вв. количество жителей варьировалось в пределах от одной до трёх тысяч человек. Заметное увеличение численности напрямую было связано с периодами массовых репрессий в стране (особенно в период после событий 1905-1906 гг. и в сталинский период), так как значительная часть жителей Нарыма в те годы была ссыльными (политическими, ссыльнопоселенцами и т.д.).

В начале XIX в. в Нарыме было 3 храма – Спасский собор и Петропавловская церковь, построенные в конце XVIII в., и Крестовоздвиженская церковь (1817 г.). В XX в. все храмы Нарыма были разрушены.

См.: Черная М.П. Нарымский острог // Земля Парабельская. Томск, 1996. С. 94-116; Зиновьев В.П. За штатом (г. Нарым в XIX – начале XX в.) // Земля Па-

рабельская. Томск, 1996. С. 121-153; Томская область. Путеводитель «Ле Пти Фюте». Paris-Luxembourg-Москва, 2001. С. 199-200.

НТ

³Пристав.

Пристав. В начале XX в. городскую полицию возглавлял полицмейстер, во главе каждой полицейской части города стоял частный пристав (в Томске количество частей варьировалось от 3 до 5), в подчинении которого были городовые. Деятельность полицейских оплачивалась из государственной казны. В ведении полиции было множество функций, в том числе охрана общественного порядка и обеспечение безопасности городских жителей, однако в конце XIX – начале XX в. полиция всё больше превращалась из института защиты общества в институт контроля над обществом в целом и каждым человеком в отдельности.

В Нарыме вследствие малочисленности населения пристав был высшим полицейским чином.

См.: Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка. Томск, 2002. С. 70, 88-89; Чернова И.В. Полиция // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 262.

ОМ

⁴Сантери Якобссон.

Якобссон Сантери (Jacobsson Santeri) (1883-1955) – финский социалист. Автор книги «Taistelu ihmisoikeuksista. Ruotsin ja Suomen juutalaiskysymyksen vaiheista» («Борьба за права человека. Из истории еврейского вопроса в Швеции и Финляндии») (1919). В Нарыме находился как административно-ссылный. См.: Сибирские самоеды. Реферат Сантери Якобссона по Каю Доннеру, прочитанный в обществе изучения Сибири // Сибирская жизнь. 1916. №96 (4 мая). С. 3.

О нём: упоминание в кн. «Нарымская ссылка. 1906-1917 гг.» Томск, 1970. С. 235.

НТ

⁵Свинхувуд.

Свинхувуд Пер Эвинд (Svinhufvud) (15.12.1861 – 29.02.1944) – государственный и политический деятель Финляндии. По образованию юрист. В 1893-1903 гг. – член надворного суда в Або. В 1903-1906 гг. – адвокат в Хельсинки. В 1907-1914 гг. – депутат парламента и его первый председатель. Принадлежал к правому крылу младофицеров, выступал с шовинистскими лозунгами, призывал ориентироваться на Германию. В ноябре 1914 г. был выслан царскими властями в Нарымский край.

После Февральской революции Свинхувуд вернулся в Финляндию. В ноябре 1917 – январе 1918 гг. – финский премьер-министр. Во время рабочей революции в январе 1918 г. он был арестован Красной гвардией, но в марте 1918 г. бежал в Германию для организации интервенции в Финляндию. В апреле 1918 г. – глава белого правительства в Васа, в мае-декабре 1918 г. – исполняющий обязанности главы государства.

В 1921-1931 гг. Свинхувуд – председатель администрации совета акционерного общества «Эксогутцайт». В 1930 г., в условиях активизации в Финляндии фашистских элементов, Свинхувуд был призван к власти: в июне 1930 – феврале 1931 гг. – премьер-министр, в 1931-1937 гг. – президент Финляндии.

В последние годы своей жизни участие в политической деятельности не принимал.

КА

⁶Каргасок.

Каргасок – населённый пункт (первоначально русская деревня, затем село, районный центр), расположен на левом берегу Оби между нижним устьем р. Парабель и устьем р. Васюган. Был основан в 1640 (по другим данным – в 1675 г.) русскими переселенцами. Первоначально деревня Каргасок располагалась на левом берегу реки Панигадка. С появлением церкви во имя Нерукотворного образа Спасителя (упом. в 1740 г.) деревня стала называться селом Каргасокским, позднее – Старый Каргасок.

В 1875 г. на обском берегу появились пристань и новая деревня Еловка. Со временем она стала называться Пристанью, затем получила название Новый Каргасок. Именно этот населённый пункт и вырос впоследствии в современный посёлок Каргасок. Между Новым и Старым Каргаском лежала тайга, через которую проходила просёлочная дорога.

В июне 1921 года была образована Каргасокская волость, которая в сентябре 1924 года увеличилась за счёт Васюганской и Тымской волостей. В 1930-е гг. население Нового Каргаска значительно выросло за счёт спецпереселенцев.

См.: Монголина Н.Г. Краткий очерк истории Каргасокского района // Земля Каргасокская. Томск, 1996. С. 148-203; Томская область. Путеводитель «Ле Пти Фюте». Paris-Luxembourg-Москва, 2001. С.202-203.

НТ

⁷Карл Нордквист.

В метрической книге Каргасокской церкви за 1912 г. есть запись от 20 июля о смерти **Карла Ивановича Нордквиста** – мещанина города Томска, лютеранского вероисповедания, умершего в возрасте 68 лет от воспаления лёгких и погребённого на кладбище Каргаска 22 июля 1912 г.

Архивный фонд Администрации Каргасокского района. Ф. 204. Оп. 1. Д. 33.

НТ

⁸Лингвист Папай.

Папай Иосиф (Йожеф) (Papa J.) – венгерский лингвист, исследователь, путешествовал в течение года по территории между Берёзовом и Обдорском по следам А. Регули – расшифровывал его остяцкие фольклорные записи и одновременно вёл собственные. Кроме произведений устного народного творчества, П. наблюдал верования и ритуалы. Его материалы изданы в 7 томах – отдельно и вместе с записями А. Регули. Это наиболее полное собрание героических и медвежьих песен.

Соч.: Papa J. Die ostjakischen Heldenlieder Regulys // Journal de la Societe Finno-Ougrienne, 1913-1918. XXX; Osztyak nagyateka (Probafuzet) / Kozzeteszi Vertes E. Debrecen, 1988. I; Eszaki- osztjak neylotanelmanuok. Budapest, 1910 (1955).

См.: Волдина Т.В. История изучения хантыйского фольклора (XIX-XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 246; Лукина Н.В. История изучения верований и обрядов // История и культура хантов / Под ред. Н. В. Лукиной. Томск, 1995. С. 48, 158.

КА

⁹Церковно-приходская школа.

Церковно-приходская школа в России давала только начальное образование. Школы возникали при церквях и монастырях. На 1917 г. в Томске работало 69 начальных школ, из них 38 - городских, 1 - железнодорожная, 19 частных, 11 - церковно-приходских, в которых обучалось более 6 тысяч мальчиков и девочек. Курс обучения составлял 2-3 года, программа включала в себя Закон Божий, чтение по гражданским и церковным книгам, арифметику и письмо, сведения из истории.

В 1880-1890-х гг. правительство стало оказывать церковно-приходским школам особое покровительство. В 1884 г. появились «Правила о церковно-приходских школах», согласно которым создавались как одноклассные (двухгодичные), так и двухклассные (четырёхгодичные) школы. В начале XX в. они стали соответственно трёх- и пятигодичными.

Управлял школами училищный совет Синода через епархиальные училищные советы. Обучение вели священники, дьяконы и дьячки, учителя и учительницы, окончившие главным образом церковно-учительские школы и епархиальные училища.

После 1917 г. церковно-приходские школы были упразднены в связи с закрытием всех религиозных школ и созданием единой государственной «социалистической» школы.

См.: Бузанова В.А. Начальная школа // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С.232-233. Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. Т. 28. М., 1978. С. 539. Ст. 1604.

ОМ

¹⁰Жандармерия.

Жандармерия – политическая полиция Российской империи. Главная цель деятельности – охрана устоев империи. К началу XX в. жандармерия становится не только органом политического надзора, но и органом расследования по политическим делам. Как часть государственной полиции она входила в систему Министерства внутренних дел, однако организационно представляла собою воинскую часть и состояла на бюджете Военного министерства. Жандармерия оставалась независимой от губернских властей, подчиняясь только «центру» в лице шефа жандармов, командира отдельного корпуса жандармов, который в свою очередь подчинялся непосредственно только царю. В состав жандармерии входили: жандармерия столичных и губернских управлений, железнодорожная, пограничная и полевая, осуществлявшая функции военной полиции. Личный состав комплектовался в основном из офицеров и унтер-офицеров, рядовых почти не было, младшие чины – из прошедших сверхсрочную службу в кавалерийских частях.

Горбцов В.И., Гонюхов С.О. Российская полиция в мундире. М., 2000. С. 83-85; Чернова И.В. Полиция // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 262-263.

ОМ

Список авторов, принимавших участие в написании комментариев:

НТ – Наталья Тучкова

ОМ – Ольга Матющенко

КА – Ксения Андреева

М. Б. Шатилов

ОСТЯКО-САМОЕДЫ И ТУНГУСЫ ПРИНАРЫМСКОГО РАЙОНА

(Путевые заметки)

От Томска до Нарыма

Летом 1924 года, используя месячный отпуск, мне при некоторой поддержке краевого музея удалось совершить небольшую рекогносцировочную поездку в целях этнографических сборов в Принарымский район. Отправившись из Томска 7 августа на пароходе «Китай», мы на следующий день к вечеру достигли небольшой деревушки Казырбак, являющейся южной границей расселения остяко-самоедов в Томской губернии.

Называя местных туземцев остяко-самоедами, необходимо отметить следующее: до работ известного исследователя самоедских племён Кастрена, на основании исследования Клапрота, полагали, что Нарымский край населён исключительно остяками; самоедам же отводили лишь несколько небольших участков на правом берегу Оби и по рекам Тыму, Кети и Чулыму. Но Кастрен доказал¹, что на самом деле остяки занимают только область р. Васьюгана, начиная с правого его притока Чижалки, все же прочие места, как по Оби, так и по её притокам, заселены самоедами. Однако же самоеды нарымские подвергались значительному влиянию остяков, почему их и принято называть остяко-самоедами.

Патканов² на основании материалов Кузнецова-Красноярского в его работе «Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706-1718 гг.» и работ Кастрена полагает, что последним населённым самоедским пунктом вверх по Оби в Нарымском крае, самой южной точкой расселения здесь самоедов являются юрты Казырбак, а соседние с ними (выше по Оби) юрты Кайбаловы (ниже села Никольского) служат гранью района чулымско-томских тюрков. Казырбак расположен саженьях в 50 от левого берега Оби на «Казырбакском затоне», близ устья р. Шегарки.

¹ «Магазин землеведения и путешествий», т. IV, 1860г. – «Путешествие А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири» (1898-99гг., 1845-49гг.)

² С. Патканов. «Племенной состав населения Сибири», т.2 – 1911г.

К сожалению, пароход не имел здесь остановки, и мы не могли наблюдать первых на нашем пути коренных представителей края, в пределы которого мы уже вступили, о чём красноречиво говорило всё окружающее. Слово Нарым или Нерым (по-остяцки) в точном переводе означает «болото», что и является совершенно полной характеристикой природных условий края, где основной тон всей жизни дают его необъятные болота, могучие реки, бесчисленное количество речек и озёр с расположенными здесь и там в межречных пространствах гривами-«материками», как здесь называют более сухие возвышенности с непроходимыми лесами-урманами.

Могучая, многоводная Обь, прорезая в самой середине весь Нарымский край, с целой системой протоков и притоков, является основным источником существования местного населения, - даёт тон всей жизни аборигена края, который её называет «Колда» - дух, душа, бог, выражая тем самым значение Оби в жизни местного населения; в дальнейшем мы можем наблюдать, как с именем этой могучей реки связываются самые, по-видимому, отвлечённые понятия аборигена. Главное русло реки лежит преимущественно около правого берега. Параллельно главному руслу идут с левой стороны боковые протоки, старицы в два, три и более рукавов, образуя целый лабиринт водных путей, разделённых между собой низменными, едва выдающимися песчаными островами, поросшими густым тальником. Кроме основной артерии, Нарымский край имеет густую сеть притоков и множество малых речек, речушек, озёр, изобилующих рыбой, что даёт местным жителям основной род занятий - рыболовство.

Межречные пространства заняты или непроходимыми болотами, или более или менее сухой некоторой возвышенностью, «материками», покрытыми урманом, непроходимыми лесами, что даёт местному населению второй основной вид его промысла - звероловство и охоту и частью орешный промысел.

Уже на полпути к Нарыму вы всецело во власти этого нарымского ландшафта. Серое, унылое небо, многоводная мутно-серая равнина ре-

ки, серые песчаные отмели берегов, едва выступающие из воды песчаные острова, покрытые тальником, с серовато-зелёной листвой – вот основной серый, унылый тон местного ландшафта, угнетающий душу свежего человека своим однообразием и безбрежностью открывающихся водных перспектив, где часто горизонт сливается с водной стихией или отдалённые чахлые деревца кажутся вам как бы оторванными от своего основания и расположенными в колеблющемся мареве бесконечных далей. Настроение падает, вы чувствуете, что за этими «болотами» скрыт другой «нарым» - такая же серая однотонная жизнь местного населения, бедная красками...

Лишь иногда глаз путника радуют показатели иной, внедряющейся в край жизни, как, например, расположенное на крутом левом берегу Оби с. Кривошеинское, которое служило когда-то отправным пунктом колонизации края. Здесь мы встречаем привычную для глаз жизнь паровой пристани с её сутолокой, спешкой, так не гармонирующей с общим тоном жизни, но это на момент... Тревожный свисток... пароход отчалил, и мерные, однотонные удары лопастей паровых колёс начинают отбивать свои мотивы в тон серых нарымских буден...

Под таким настроением на четвёртый день к ночи мы достигли города Нарым, или, вернее, острова, где расположена нарымская пристань, верстах в трёх от города.

Мои первоначальные предположения пробраться на реку Пайдугину до юрт Пайдугиных в Нарыме потерпели полное крушение; оказалось, что эти юрты существуют только на карте, в действительности же весь род Пайдугиных давно вымер и лет шесть тому назад погибла последняя семья этого когда-то многочисленного рода.

В последующем в юртах Тюхтеревых мне поведали о трагической кончине последнего представителя этого несчастного рода «Пайдугэн», как он точно именуется по-остяцки.

Последняя семья Пайдугиных, о которой здесь говорится, состояла из 4-х человек: старика отца – Семёна Пайдугина, его жены и двух взрослых сыновей. Оба сына лет шесть тому назад погибли от «огневой

болезни» (тифа), старуха мать утонула, а сам Семён был убит грозой. В Томском краевом музее имеется фотографический снимок этих последних представителей рода «Пайдугэн».

Юрты Тюхтеревы

На следующий день моего пребывания в Нарыме, ориентируясь о возможностях и способах передвижения (для чего я располагал самыми мизерными средствами), мне посчастливилось встретить в кооперативной лавке двух попутчиков остяков, приплывших в Нарым из юрт Тюхтеревых за мукой. Юрты Тюхтеревы находятся на северо-востоке от Нарыма, по прямому направлению в 20 верстах на реке Иссан. Разместившись на небольшой лодочке, мы отправились утром из Нарыма трое – я и двое остяков – Григорий и Костянка (Константин). Наш путь лежал вначале вниз по протоке Оби версты 3, а затем вверх по небольшому притоку Оби речки Иссан на северо-восток. Дорога была скучная, однообразная, по небольшой (сажен 10 шириной) речке, с частыми песчаными перекатами, с низкими берегами, покрытыми тальником. Мои спутники – подросток Костянка и Григорий, мужчина лет 35, оказались довольно разговорчивыми, и мы коротали время во взаимном знакомстве. Они пытались узнать жизнь далёкого от них Томска, и по вопросам, которые мне ставились, было видно, что их представления о городе дальше их родного Нарыма не идут. Григорий оказался неженатым, о чём он мне и поведал, и в своих сообщениях отдавал этому обстоятельству немало внимания, и не напрасно: в Тюхтеревых юртах я узнал, что одинокие, неженатые остяки – явление нередкое, тогда как в нашей крестьянской среде этого почти не встречается. В простых, бесхитростных словах он мне поведал о нескольких попытках устроить свою судьбу, но всё кончалось неудачей, и в заключение он сказал: «Баба што лодка, ветер подул, вал покачал, - лодка по ветру пошла».

Предполагаемые 25 вёрст водой нашего пути мы за день сделать не смогли и заночевали на полпути. На завтра мы отправились далее и, пересекши большое озеро Иссан-По (версты 3 ширины), мы далее той же

речкой Иссан приблизились к юртам Тюхтеревым, причём влево от реки Иссан начинался материк с красным лесом.

Юрты Тюхтеревы стоят на левом берегу большого «чвора» речки Иссан и представляют собой группу беспорядочно разбросанных избышек, приземистых юрт и двух-трёх крестьянского типа изб – всего семь дворов.

Первоначальное название этих юрт «Чеворэль-эда», как мне поведали тюхтеревцы, и было видно, что этим названием они дорожат, но что оно означает, никто мне сказать не мог, ссылаясь, что знали «старик», разумея, очевидно, своих предков.

Общий вид юрт производил самое удручающее впечатление – бедность и поразительная беспечность. Каждый «двор» представлял собой само жилое помещение и небольшую амбарушку, никаких «дворов» в нашем смысле нет, нет загородей, сараев и т.п. Вокруг каждого дома в грязи разбросаны часто и орудия промысла, и незатейливые предметы домашнего обихода, утварь и т.д.

Из семи жилых строений обращают на себя внимание две юрты, одну из которых я позволю себе описать. Юрта Павла Коломакова представляет собой деревянный сруб наполовину в земле, длиной три аршина, шириной $2\frac{1}{2}$ аршина. Выдающаяся над поверхностью земли стена юрты имеет всего пять звеньев – брёвен в пять рядов, и три звена в земле, пол земляной, крыша плоская из мелкого накатника, покрыта землёй. В стене против входа квадратное небольшое окошечко. Со двора в юрту вход имеет три ступеньки вниз, слева от входа, занимая третью часть юрты, стоит глинобитная русская печка, прямо против входа нары, и перед ними в правом углу небольшой стол, и по бокам у стен справа и слева от входа две лавки, вот вся незатейливая обстановка юрты. Из принадлежностей домашнего обихода я нашёл в юрте всего лишь следующие вещи: котёл, две жестяные чашки, чугунок, турсук, берестяную квашонку, три деревянных ложки и два ножа.

Семья Коломакова – сам, жена и трое ребят – все лежали: одни в юрте, другие в амбарушке, страдающая малярией, которая изнуряла их це-

лое лето. Сам Коломаков имел особенно ужасный вид, он был как бы насыщен водой, рыхлый, с «просвечивающей» белёсой кожей. Одеты все были буквально в рубище. На Анне Коломаковой собственно не было никакого костюма, на ней были полуистлевшие, развалившиеся от времени остатки платья; так что этой представительнице прекрасного пола не приходилось и помышлять о женской стыдливости. Непременная принадлежность остяцкого «двора» – небольшая амбарушка (о ней мы будем говорить дальше), где обычно хранится весь домашний скарб остяка, у Коломакова оказалась почти совершенно пустой: ни ловушек, ни рыболовных снастей не было видно – это была беднейшая семья среди бедняков.

Оказался в юртах и оседло живущий тунгус, о котором мне говорили ещё в Нарыме, Степан Егорович Тонгунчин. Встреча с ним привела меня к интересному путешествию на тунгусское стойбище.

Имеются в Тюхтеревых юртах два жилья, брошенных хозяевами, и оставленная ими амбарушка, полная домашнего скарба, причём хозяева их ушли на новые места, неизвестно куда, неизвестна также и их судьба. Такие же пустующие усадьбы я встретил далее в двух населённых пунктах, в юртах Пыжиных, что, очевидно, вообще встречается нередко у остяков.

Как уже упоминалось, необходимой принадлежностью каждого остяцкого двора является небольшой амбар – лабаз особого устройства – нечто вроде древнерусской сказочной «избушки на курьих ножках». Небольшие, несколько продолговатые (по 3 аршина длины до 2 ширины и 1½ аршина вышины) амбарушки эти устанавливаются на особых стойках в количестве от 4 до 6-8 стоек. Стойки эти высотой до 1½ аршин представляют из себя толстое бревно особого устройства, именно на расстоянии вершков 6 от верхнего конца бревна оно запиливается кругом в глубину под прямым углом вершка на 1½ и затем с нижней стороны затёсывается на протяжении до полуаршина. Стойка, таким образом, в своей средней части суживается, образуя выемку вверху под прямым углом, и получает форму как бы рюмки, опрокинутой вверх дном. Это уст-

ройство стойки со своей выемкой имеет большое практическое значение; выемка эта крутым зарезом препятствует попадать в лабаз грызунам, что предохраняет от порчи весь домашний скарб, орудия промысла остяка. В своей передней части лабаз имеет небольшой поднавесик под общей с лабазом крышей и некоторый выступ – настил на тех же стойках. К этому выступу, как бы крылечку лабаза, приставляется бревно, расколотое пополам и имеющее на выпуклой стороне лестницеобразные зазубрины. Это бревно и служит лесенкой лабаза – оно обычно, помимо надобности в нём, убирается. Лабаз имеет небольшую, почти квадратную дверку. Поверх лабаз имеет двухскатную крышу или из драниц, или из лёгкого накатника, крытого дёрном. Вот эти-то лабазы являются как хранилищами предметов домашнего обихода, так и местом, где можно встретить нередко предметы прошлой остяцкой жизни, принадлежности шаманизма, деревянные куклы, или «шайтанишки», как говорят остяки, приклады к куклам или иконам и другие предметы культа и старого быта. Подобные лабазы устраиваются в каждом дворе, а также и в лесу.

Хозяин моего временного пристанища Колотовкин оказался совершенно обрусевшим остяком: по укладу жизни он мало чем отличался от крестьян, имел даже небольшой огородик, где был посажен, правда, один картофель, который, кстати сказать, к тому времени (12-15 августа) лишь набирал цвет.

Здесь-то, беседуя с этим Колотовкиным и другими тюхтеревцами, мне удалось за моё короткое пребывание наблюдать некоторые стороны жизни остяков, правда, лишь внешнюю их жизнь, легче поддающуюся наблюдению; удалось узнать из бесед их промыслы, кругооборот их хозяйственной жизни, ознакомиться непосредственно с орудиями промыслов, способами их употребления и, наконец, удалось получить здесь для музея довольно значительное количество экспонатов (28 шт.).

Ввиду общности внешнего быта остяко-самоедов наблюдаемого мною района я позволю себе не останавливаться, в частности, в этом отношении на тюхтеревцах и скажу об этом в заключение настоящей статьи.

Ознакомившись поближе с упомянутым мною выше оседлым тунгусом Степаном Тонгунчиным, я узнал у него, что недалеко, вёрст 20-25 (примерно) по прямой линии, имеется стойбище бродячего тунгуса. На моё счастье, если можно так выразиться, мой новый знакомый нуждался в помощи ворожея (так называют здесь шамана) для лечения весьма злокачественного чирья на щеке. Степан Егорович сам вызвался проводить меня к этому тунгусу – Шолеулу, который, оказывается, «карашо, шипко карашо ворожит». Отправился с нами для собственного удовольствия и знакомый уже нам Костянка, собирался идти и Григорий, да Степан решительно запротестовал.

По тому, как нарастала количественно наша «экскурсия» к Шолеулу, можно судить, насколько свободно обращаются остяки со временем, когда они без всякой нужды не прочь побродить по тайге совершенно бесцельно два-три дня.

Тунгусское стойбище

Утром 15 августа мы отправились к Шолеулу без всякой дороги или даже тропки целиной, по тайге и болотам, взявши направление по определению Степана, который, хотя и смотрел очень легко на наше путешествие, всё же взял ружьё и то же велел сделать и Костянке на случай встречи с медведем – у меня же, кроме записной книжки и карандаша, ничего не было...

Дорога для меня была довольно трудная, шли целиной, мшистыми болотами, когда нога всё время утопает во мхах и вода почти по колено; особенно это чувствовалось мною в сапогах, спутники же мои шли легче, они были в тунгусских лёгких оленьих «унтах».

Отправившись рано утром, мы брели к «неведомой» цели своего путешествия, как мне казалось, наугад целый день. Часа через два, три нашего путешествия я озабоченно спрашиваю Степана, ладно ли мы идём, уверен ли он в пути, на что Степан совершенно искренно и уверенно мне отвечал: «Што ты, друк, пошто неверно идём, в лесу поди мы». Вот это – «в лесу поди мы» звучало у него так твёрдо и многозначительно, что сразу же меня успокоило, что в лесу тунгус ориентируется

легче и вернее, чем где-либо, и это понятно. В последующем в течение нашего как бы бесцельного пути, производя опыты над состоянием моего проводника, его уверенностью в себе, я несколько раз спрашивал о дальнейшем нашем пути и неизменно получал уверенное «што ты, друк, в лесу поди мы». В этом стереотипе был во всей своей красе урманный человек, лесовик, бродячий тунгус.

Единственно чего опасался Степан – это, что Шолеул откочевал куда-либо далеко...

Уже к вечеру, почти при последних лучах заходящего солнца, когда я уже мысленно готовился к не совсем приятной ночёвке среди болот и сырости, Степан вдруг оживился и сказал, что вот и Шолеул; он слушал какие-то звуки, которые я вначале совершенно не мог уловить. И лишь через некоторое время я различил среди лесных шорохов странные, незнакомые для моего слуха довольно чёткие «деревянные» звуки. Оказывается, стойбище было уже близко, и это паслось стадо оленей, у которых у каждого имеется на шее на ремешке особое устройство: деревянная побрякушка вроде крестьянского ботала. Побрякушка эта представляет собой округло-продолговатую дощечку с двумя по обеим сторонам деревянными же ударниками на ремешках. При каждом движении оленя побрякушка издаёт очень чёткие характерные звуки, легко и далеко воспринимаемые слухом тунгуса. Побрякушка эта – «каннар» – обычно имеет резьбу: или стилизованные олени, или лапы, зуб медведя, причём эта последняя резьба имеет особое значение – она, по мнению тунгусов, предохраняет оленя от болезней, нападений зверя, худого поветрия, худого глаза и вообще всех опасностей лесной жизни.

За таинственной лесной завесой слышалась целая симфония этих звуков от «каннар», а вскоре завеса эта развернулась, и перед нами открылась красивая картина пасущегося стада оленей, как потом оказалось, до 100 голов. Милое, благородное животное паслось у целой системы кострищ-курева, что спасало оленей от «гну́са»³. Пред нами был

³ Под именем «гну́са» разумеются комары, мошки, которые в местных условиях являются грозой животных и населения.

целый лес красивых оленьих рогов, мерно колышущихся в розовой от последних лучей солнца дымке кострищ, а за этой розовато-дымчатой пеленой мы увидели и самое стойбище. Послышались лай собак, крики людей, и вскоре мы оказались у цели нашего путешествия – чума, где была в сборе вся семья Шолеула у огромного кострища в ожидании вечернего чая, бурно хлопотавшего в большом котле. При моём появлении в чуме произошёл переполох, глава семьи очень энергично отдал какие-то распоряжения, и молодые тунгусы бросились в чум, как потом мне объяснил мой проводник, прятать по приказу отца ружья. Вскоре выяснилась мирная цель нашего появления, и Шолеул успокоился, мы же, страшно утомлённые дневным путешествием, расположились у кострища, развешивая здесь же части нашего костюма для просушки.

Солнце быстро село за стеной густого хвойного леса, стало темнеть, и мы в полумраке у кострища расположились пить чай, причём оказалось, что чаем обычно, как в данном случае, служит берёзовая губа, которую я пил уже у тюхтеревцев. Чай этот заправлялся оленьим молоком, очень вкусным и густым, так что весь напиток получался не таким уже противным, как одна берёзовая губа без всякой приправы.

Семья Шолеула состояла из девяти человек – сам Шолеул – старик лет 70, жена лет 40 и семеро детей – три сына, из которых старшему лет 19-20, и четыре дочери. Сам Шолеул плохо, но владел русским языком, плохо говорил и старший сын, все же остальные, понимая русскую речь, сами говорили лишь несложные фразы и отдельные слова.

Понятно, что в первый же вечер при таких условиях и чрезвычайной осторожности Шолеула и подозрительности к незнакомому русскому, да ещё из загадочного ему города, беседа наша не была особенно оживлённой, и мы, напившись чаю, стали располагаться на ночлег. Пал сильный туман, олени оставили свои курева и побрели на ночные пастбища, когда их не беспокоит гнус, и долгое, долгое время всё дальше и дальше слышались чёткие звуки их «каннар». Не имея с собой верхней одежды, мы вынуждены были расположиться вместе с хозяевами в чуме, все в ряд радиусом – ногами к небольшому камельку в центре чума, головами

к его стенкам. Пол чума был устлан оленьими шкурами, постелью и одеялом служили «мешки» из оленьей шкуры. Уставшие, мы быстро заснули, предоставив утру наше дальнейшее и возможное в наших условиях знакомство, причём я в первую же ночь заметил некоторую нервозность Шолеула...

Пасмурное холодное утро неприветливо встретило нас на следующий день, когда мы вылезли из своего жилища, так гостеприимно приютившего нас в эту холодную сырую ночь. Всё было покрыто молочно-белесоватой пеленой, олени медленно возвращались со своего пастбища, и знакомые уже нам звуки «каннар» раздавались здесь и там, всё приближаясь и приближаясь. Мужчины спали, женщины разводили кострище около чума, разводили курева для оленей и вскоре приступили к их доению... Кострища тунгусы раскладывают особым образом: обычно натаскивается или вывороченный с корнем, или подгнивший сухостойник и складывается в кучу комлями крест-накрест, и по мере сгорания деревьев в этой части пододвигается оставшаяся часть дерева.

Вскоре встали и мужчины, и мы приступили к утреннему туалету. У моих гостеприимных хозяев оказалось даже мыло, но умывались они таким способом, что я воздержался последовать их примеру. В водной стихии они однако же как бы экономили воду. Принесённую в небольших берестяных турсуках воду они вылили в особый квадратный берестяной сосуд и не из него, а в нём мыли руки и умывались. Умывшись, брали припасённый около чума мох и им утирались. Я предпочёл умыться в первой попавшейся ямке окружавших нас болот, но утёрся по примеру моих новых знакомых, чем вызвал явное их одобрение. Наблюдая утренний обиход этой семьи, я, сидя около кострища, должен был некоторое время лицезреть и такую картину: у костра, где собрались почти все обитатели чума, мальчик лет 10-12, усердно вылавливая у себя в голове и на рубаше паразитов, жестоко расправлялся с ними при помощи собственных зубов, очевидно, полагая, что это является вполне заслуженной ими компенсацией за их поведение в прошедшую ночь. Тем же занималась одна из дочерей Шолеула, снявшая с себя платье и оставшись в од-

них коротеньких наподобие трусиков штанах из оленьей кожи. Она, однако же, просто бросала пойманных паразитов в костёр...

Закончивши таким образом, правда, по-разному с утренним туалетом, наша почтенная компания приступила к чаепитию, причём теперь уже пили с большим наслаждением кирпичный чай, принесённый мною. Обычно у тунгусов чай имеется в запасе и употребляется с большой охотой. Чай раздавался хозяйкой всем по группам, по два-три человека, в деревянных или глиняных чашках на особых специальных дощечках, на них же клали и хлеб – это были как бы подвижные маленькие столики – это уже, можно сказать, некоторая претензия на удобства. Чёрный хлеб был совершенно пресным, сыроватым, а корки все в золе и углях, что объясняется способом его приготовления, как я это наблюдал тотчас после чаепития. Хозяйка принесла из чума берестяной кузовок, стала месить в нём руками ржаное тесто, затем сейчас же покатила в руках нечто подобное нашим хлебам и зарыла их в горячую золу кострища. Через некоторое время, вынувши эти хлебцы из золы, она расставляла их вокруг костра, поворачивая то одной стороной, то другой. Таким образом на наших глазах был испечён хлеб, местами подгоревший, частью сыроватый, весь вываленный в золе и углях, но и это – уже завоевание в жизни тунгуса, не знающего на далёком севере почти совсем хлеба.

Проведённый у Шолеула день дал мне в смысле наблюдений очень мало. До полудня – до второго нашего сближения всех у кострища, когда был вновь изготовлен чай, мне не удалось вступить в разговоры с семьёй Шолеула хотя бы через переводчика, сам же Шолеул уходил в тайгу. За это время я имел возможность наблюдать лишь несколько уклад жизни тунгусов, поскольку он проявляется внешне, в некоторых предметах домашнего обихода, и прочее.

Жилище Шолеула – обычный тунгусский чум представлял собой довольно крутой формы конусообразный круглый шатёр, в основание которого поставлены жерди, соединённые вместе в своей вершине верёвкой из корневища кедра. Это основание имеет летом два покрова, нижний из сплошных полотнищ ровдуги – замши, сшитых из отдельных

оленьих кож. Покрываются жерди снизу вверх с таким расчётом, чтобы нижняя полоса ложилась несколько под верхнюю полосу так, что дождь не может проникать в чум. Сверх этого чум покрывается в том же порядке большим полотнищем, сшитым из отдельных частей очень мягкой бересты, изготовленной путём длительной выварки, чем достигается её мягкость. Эти берестяные полотнища прикрываются в нескольких местах жердями. Таким же образом устраивается и зимний чум, с той лишь разницей, что чум покрывается оленьими шкурами.

Вверху, в месте смычки жердей имеется отверстие для дыма. С одной стороны устраивается вход, который закрывается, как бы фартуком, оленьей кожей или шкурой.

Посредине чума небольшой комелек, огонь в котором поддерживается непрерывно.

Внутреннее расположение чума не представляло каких-либо особенностей. Налево от входа в чум расположены берестяные турсуки, кожаные сумки, берестяные коробки с домашним скарбом. Остальное пространство чума к его краям было занято оленьими шкурами, меховыми мешками, одеждой и прочим.

Мои попытки ознакомиться поближе с домашним скарбом чума не увенчались успехом; женщины в отсутствие Шолеула не позволили мне что-либо осматривать, а главное, оказалось, что почти весь домашний скарб уложен в особых перемётных сумках, которые действительно были расположены вокруг чума снаружи у его стенок. Эти перемётные сумки «ини-мак» являются хранилищем домашних вещей как на стойбище, так и во время пути. Сумки эти имеют в нижней своей части стенки только из оленьей шкурки «кысы» (кожа с ноги оленя), а в верхней части продолжение той же шкурки и снаружи берестяную (мягкая береста) оболочку. Сверху сумка имеет из холста или замши покрывку на особой эдержке наподобие мешков. В каждую сумку можно погрузить клади не больше пуда. Почти все сумки с наружной стороны украшены бисерным шитьём. Сумки во время пути прикрепляются ремешками к седлу оленя. Мы не будем описывать упряжи оленя, так как не могли наблюдать её в

полной мере во время применения.

Летняя одежда тунгусов, мужчин и женщин, представляет собой смесь одежды чисто тунгусской и русской. Обувь у всех одинаковая – лёгкие из оленьей шкуры «унты» (из шкуры «кысы» с ног оленя) с высокими голенищами, обутки, по форме напоминающие чулок, вплотную облегают ноги, выявляя совершенно их формы. Далее значительно выше колен идут коротенькие замшевые штаны – «харки» и, наконец, у мужчин рубаха, у женщин сплошное платье; рубахи и платья из покупной материи. Рубаха имеет отложной ворот, ластовицы и обшлага – всё это из какой-либо цветной материи, отличной от основного тона костюма. То же самое и в платье. Платье, видимо, тяготило женщин, и они всё время подтыкали его к поясу. У каждого за поясом нож в ножнах и мешочек с табаком, а у женщин ещё игольница. Пояс, а равно и мешочек – простой ременный или шитый весь бисером. Один из сыновей Шолеула вместо рубахи имел на себе очень поношенный тунгусский костюм – парка-«шопдатч». Ввиду общеизвестности этого костюма я отмечу его кратко: парка – это тунгусский костюм из оленьей кожи, замши или оленьей шкуры мехом наружу. Данный экземпляр был из шкуры. Костюм этот, облекая в обтяжку талию, имеет в передней части выемку, а с задней части как бы фалды фрака. На груди имеется особый фартук-нагрудник, к которому вплотную прилегают полы парки. Парка имела нашивки в узор цветной материей и обрамление по краям из конского волоса.

Летним головным убором для мужчин является или повязка-тряпка или покупной картуз, для женщин обычно платок. Мужчины и женщины носят длинные волосы, собранные в задней части к макушке в пучок особым ремешком, имеющим в заключение в верхней части шитьё бисером.

Пищей тунгусов, кроме хлеба, в небольшом количестве служит оленьё молоко, варёная и сушёная рыба и мясо животных и птиц в различном виде: дичина варёная, жаренная в золе, сушённая кусочками, вяленая. Мясо впрок не засаливается. Грибы тунгусы совершенно не едят, считая их погаными, так как от них, якобы, произошёл фаллос. Давно

это было, говорит Шолеул, не было долго хорошего мужика, бабы плакали, долго плакали, и раз мужик гриб нашёл, от него и... фаллос. Больше по этому поводу Шолеул мне ничего не мог сообщить, но и это сказание сближает его с наблюдениями В.И. Анучина среди енисейских остяков. Ввиду общности основной мысли я позволю себе воспроизвести это сказание по записи Анучина⁴: «Прежде жили только бабы, мужиков совсем не было. Фаллосы в большом изобилии росли в лесу, куда и ходили по мере надобности. Одной бабе надоело ходить в лес; она вырвала фаллос и принесла его к себе в чум... Случилось так, что фаллос завяз; ни сама эта женщина, ни соседки её не могли его выдернуть, и все стали плакать. Тогда Ес (бог) послал мужика (у которого в то время фаллоса не было), и он легко выдернул фаллос. Обрадованные женщины стали угощать мужика. Одна подала ему вина – он взял; другая подала что-то, а у него обе руки заняты; тогда он сунул фаллос между ног и стал угощаться. Наевшись и собравшись уходить, мужик взял было фаллос в руки, но оказалось, что он прирос. Бабы ещё более обрадовались и оставили мужика у себя. А фаллосы в лесу захирели, стали грибами, русские их кушают». При этом В.И. Анучин сообщает, что енисейцы совершенно не едят грибов и с отвращением смотрят, когда это делают русские, иных при этом тошнит.

Ввиду общности основной мысли двух сказаний можно полагать взаимное влияние этих двух народностей. Шолеул, как мне удалось выяснить потом, прикочевал сюда с Тыма, а на Тым с Сыма – притока Енисея. Здесь же можно заметить, что и остяко-самоеды наблюдаемого мною района избегают есть грибы, особенно старики, считая их погаными, не зная однако же, почему грибы считаются погаными.

Основным занятием тунгусов является оленеводство, затем звероловство, рыболовством занимаются мало. Каждое стойбище (за исключением уже оседлых тунгусов – есть в Нарымском крае и такие) имеет стадо оленей от нескольких десятков до сотни голов. У Шолеула было

⁴ «Очерк шаманства у енисейских остяков», В.И. Анучин. Сб. Музея антропологии и этнографии при Академии наук, т. 2/2, 1914 г.

олений около 100, более определённо об этом он не хотел распространяться, как и вообще о своих промыслах, и, указывая на мою записную книжку, где я делал некоторые заметки, говорил «не клади (не пиши), бог милай не любит, олень хворать будет, весь пропадёт». Вот это «бог милай не любит» Шолеул говорил очень часто, когда какой-либо мой вопрос ему казался подозрительным и опасным.

Здесь необходимо отметить большое искусство тунгусов по изготовлению замши – «ровдуги». Оленья шкура очищается от меха и с другой стороны от мездры несколькими различной системы скребками. После чистки кожи мочат в воде, промазывают очень густо рыбьим жиром и, наконец, коптят на кострах и долгое время мнут руками. Получается очень мягкая, бархатистая кожа. Для окрашивания прибегают к природным средствам, берут кору или лиственницы, или черёмухи, смотря по желательному тону окраски. Кора лиственницы даёт тёмно-малиновый цвет, черёмуха – кирпичный. Кожа, подлежащая окраске, после её обработки кипятится в котлах в наваре коры; для закрепления окраски в этот отвар прибавляется зола. Окраска получается очень прочной, выдерживает десятки лет. Прекрасным образцом подобной выработки и окраски является тунгусский костюм «парка», привезённый нами для музея – сшитый из мягкой, буквально бархатистой замши тёмно-малинового цвета и богато украшенный бисерным шитьём.

Олень в хозяйстве тунгуса – это основной стержень; олень, как мы видели, всё даёт тунгусу: и одежду, и обувь, и пищу, и жилище, и средство передвижения: олень же и определяет образ жизни тунгуса. Тунгус, даже по мнению остяка и, наконец, моего проводника тунгуса Степана, «человек урманный, лесной, как птица, сегодня здесь, завтра там». Тунгусы, занимающиеся оленеводством в Нарымском крае, ведут бродячий образ жизни, и к этому вынуждает их олень, который пасётся на подножном корму круглый год. По мере использования оленями корма в окрестностях стойбища тунгус вынужден отправляться со всем своим хозяйством на другое место, что делается довольно легко и быстро. Остов чума бросается, полотнища же его свёртываются, весь скарб складыва-

ется в перемётные сумы, нагружаются олени, и стойбище тронулось в поисках другого места. К тому же вынуждает его и охота.

Здесь необходимо отметить, что тунгус любит ружьё и предпочитает его луку со стрелами и ловушками в противоположность остяку, который, как увидим далее, очень часто пользуется луком... Из обычаев, связанных с охотой, мне удалось записать коротенько следующее: медведя боятся, почитают: «медведь-батюшка-хозяин», как и у остяков. Поэтому охота на него связана с некоторыми обрядами: подходя к медведю в берлоге или выслеживая летом, охотники говорят: «хозяин наш батюшка или матушка (медведь или медведица), идут к тебе детки голодные, накорми их, дай мяса, бог милый велел, твои ребята в гости идут к тебе... не тронь скотину, нас не тронь... злой человек убить тебя хочет...»

Части убитого медведя имеют различное назначение. Переднюю часть едят мужчины, потому что в ней находится «дух» медведя и женщины не достойны употреблять эту часть, женщины же едят заднюю часть. Во время еды опять наговаривают: «это едим тебя не мы, хозяин наш, ест тебя злой человек, едят тебя звери, птицы, не тронь нас, не тронь скотину, бог милый велел»... Грудная кость, лапа, ухо подвешиваются в берестяном кузовке в чуме, что предохраняет его обитателей от различных несчастий, болезней. Череп медведя подвешивается на дереве у чума – это значит «хозяин караулит скотину». Мясо убитого медведя нельзя оставлять в лесу, грех, надо съесть, завялить, засушить и унести в стойбище. «Я двадцать лет жил, ничего не оставлял, скотина жива...» – говорит Шолеул.

Охотой занимаются главным образом зимой. Медведя поднимают в берлогах, принимая его на рогатину, причём рогатина тунгусов «котта» несколько иная, чем у остяков «пальмо». Их рогатина более лёгкая, изящная, но и вернее, так как она представляет собой насаженный на длинном шесте большой нож с железной перекладиной в том месте, где начинается шест. Эта перекладина, когда охотник всаживает этот нож в зверя, не даёт медведю возможности в последний момент хотя бы уже на рогатине подтянуться к охотнику, схватить его, что иногда случается при

«пальмо» остяка, не имеющей такой перекладины. Белковать ходят в первую половину зимы и великий пост, средину зимы не промышляют. Лося бьют по насту, нагоняя зверя на лыжах.

В беседе с Шолеулом, на которую он, как я уже отмечал, был очень скуп, уже к вечеру мне удалось узнать некоторые понятия тунгусов о жизни, назначении человека, его кончине, происхождении...

Акт появления человека – рождение ребёнка, видимо, не вызывает особых размышлений тунгуса. При рождении ребёнка ему даётся имя или старшим в семье, или шаманом по имени случайно прибывшего в это время человека, имя зверя, птицы и т.д. Наряду с тунгусским именем даётся в последующее время имя русское, как носит два имени и сам Шолеул – по-русски Сергей. Женитьба происходит в обычном возрасте. Невеста избирается отцом жениха. Бывает и теперь в богатых семьях, при большом хозяйстве по две жены, одна из которых старшая – хозяйка. Во всей силе и неприкосновенности калым. В случае, если отец жениха не имеет возможности дать достаточный калым, он может в обмен на невесту для своего сына дать свою дочь в жёны для кого-либо из семьи отца невесты. Если жена сама вскоре уйдёт от мужа, то калым возвращается семье мужа или ему даётся другая девица из семьи его бывшей жены. Девство невесты не расценивается тунгусами особенно, и, наоборот, наличие, например, сына у девушки повышает её шансы на замужество. Как различна мораль в разных бытовых, хозяйственных и культурных условиях! Обычай передавать жену в случае смерти мужа одному из братьев встречается редко. Разводы допускаются в исключительных случаях, производятся старшими в роде. Неверность жены карается домашним порядком, и вообще положение женщины очень тяжёлое. Решительно все домашние работы лежат на ней, муж только «промышляет», ружьё – его гордость; удел жены – чум, всё хозяйство, стадо оленей...

Представление о смерти человека самое смутное и, очевидно, уже навеянное соприкосновением с русскими. «Помер кто, – говорит Шолеул, – дух выходит, пошёл, бог милай знает». Покойника моют, одевают в чистые одежды, чтобы он явился чистым... Куда, Шолеул не знает. Хоро-

нют в колодцах, зарывая в землю; на крышку колоды кладут ружьё, пальмо, лыжи, котёл, трубку, табак и запасы; если умерла женщина, то кладут соответствующие её занятиям предметы... Вообще, видимо, готовят умершего к продолжению этой жизни за какой-то неведомой для тунгусов гранью... У могилы колется скотина – олень, левая его часть кладётся в могилу, правая съедается тут же при поминках... У могилы на дереве вешаются котелок, чайник, в могильный бугор вколачивается доска или кол...

Покойник встречается «там» со всеми умершими, они узнают от него все новости, кто как живёт. «Там» люди все «чистые». Вещи же, которые кладутся в могилу покойника, нужны ему, «когда земля переменится»...

Бог есть добрый и злой. Добрый бог – «милай бог» – «Угыда», злой бог – «Молькон».

Совсем под вечер Шолеул рассказал мне предание о происхождении человека:

«Давно, давно было, никто не помнит. Жила старуха со стариком... Живут, скучно стало. «Надо смотреть ребёнка», – говорит старуха. Стали смотреть. Взяла лебяжье г... (помёт), давай качать, заревел, ребёнок стал. Старуха уронила, всё разбилось. Давай опять искать. Нашла гусево г... (помёт). Взяли, начали качать, стал реветь, стал ребёнок. Вырос, ему нашли где-то бабу, от него стали ребята. Много стало. Пляшут, песни поют. Им стали баб искать, пока не нашли. Бабушка ихняя говорит: «Ну, ребята, солнце село, будем играть, дух утащит». «Какой идёт нечистый, – ребята скажут, – она врёт». Завтра опять играют, бабушка говорит: «Вот, вот близко». Опять не верят.

Пришёл дух и всех их съел, отца съел, мать съел.

Остались старик со старухой и самый маленький ребёнок. Стал ребёнок ходить, пойдёт в лес, принесёт бурундука и спрашивает: «Этот съел всех ребят?» Они говорят: «Это богов зверь, где взял, туда унеси».

Стал большой, принёс росомаху и спрашивает: «Этот съел всех?» «Это богов зверь, где взял, туда унеси». Принёс медведя, сказали: «Бо-

гов зверь, не тронь, хозяин наш, унеси. Твою мать, отца съел, всех ребят – он улетел – дух».

Ребёнок растёт, ум наживает, думает, как ему быть, духа поймать. Стал ковать железные крылья, стал ковать большой нож, стал пробовать летать, каждый день выше. Бабушка говорит: «Прибавь крылья, тогда силы больше будет». Прибавил, полетел далеко, высоко... Десять дён летел, всё летел... Догнал духа на середине моря, на границе... Дух сытый стал, брюхо большое, сидит, не шевелится.

Парень-то, Уняны звали его, стал тесать ножом пень. Дух нечистый – Коренду смотрел, смотрел. «Что делаешь?» – говорит. «Вставай, Коренду, – говорит парень Уняны, – будем драться, у кого сил больше.»

Коренду встаёт, а Уняны его ножом большим в брюхо, и все у него из брюха выпали, которые сгнили, которые живые. Живых Уняны стал мыть в море и всех унёс с собой на крыльях. И стали люди родиться от них... Нашли им баб где-то. Этот самый парень Уняны и есть бог милай Угыда, от него все люди спаслись»...

Как видно, в этом сказании мы имеем одну из бесчисленных вариаций различных народностей об изначальной борьбе доброго и злого начала, первичной победе доброго духа над злым и происхождении человека. На мой вопрос о тождестве Коренду с упомянутым мною выше злым духом Молькон Шолеул объяснил, что Коренду теперь нет, а есть Молькон.

Шолеул шаманит и сам шаман, когда-то он был крещён или, как он мне передавал об этом: «Прежде-то носил поповский крест... бросил... худо от него стало... все ребята огневой болью померли, баба померла, олени падали. Бросил поповский крест, хорошо стало. Бабу новую нашёл, новых ребят..., все живут, скотина не падает, бог милай не трогат». Здесь мы имеем, очевидно, сообщение о трагической кончине всей семьи его от тифа (огневая боль), что было понятно, как месть старых богов за измену им.

Происходил между нами, правда, небольшой разговор, или, вернее, Шолеул задал мне ряд вопросов и на «общественно-политические» те-

мы, которые в достаточной мере характеризуют политический кругозор, если можно так выразиться, тунгуса.

Прежде всего Шолеул интересовался, большой ли город Томск, как далеко, кто там живёт, причём, по его мнению, в городе живут все «богатые», «шибко богатые». «Поди медведей много доржат, богатые все, по улицам медведей-то пускают». Так представлял богатых томичей Шолеул и тут же прибавил: «А по улицам комиссары поди ходят». По мере возможности я объяснил, что такое Томск, что в нём не все богатые, что богатые медведей не держат, а что комиссары по улицам действительно ходят, как и другие люди, но в этом ничего нет опасного. Видимо, мои разъяснения Шолеула не удовлетворили, он долго молчал, курил трубочку и, наконец, смачно сплюнув, уверенно сказал: «Не сказываешь, поди доржат». Очевидно, всё представление о богатстве у него связывалось с возможностью держать много медведей. На мой вопрос, как он представляет комиссаров, «которые по улицам ходят», он ответа мне не дал, но по выражению его лица я видел, что он об этом крепко думает. Дальше следовал вопрос: «Што, у царя большой реки, што ли, Рассей называется, худой народ живёт, всё воует, всё воует, кого сила, кто возьмёт». Здесь мы имеем и отклики нашей революции в сознании тунгуса, и полное отсутствие у него хотя какого-либо понятия о самом государстве, гражданином которого он состоит. Все понятия его о государстве связываются с большой рекой – «большой реки, што ли, Рассей называется». И это понятно – его лично вся жизнь, его все понятия определяются этой большой рекой, большая река – это начало и конец всего, это дух, душа, бог, – отсюда и «Рассей», что-то огромное – тоже ни что иное, как большая река.

Наконец последовал вопрос: «Кто теперь служит царём? Америка царя нету». Неправда ли, интересное сочетание, здесь и Америка, здесь и вопрос «кто служит царём»!

При моём разъяснении, что царём теперь никто не служит, что царя никакого нет, что у нас теперь управляет сам народ, – как в «потребилровке», что было понятно Шолеулу, он одобрил это и сказал: «Хорошо,

один наврал, худо сделал, другой правду сказал, всем хорошо, бог милый любит». Этим и закончились наши «политические» беседы с Шолеулом, и вдруг старший сын его, всё время молчавший, спрашивает: «А кто кричит в гарманоне (граммофоне)?» Очевидно, мысль молодого тунгуса во время нашего разговора усиленно работала, и он выделил из своих впечатлений о городе Нарыме, где он бывал, самое сильное, самое яркое, что его когда-то поразило – это «гарманон».

Таков кругозор этих наивных детей природы, их представление о городе, о революции и, наконец, их понятие о самой России, в пределах которой их народ живёт более трёхсот лет. Что же эта Россия за всё время в прошлом сделала для своих пасынков, для наиболее тёмных, несчастных сынов своих; вправе ли она требовать, чтобы они её знали – эту необъятную, «как большой река - Расею».

Часов в 9 вечера, когда уже появилась луна, Шолеул вдруг отдал какое-то распоряжение жене, которая принесла в особом кожаном мешке принадлежности камлания – костюм шамана и бубен. Шолеул решил камлать по просьбе моего проводника Тунгунчина, который, как я уже упоминал, пошёл со мной к Шолеулу для получения от него помощи от чирья.

К большому сожалению, Шолеул категорически запретил мне вести какие-либо заметки во время камлания, а также не позволил осмотреть подробно плащ, бубен и другие принадлежности камлания, почему я не имею возможности дать полное описание этого интересного акта и ограничусь лишь краткими заметками об отдельных предметах и действиях со слов Тунгунчина уже после камлания.

Шолеул – старый шаман, хотя и был крещён при каких-то особых обстоятельствах, носил, как он говорил, «поповский крест», но не оставял и в это время шаманить, «бог милый всё видит», – говорил он.

По мере того как жена Шолеула раскладывала перед ним принадлежности камлания, Шолеул менялся в настроении, он нервничал, что-то невнятно бормотал. Жена подогревала бубен. Шолеул начал облачаться; надел особую обувь, нагрудник, повязку на голову, плащ и рукавицы.

Бубен – большого размера, овальной формы, имел обычное устройство, на наружной стороне рисунки охрой, во внутренней своей части, помимо рукоятки, целую систему железных перекладин, увешанных различными железными и медными побрякушками, имеющими то или иное назначение. Шаманский плащ и другие принадлежности костюма Шолеула, хотя я и не имел возможности подробно с ними ознакомиться, всё же по обилию нашивок, изображений и металлических подвесок определённо указывали на то, что это костюм старого «сильного» шамана.

Все принадлежности облачения были из оленьей шкуры, мехом вверх, за исключением головной повязки. Сапоги, кроме нашивок, имели ряд металлических подвесок. Нагрудник представлял собой длинный узкий плат, наподобие фартука, надевающийся ремешками на шею шамана, имел по бокам нашивки – орнамент и в три ряда поперечные железные подвески, причём нижняя из них, в свою очередь, имела подвески – человекоподобные изображения, означающие, по словам Степана, «богатырей» - предков Шолеула.

Головная повязка – небольшой продолговатый, шириной примерно в ладонь плат из оленьей кожи с железным изображением в центре летящей птицы; завязывается на затылке ремешком. Сам плащ представлял собой костюм наподобие фрака с усечённой под острым углом задней частью, передние же части костюма не закрывали груди шамана, предоставляя это упомянутому выше нагруднику. Плащ очень богато орнаментирован, украшен символическими нашивками и массой железных подвесок разнообразной формы, изображающих человека, птиц, оленей; имелись и медные круглые пластинки – солнце, луна, земля. Всё это имеет, несомненно, своё место и своё символическое значение и могло бы служить предметом особого описания и исследования. Рукавицы точно так же имели нашивки – человекоподобные железные фигурки, символизирующие духов-предков, оказывающие помощь шаману в камлании; кроме сего, рукавицы имели на оконечностях пальцев железные когти, долженствующие служить шаману в его дальних, необычайно трудных странствиях в иные миры, а также в борьбе со злыми силами.

Порядок облачения – сапоги, нагрудник, головная повязка, плащ и рукавицы. Облачившись, Шолеул взял в левую руку бубен, в правую – колотушку, присел на корточки и, поставив бубен на левую коленку, начал мерно изредка отбивать в него колотушкой, тихо, медленно напевая... затем вдруг, уткнувшись лицом в самый бубен, он начинал петь всё громче и громче, усиленно ударяя колотушкой и сильно раскачиваясь на месте...

Это он, как объяснил Степан, собирает, призывает духов.

Наконец, шаман порывисто вскакивает, и начинаются его нервные, истеричные телодвижения вокруг костра, он усиленно встряхивает бубном, бьёт с силой в него колотушкой и до последней степени напрягает свои голосовые средства – в это время и начиналась пляска. Вдруг некоторые места взывания шамана начали повторять в унисон хором все присутствующие... Шаман, оказывается, уже отправился «туда», «высоко», на небо.

Покрутившись полчаса в неистовой пляске, шаман начинает постепенно снижать её темп и пение и, наконец, совсем почти затихая, закуривает трубочку, усиленно затягиваясь табачным соком-дымом; начинает бросать пред каждым сидящим трижды колотушку бубна – оказывается, это есть гадание, причём, если колотушка все три раза упадёт вогнутой своей стороной вверх – это означает исполнение загаданных в этот момент желаний.

После гадания повторилась первая часть камлания с теми или иными вариациями, с несравненно более ускоренной пляской, с самыми смелыми порывистыми прыжками и другими телодвижениями, когда Шолеул, казалось, доходил до состояния полной невменяемости. Это, оказывается, были самые трудные моменты его загадочных странствований – он был и «там» – «высоко» и «внизу», под землёй, боролся со злыми духами и прочее.

Наконец, прокамлавши не менее часу, Шолеул, постепенно снижая темп действий, садится в полном изнеможении и сильно трясущимися руками принимает чашку с водой и буквально проглатывает воду. Его

начинают раздевать... Начинается разговор, очевидно, обмен впечатлениями и предположений об исходе камлания, сам же Шолеул ещё не менее получаса продолжает свои основные мотивы камлания и, что меня поразило, это его состояние продолжалось до утра. Когда мы уже все легли спать, Шолеул под аккомпанемент дружного и сильного всхрапывания всего чума (мне эту ночь не спалось) от поры до времени тихо воспроизводил основные мотивы камлания и, что особенно замечательно, так это то, что и утром, когда мы уже собирались уходить, Шолеул среди разговора неожиданно обращался к своим мотивам и в это время не отвечал на вопросы, как бы ничего не слышал и не видел... Это говорит, несомненно, за то, насколько глубоко и длительно было особо нервное состояние шамана.

Имея перед собой старого и сильного шамана, камлающего, так сказать, с душой, мне тем более было жаль, что Шолеул и утром не разрешил мне осмотреть подробно принадлежности камлания. Оставим это на совести Шолеула – служителя «бога милаго, Угыда»!

Мой спутник Тунгунчин был вполне доволен камланием и не сомневался в благоприятном исходе болезни.

С большим трудом мне удалось приобрести у Шолеула некоторые предметы для музея, причём, когда я предложил Шолеулу плату, он решительно отказался, считая себя, очевидно, обязанным как-то отблагодарить меня за подаренную ему мною плитку чая. Когда я всё же настоял на плате и передал ему две-три стопки серебряных монет, завернутых в бумагу, он никак не хотел посмотреть, что там такое, и говорил: «Што ты, друг, как можно, пошто обманешь».

Не располагая больше временем, я вынужден был утром оставить Шолеула, несмотря на большой интерес, который представляло это стойбище для меня, и мы отправились в Тюхтеревы юрты в сопровождении старшего сына Шолеула, взявшего трёх ездовых оленей под наш небольшой багаж.

Юрты Пыжины – остяки

Возвратившись в юрты Тюхтеревы, я вечером осмотрел ещё одну амбарушку-лабаз и после больших разговоров и с большими предосторожностями со стороны остяков получил оттуда жертвенный приклад – «кого-кох» в виде большого собрания различных кусков материи, лент, шкурок белки, колонка, медных и оловянных подвесок и, наконец, небольшого сильно обгорелого котла. Всё это были жертвы молящихся и недавнего происхождения, причём приклад этот был у иконы, но отношение к этому прикладу было точно такое же, какое и к истуканам, «старым богам» или, как их называют остяки, «шайтанишкам». Остяки, с одной стороны, старались показать, что они не верят в них, пошучивали, а с другой, когда дело дошло до интересующего нас приклада, то меня предупредили, что приклад этот всё-равно «шайтанишка».

Утром следующего дня я отправился в сопровождении уже знакомого нам Костянки и одной остячки в Нарым, тем же путём по речке Иссан и через озеро Иссан-по. Обратный путь в Нарым не представлял ничего интересного, и лишь недалеко уже от Нарыма мы наблюдали с одного берега речки на другом совершенно свежие следы только что переправившегося через реку медведя. По возвращении в Нарым я провёл некоторое время в приведении в порядок и укупорке этнографических материалов, полученных мною в Тюхтеревых юртах, а следующий день провёл в поисках проводника в юрты Пыжины, расположенные верстах в 30-40 от Нарыма вниз по Оби.

Погода стояла бурная. Решили ехать, переправившись из Нарыма через Обь, верхами по левому берегу Оби. Дорога была довольно тяжёлая, путь лежал местами едва заметной тропинкой, местами густыми, едва проходимыми тальниками и, наконец, целиной, так называемыми «сорами», т.е. заливными лугами, где в густых диких зарослях трав теряется всадник, при этом всю дорогу моросил дождь. Всё же эта, часто совершенно прерывавшаяся тропка называется у нарымчан дорогой, откуда и юрты Пыжины, в которые мы ехали, называются в отличие от других юрт Пыжиных, расположенных за Обью, юрты Пыжины-Придо-

рожные, а вторые – Пыжины-Заречные.

Пыжины-Придорожные расположены на верховой тропе Нарым-Каргасок верстах всего в 30 от устья Васюгана. Вечером под сильно моросивший дождь мы приехали в Пыжины и остановились у знакомого моему проводнику остяка Ноякова. Семья Ноякова, состоящая из 12 человек, имела большой крестовый дом, очень чистый, и большое хозяйство, другие же шесть домов были уже знакомые по Тюхтеревым юртам убогие лачужки. Остяки здесь, вследствие близости русских и постоянного общения с ними, почти совершенно обрусели.

Семья Ноякова оказалась поразительно неприветливой, и, как я им ни разъяснял цель моей поездки, они избегали со мной разговаривать и отнеслись ко мне очень подозрительно, и настолько, что, располагаясь спать, они оставили меня одного в большой комнате, бросивши мне при этом: «Кто тебя знат, товарищ». Здесь впервые среди остяков я слышал это обращение; обычно они говорят – «друк». Пыжины мне дали мало материала для этнографических сборов – здесь я получил всего несколько предметов – берестяные лукошки с орнаментом, медвежий лук, лисий лук и некоторые другие. Но здесь я имел возможность наблюдать изготовление лодок в различных стадиях этого промысла и насторожку на самостреле медвежьего лука.

В одном из домов я встретил ужасную картину. В тёмном углу, среди смрадногохлама и грязи, осветившись спичками, буквально разлагающееся заживо человекоподобное существо – то была старуха-сифилитичка и к тому же прикованная уже несколько лет к своему смрадному углу ещё другой какой-то болезнью. Нос и верхняя губа у неё совершенно провалились. Родные избегали общения с ней, подавая на лопате ей пищу... На вопрос мой, лечат ли её, мне только сказали: «Да вот не помирает».

На следующий день к вечеру в сильный низовой вал мы переправились через Обь в юрты Пыжины-Заречные, где я остановился у старичков Сагандуковых, представлявших собой полную противоположность по своей приветливости Нояковым.

Юрты Пыжины-Заречные расположены на высоком берегу протоки по правую сторону Оби у кромки дремучего кедровника, при устье небольшой речки Каилга или Пыжиги. Правильное название юрт – «Пыжиги». В юртах всего шесть дворов, выглядят они несколько лучше Тюхтеревых юрт – имеются почти у всех домов, построенных на крестьянский лад, дворы, сараи и, конечно, амбарушки-лабазы. Здесь мы уже имеем небольшое скотоводство – 6 лошадей, 8 коров, 11 овец. Из шести семей четыре имеют детей и две бездетных. Два дома пустуют за уходом неизвестно куда их хозяев, здесь мы наблюдаем явление, отмеченное нами и в юртах Тюхтеревых, – остяки легко снимаются с насиженного места в поисках лучших рыболовных и пушных угодий, бросая на произвол судьбы своё жилище. В юртах Пыжиных мне удалось провести всего два дня, я должен был спешить в Нарым к обратному рейсу парохода. Старичок Сагандуков – хозяин дома, где я остановился, оказался очень разговорчивым, но, к сожалению, не знал, по его словам, никаких сказок, преданий, песен, а он был единственным стариком в юртах. У Сагандуковых было 19 человек детей – все они умерли в разное время, как выразилась старушка Сагандукова, от «живота» и «огневой болезни» (тифа). Из этого единичного явления обобщений, конечно, делать нельзя, но всё же оно является достаточно показательным. Детей остяки, по моим наблюдениям, очень любят, и Сагандуковы имели приёмную дочь – девочку лет 12, родные которой вымерли от тифа года три-четыре тому назад. В связи с судьбой девочки Сагандуков рассказал мне вообще о свирепствовавшей у них эпидемии тифа в 1920 году, когда вымирали целые семьи и даже целые юрты-селения. Сагандукову зимой этого года пришлось в компании с другими охотниками выйти на один из притоков реки Тыма, и здесь они набрали на юрты, которые не подавали никаких признаков жизни. Войдя в один из домов, охотники увидели кошмарную картину – в разных углах лежало несколько трупов и в том числе женщина с грудным младенцем у открытой груди. Охотники в ужасе бежали от этих юрт, не заглянув в другие юрты. Очевидно, здесь все вымерли от тифа, а частью оставшиеся в живых дети умерли с голоду или замёрз-

ли. Теперь на Тыму «по народному голосу», как выразился Сагандуков, осталось человек 200 населения, а было когда-то «ясашных душ» (платёжных) до 300. По сведениям А.Ф. Плотникова по Тыму числится на 1900 г. всего туземцев 354 человека⁵. Немало жертв было и среди русского населения – так, в деревне Ильиной, близ юрт Пыжиных, в двух знакомых Сагандукову домах умерло 16 человек. Таковы отдельные случайные штрихи этой страшной картины победного шествия «огневой болезни» по Нарымскому краю.

На следующий день моего пребывания в Пыжиных начался «шишковой», и всё население отправилось в близлежащий кедровник бить шишки. Каких-либо «делянок»-участков кедровника для отдельных промышленников я здесь не встретил: каждая семья отправлялась в любом направлении и снимала шишки, где ей вздумается и на сколько хватит сил. В урожайные годы орехов добывают пудов по 20-30 на семью. Шишки сбиваются «бойцом», который лезет на кедр и, имея в руках деревянный молот-колотушку, прикреплённый на длинную рукоятку-жёрдочку, ударяет ею по веткам. Шишки собираются тут же в кучи и затем или вывозятся в юрты, или обрабатываются на месте, для чего применяется особый прибор – деревянный валёк с рубцами или доска с рубцами, на которой вальком и шелушатся шишки. Для провеивания орехов от сора употребляется особое решето – продолговатый ящик с решёткой из узких длинных деревянных пластинок. Решето подвешивается, шелуха просеивается, остаётся орех. В тех случаях, когда орехи добываются далеко от юрт, они обычно собираются остяками в особые хранилища здесь в кедровниках и так остаются до зимнего пути, когда и вывозятся в нартах. Наблюдая это «остяцкое шишкование», темп работы и общее состояние всех участников – их вялость, молчаливость и как бы совершенно безучастное отношение к происходящему, я невольно сравнил эту серую, унылую картину с весёлыми красочными страничками жизни нашей деревни, когда крестьяне отправляются на шишкование с большим

⁵ А.Ф. Плотников. «Нарымский край» - Ист.-стат. очерк».

подъёмом, оглашая звонкими песнями и радостными кликами родные кедрачи с ранней зари до позднего вечера.

К полудню, несмотря на горячую пору шишкования, я легко договорился об обратном пути в Нарым на лодке вверх по Оби вёрст 35-40. Обратный путь был тяжёлым; на Оби был, хоть и попутный нам, но сильный низовой вал, который к вечеру перешёл в бурю, и мы были вынуждены пристать к первым счастливо попавшимся нам и приветливо пылавшим кострищам на одном из островов Оби. Оказалось, что здесь ночует табор цыган в три семьи, отправившийся на лодках на орешный промысел, здесь же заночевали два русских рыбака из деревни Городище. В таком сочетании под неумолчный говор, а затем и песни цыган мы провели эту бурную ночь. Мои спутники – пыжинские остяки, как оказалось, не видавали цыган и были чрезвычайно поражены их живостью, шумным разговором и вообще весёлым нравом. И действительно контраст был слишком сильный: потомки пылких южан – загадочных выходцев Индии и угрюмый, далёкий северянин стали лицом к лицу!

В юртах Пыжиных мне удалось получить в дополнение к прежде собранным мною материалам некоторые предметы домашнего обихода и промысла, среди которых особенный интерес представляет костяное долото, употреблявшееся при обработке лодок. Здесь же мною получено два приклада «кого-кох», один из которых представляет особый интерес по сочетанию предметов христианского верования и остатков шаманизма и культа медведя, столь распространённого у северных народностей Сибири⁶. Медведь был, по их верованию, когда-то жителем неба и почитается, как сын божий. Всего мне удалось получить три приклада – один в юртах Тюхтеревых и два в Пыжиных-Заречных. Приклад по-остяцки «кого-кох» – это собрание различных предметов (шкурки зверьков, полосы материи, различное металлическое – медное, оловянное литьё и прочее), приносимых молящимися в жертву. В прежнее время приклады эти

⁶ В.М. Михайловский. «Шаманство» - Изв. об. люб. антроп. и этнограф., т. XII в I.

Гондатти. «Культе медведя у инородцев Северо-Западной Сибири». Труды этн. отд. об-ва Л.Е.А.Э. VIII.

Кастрен. «Путешествие... в Сибирь 1845-1849 гг.»

S. Patkanov, «Die irtusch-osfjaken» - II.

приносились пред изображением какого-либо остяцкого божества или навешивались на свешенном дереве, впоследствии же, когда христианство проникло к осякам и они оставили открытое поклонение «истукам», они приносили подобные же приклады христианским иконам, сочетая, таким образом, с внешней обрядовой стороной новой для них веры – христианства старые, глубоко укоренившиеся в их сознании начала шаманизма.

Из трёх отмеченных мною прикладов два новейшего происхождения, причём один, хотя и был помещён в лабазе (амбарчике) на полке, но относился к иконе и в части своей был самого позднейшего происхождения.

Этот приклад, полученный в юртах Тюхтеревых, представлял собою большое собрание кусков материи, шкурок зверьков, оловянные подвески, наконец, подержанный, сильный обгоревший, закопчённый плоский котёл. Второй приклад был не менее богат по количеству предметов, но имел совершенно новые платки, не потерявшие ещё характерного запаха фабричной краски, что говорит о происхождении этого приклада в наши дни, хотя остяки и отрицали это при моих попытках установить время происхождения приклада.

И, наконец, третий приклад, найденный мною в юртах Пыжиных-Заречных, представляет наибольший интерес. Если первые два приклада по наличию в них совершенно новых кусков материи говорят о живучести этих обычаев – приносить приклады при молитвах до наших дней, то последний приклад относит нас в глубокую старину, сближает зачатки христианства у местных остяков с культом медведя.

В прикладе этом мною обнаружены на одной полке следующие предметы: полуистлевшая икона и череп медведя; то и другое убраны различными приношениями – кусками материи, шнурками (почти совершенно истлели) и медными подвесками. Здесь же находился и жертвенный котёл.

Приклад этот был передан в моё распоряжение И.А. Сагандуковым и принадлежал ещё его отцу и деду и находился в полуразвалившемся,

очень старом лабазе.

Промыслы

Заканчивая путевые заметки, позволим остановиться вкратце на некоторых моментах хозяйственной жизни и быта, наблюдаемых мною приобских остяко-самоедов.

Основными промыслами местных остяко-самоедов, как известно, являются рыболовство, звероловство и, как дополнение к ним, кедровый промысел и промысел лесной и водяной птицы.

Первое место занимает в крае рыболовство. Промысел этот начинается с половины мая и длится до февраля, начала марта месяца, когда наступает так называемый «замор» рыбы, т.е. вода в Оби как бы замирает, «затухает», и рыба, пойманная в это время, получает особый неприятный привкус.

По вскрытии рек по Оби и некоторым её притокам поднимается с низовьев Оби и Обской губы, как здесь говорят, «снизу», так называемая подъёмная рыба; к этим сортам относятся осётр, стерлядь, нельма, сырок, язь, налим и моксун, остальные сорта являются местными.

В зависимости от уровня воды в разное время года промысел производится в различных местах и разными способами.

Ранней весной, лишь только вскроются притоки Оби, рыбачат обычно по притокам местные породы рыбы – щуку, окуня, чебака, ельца и другие посредством различных сплошных заграждений (заторы), небольшими неводами и плетёными снастями. Летом до полного спада вод, помимо главного промысла на Оби, идёт рыбалка «в сорах» - по заливным лугам в озёрах, протокам сетями, режевками или сплошными заграждениями из сосновых дранок.

После спада воды, когда появляются отлогие берега, «пески», начинается большой промысел неводами, которыми и промышляют, главным образом, русские артели.

Остановимся вкратце на описании некоторых рыболовных снастей, лично мною наблюдаемых, а также по рассказам остяков. Сети бывают «наплавные» и «установные» - устройство почти одинаковое, но примене-

ние различное. «Наплавными» сетями ловят летом и осенью, «уставными» - зимой. Сети бывают длиной сажень 10-20, из тонких льняных ниток, причём ячейки сети соразмеряются с величиной рыбы, на которую предназначена сеть.

Избравши место промысла, рыбак отплывает от берега поперёк реки и постепенно выбрасывает за собой из лодки сеть; сеть плывёт по течению, а за ней рыбак, рыба попадает в сеть и запутывается в ней. Через некоторое время рыбак постепенно вынимает сеть вместе с запутавшейся в ней рыбой в лодку. Таким простым способом на моих глазах добывали прекрасную нельму. «Уставные» сети, как показывает их название, применяются не плавным способом, а устанавливаются на кольях на определённых местах. Режевкой рыбачат на мелких местах, протоках, сорах, ямах.

Режевка – сеть из тонких льняных ниток, длиной сажень 5-10, шириной до сажени, к нижней части сети укрепляются грузила, в верхней – поплавки. Сеть по концам прикрепляется к кольям, установленным в песках. На некотором расстоянии впереди режевки для защиты её от плывущего валежника, коряг устанавливается сеть из толстых ниток с крупными редкими ячейками, откуда и получила своё название «режевка».

Кроме сетевых снастей, в большом употреблении самоловы и пере­мёты, употребляемые на стерлядь и осетров. Самолов «харба» - это бечёвка-тетива, аршин 20-30, толщиной в мизинец, к ней привязываются с промежутками четверти на три тоненькие бечёвки, четверти 1½-2 длиной – «коленца», на концах которых привязаны крупные рыболовные крючки. Чтобы крючки не погружались на дно, но были кверху остриём, к ним в изгибе привязываются на шнурке из конского волоса поплавки. К концам тетивы привязываются так называемые «кошки» - большие камни, расщеплённые между двух сучковатых палок – самодельные якоря. К этим якорям-«кошкам» привязываются длинные верёвки «оттуги», а к одной «оттуге» привязывается длинная бечёвка «прогон», а к ней – длинный шест. Самоловами рыбачат зимой, для чего прорубаются две

основные проруби на определённом расстоянии, в зависимости от длины самолова. Между этими прорубями устраивается по прямой линии ряд небольших прорубок. Устанавливается самолов, как мне передавали рыбаки, следующим образом.

Начинают спускать в одну основную («отправную») прорубь упомянутый выше шест и пропускают его постепенно по прямой линии, направляя через небольшие прорубки, а за ним идёт бечёвка-«прогон», за ней «оттуга» и самый самолов-тетива с крючками, и таким образом передний конец протягивают до второй основной проруби, когда окончательно и устанавливается самолов, причём «оттуги», на которых держится самолов, укрепляются на жердях поверх основных прорубей. Рыба осётр и стерлядь, проходя на большой глубине, почти по дну, сама зацепляется за крючки самолова и вытягивается постепенно рыбаками в прорубь на лёд. Промышляют самоловами и летом, когда к концам «оттуги» привязываются жерди, которые и служат наплавами, а самолов держится на дне посредством якорей-кошек. Почти подобного же устройства и перемёты, на которых крючки меньше самоловных, на них нет поплавков, а по крючкам наживляется мелкая рыба. Ухищряются нарымчане и неводить подо льдом, прогоняя невод в общих чертах тем же способом, как и самолов, от одной длинной проруби у отлогих песков через ряд небольших прорубок в даль реки, где невод, описывая подо льдом круг, возвращается к исходному пункту.

Из плетёных снастей мне удалось видеть лишь «корчаги», или «морду», и векшу. Устройство корчаги общеизвестно. Векша – это больших размеров корчага из толстых прутьев, длиной сажени 1½ и шириной в поперечнике до 2 аршин. Устанавливается векша между двумя плотами.

В осенние ночи промышляют остяки рыбу и общеизвестным способом – «лученьем», посредством остроги. В начале зимы, когда рыба часто стоит неподвижно непосредственно под тонким слоем льда, применяется глушение рыбы. Рыболовы ходят осторожно по льду и, увидя рыбу, ударяют по льду; рыба приходит в оцепенение – «глохнет», сейчас же

делается прорубка, и рыба вынимается.

В заключение этого краткого описания некоторых рыбных промыслов позволим себе, не располагая точными цифровыми данными, хотя бы со слов местного населения лишний раз подчеркнуть, что рыбные промыслы в описываемом районе, как и вообще во всём Нарымском крае, за последнее десятилетие понизились в несколько раз, а низкие цены, установившиеся на рыбу на местах, окончательно подрывают слабое хозяйство остяка. Так, в сезон 1924 года на месте были следующие цены за пуд на некоторые сорта рыбы: щука – 1р.20к. – 1р.80к., язь – 1р.80к. – 2р., карась – 40к. отборный и т.д.

Сколько же надо иметь остяку навыка, ловкости, приспособляемости и сил, чтобы прокормить семью при таких невероятно низких ценах на его основной продукт.

Вторым из основных промыслов для нашего района является звероловство. Из промысловых зверей здесь водятся медведь, лось, дикий олень, россомаха, лисица, выдра, белка, горностай, колонок, бурундук, зайцы и очень редко соболь. Волк и рысь, хотя изредка и встречаются, но считаются пришлыми зверями. Наибольшее промысловое значение имеет белка.

Звероловством и охотой занимаются с начала зимы, с замерзания рек до апреля месяца. Орудиями промысла являются, кроме ружья, лук ручной, лук сторожевой и целая серия ловушек-чиркан, кляпцы, плашка. Из мелких ловушек наиболее употребительными являются чиркан и кляпцы; чиркан устанавливается на белку, бурундука, колонка, горностая, кляпцы на лисицу, выдру, зайца.

Чиркан – «лада» имеет две основных части – небольшой лук и небольшие вилы с черенком. Внизу между этих вил имеется поперечный брусок – «порожек», а в верхней части вил другой такой же брусок – «разводка», который служит разводкой для вил. Эта разводка имеет посредине прорезь, через которую движется параллельно зубьям вил ударник – вертикальный длинный брусок с прикреплённым к нему горизонтальным брусом. В верхней части вертикального бруска продета те-

тива лука. Далее эти основные части чиркана имеют ряд приспособлений, при помощи которых они и действуют. Вертикальный брусок на передней своей стороне имеет зарубку, куда закладывается насторожка – небольшой деревянный клинышек. Насторожка закрепляется особым подвижным гужиком, к которому привязываются две «синки», т.е. нитки, крученые из конского волоса, концы которых привязываются к задней стороне нижнего бруска – «порожка». Вверху чиркана на рукоятке привязывается петля, к которой привязывается «суклема» – небольшая деревяшка, нижний конец которой широкий с развилиной, а верхний узкий. Этот конец суклемы соединяется верёвочкой с упомянутой уже насторожкой. Таково в общих чертах устройство чиркана. Действует он следующим образом: на облюбованном месте охотник укрепляет чиркан заостренными концами вил в снег или землю; лук натягивает, тетива удерживается посредством суклемы. С задней стороны чиркан загораживается ветками, куда помещается приманка с таким расчётом, чтобы взять её можно было через промежуток вил чиркана под ударником, где к нижнему бруску протянуты синки, соединённые с насторожкой. Когда зверёк пытается схватить приманку, он неминуемо касается синки, которая при этом освобождает насторожку от придерживающих её гужиков, суклема падает, и ударник с силою бьёт о нижний брусок, где и попадает под удар зверёк. Установка чиркана на разных зверьков несколько различна. В привезённых мною чирканах имеется один экземпляр несколько особого устройства, где обычный лук заменяется подобным же нажимом из плоской сосновой или кедровой дранки, устанавливаемой перпендикулярно к основанию чиркана, как расположен лук, а вертикально к его развилине, причём нижний конец нажима укрепляется в ударник. В остальном устройство чиркана одинаковое.

Отмеченный экземпляр найден мною в юртах Тюхтеревых и, по отзывам остяков, является более совершенным.

Другим видом из привезённых мною ловушек являются «кляпцы» – («чахош» по-остяцки). Кляпцы устанавливаются на зайца, лисицу, выдру.

Помимо упомянутых ловушек, употребляется в описываемом районе целый ряд более или менее общеизвестных ловушек, как, например, капкан, слопец, плашка, петля.

Кроме этих ловушек, наиболее распространённым орудием промысла, за исключением ружья, являются лук и стрелы, причём различаются лук ручной и лук сторожевой. Лук ручной, как показывает само название, применяется охотником непосредственно, а лук сторожевой настораживается и действует уже в отсутствие охотника и отличается от первого особым приспособлением в виде так называемого самострела. По своему устройству собственно самый лук бывает простой и составной из нескольких пород дерева. Простой лук, изготовленный из одной породы дерева, употребляется как ручной для охоты на мелкого зверька – белку и др.

Лук вообще имеет форму слегка согнутого коромысла, концы которого стянуты тетивой, скрученной из пеньки или ремня.

Коромысло составного лука склеивается из двух-трёх длинных деревянных пластинок различных пород, чем достигаются большие преимущества этого лука перед простым. Обычно употребляются на устройство такого лука берёза, черёмуха и кедр или сосна. Из берёзы изготавливается наружная часть дуги лука, так как берёза наиболее упруга и в то же время легко выгибается. Оставаясь же долгое время в выгнутом состоянии, берёза теряет эту упругость и ослабляет нажим тетивы, а тем самым и силу полёта и удара стрелы. Для предотвращения этого внутренняя сторона лука делается из кедра или сосны особого качества, – так называемой «кремлины» или «кренины». Это особое качество дерева встречается изредка, образуется обычно на солнечной стороне, где дерево делается особо смолистым и иногда имеет овальную форму и отличается особенной крепостью. Присоединяя к наружной берёзовой части лука изнутри пластину из «кремлины», остяк предохраняет берёзовую часть лука от чрезмерного выгибания и от потери упругости, достигая тем самым особой упругости лука и его прочности. Эти составные части лука обычно склеиваются рыбьим клеем; затем коромысло лука

оклеивается очень тщательно тончайшим слоем бересты.

Употребляемые для стрельбы из лука стрелы имеют различные наконечники, смотря по назначению стрелы. Обычно древко стрелы имеет в длину не более 5 четвертей и толщину в палец. В основании стрелы имеется небольшая развилинка для установки стрелы на тетиву. С этого же конца стрела на протяжении 3-4 вершков имеет оперенье с трёх сторон, необходимое для правильности полёта стрелы.

Наконечники стрел – «беловятки» бывают железные и костяные различной формы. Те и другие наконечники изготавливаются самими охотниками и изредка особыми мастерами из тех же остяков. В зависимости от назначения стрелы носят особые названия – медвежья стрела, лисья стрела и т.д.

На медведя употребляется копьеобразная железная беловятка с большими зазубринами на её заднем конце – медвежья стрела.

Стрела эта на расстоянии четверти полторы от её основания несколько надрезывается, чтобы медведь, будучи ранен, не смог выдернуть стрелу; как только он схватит конец стрелы лапой, так стрела ломается по надрезу и передняя её часть остаётся в теле медведя.

Лисья стрела имеет наконечник плоский, вилообразный. На птицу употребляется стрела с узким копьеобразным наконечником. На белку и другого мелкого зверька употребляют стрелу с совершенно особым наконечником. Эти стрелы имеют на переднем конце древка значительное, до вершка в поперечнике, утолщение или из того же дерева, или костяное. Эти стрелы – «томар» бьют мелкого зверька, не разрывая его, не портя, таким образом, его шкуру.

Ручным луком промышляют исключительно мелкого зверя и птицу, на крупного же зверя, а иногда и на лисицу, выдру, употребляется сторожевой лук, имеющий ещё особое приспособление – самострел. Самострел для лука устраивается следующим образом: основанием самостре-ла является деревянный брусок до 1½ аршин длиною, примерно шириной вершка 1½ и толщиной до ½ вершка. На переднем конце бруска делается углубление для накладывания на него середины дуги лука. На

заднем конце бруска имеется несколько пилообразных зарубок, на одну из которых закладывается верёвочная петля, к которой привязывается спуск – «суклема».

Брусок самострела в передней своей части вершков пять от конца имеет глубокую зарубку с небольшим выступом, рядом с которым делается небольшая отлогая зарубка.

Далее следуют части самострела – настораживающие.

Упомянутый выше спуск или суклема состоит из деревянной плоской пластинки вершка 3 длиной, нижний конец которой широкий с развилиной-гнездом, а верхний – узкий скошенный. Суклема, как было упомянуто, привязывается к петле на одной из зарубок на заднем конце бруска. К нижнему концу суклемы привязывается трёхгранная вершка, $1\frac{1}{2}$ длиной деревяшка – «щелочек», который вкладывается в небольшую отлогую зарубку на бруске в его передней части и прижимается к выступу находящейся рядом крутой зарубки, гнездом «насторожки», которая представляет собой заострённую деревяшку 1 вершок длиной, на толстом конце которого имеется гнездо. К верхней её части привязывается белая нитка или конский волос длиной аршина 3-5 – синка, к концу которой привязывается прутик – «подсиночник».

Таким образом, самострел имеет: основание – брусок и настораживающие части – суклему, щелочек, насторожку, синку и подсиночник.

Это довольно сложный прибор приводится в действие следующим образом: в облюбованном охотником месте, где по его предположению должен пойти зверь, устанавливается на сошки основание самострела – брусок, на конец которого в его уступ кладётся дуга лука её средней частью; тетива лука натягивается и задевается за углублённый бок насторожки, к тетиве как обыкновенно прикладывается стрела, а весь инструмент направлен в предполагаемую цель. Все остальные настораживающие части размещаются по своим местам, как это выше указано. Синка, привязанная одним концом к насторожке, протягивается перед луком через предполагаемую тропу зверя и укрепляется подсиночником где-нибудь в кустах. Синка висит свободно, чтобы зверь, задев её

грудью, несколько подался вперёд; при этом синка натягивается, отчего срывается насторожка, тетива лука освобождается и с большой силой спускает стрелу по линии протянутой синки, т.е. в то самое место, где в данное время находится зверь. Стрела в таких условиях бьёт без промаха и с такой силой, что, если минует кости, рана получается сквозная. Раненого таким образом, если и не убитого наповал, зверя охотники потом находят по следам обессиленного от потери крови и уже легко добивают.

Сторожевой лук употребляется на лисицу, выдру, рысь, волка, медведя, оленя и лося. Успех данного способа промысла зависит от опытности охотника в смысле выбора места насторожки лука. Каждый зверь имеет свои излюбленные места, где его и стережёт лук охотника. На волка лук устанавливается по лесным тропам, на лисицу – глубокой осенью у замерзающих ручьёв, где она в то время держится. На выдру у берегов речек, где выдра проделывает для своего выхода проруби. На медведя или по выслеженным его тропам, или на мысах, вдающихся глубоко в болото, откуда обычно медведь, как говорят охотники, предпочитает переходить болото.

На лосей и оленей, которые здесь встречаются очень редко, устраиваются «засеки». Выследивши их стойбище и тропы, остяки валят лесину одну за другой поперёк хода зверя под углом, постепенно его суживая и оставляя в конце угла проход, где и устанавливаются сторожевые луки.

Здесь можно отметить, что по тому же принципу настораживаются и сторожевые ружья, экземпляр какового имеется в музее. В интересующем нас районе сторожевой лук употребляется главным образом на лисицу, выдру и иногда на медведя.

Помимо этого, применяются остяками и другие общеизвестные способы охоты на зверя. Так, выше уже было отмечено применение ими целого ряда ловушек. На медведя охотятся с «лабаза», выслеживают летом с ружьём, поднимают в конце зимы из берлоги, стреляя из ружья или принимая медведя на рогатину – «пальмо».

Звероловный промысел начинается вообще с замерзанием рек в октябре и продолжается до весны.

Помимо звероловства и рыболовства – этих двух основных промыслов – местные остяко-самоеды занимаются птицеловством и орешным промыслом, кратко мною уже отмеченным выше. Птицу промысляют и водяную, и красную – урманную. На птицу употребляют, главным образом, ловушки. Водяную птицу добывают «перевесом», «пленницей». Между двух озёр, где имеются заросли, устраиваются просеки, через которые и устанавливается несколько в наклон «перевес», т.е. особого устройства сеть. Птица, перелетая с одного озера на другое, направляется по этой просеке, ударяется в «перевес», который, падая, накрывает целую стаю уток, гусей и т.п. Засевшие в кустах охотники сейчас же вылавливают птицу. «Пленница» представляет собой несколько настороженных петель из конского волоса. Петли настораживаются на особом основании из лёгких прутьев и устанавливаются по озёрам в местах, заросших травой, где изредка имеются чистые проходы. Птица, плавая по озёрам, устремляется в эти чистые места и попадает в невидимые для неё настороженные петли. Попавши в петлю, птица начинает биться и тем самым затягивает окончательно петлю. Водную птицу ловят главным образом весной; в это же время стреляют птицу и из лука. Мясо завяливается или засаливается для собственного потребления, а пух и перо собираются на продажу. Красная птица добывается зимой «силками» и «слопцами». Как подсобный промысел птицеловство играет в жизни местных остяков некоторую роль.

Жилище, одежда, пища и домашняя утварь

В заключение позволю себе остановиться в самых кратких чертах на некоторых внешних бытовых моментах жизни остяко-самоедов. На устройстве жилища в наблюдаемом мною районе я уже останавливался, описывая юрты Тюхтеревы, где даны в общих чертах основные типы остяцких строений. Остаётся упомянуть об устройстве остяками на месте рыболовных или звероловных промыслов временных жилищ – земляных или берестяных юрт. Временные земляные юрты на рыбных промыслах –

«корамо» - представляют собой вырытую в берегу квадратную яму, над которой лишь иногда возвышаются два-три звена деревянного сруба, а в большинстве прямо над ямой устраивается крыша из тальниковой решётки, устланная камышом и засыпанная землёй. Ни окон, ни камелька в такой юрте не имеется. Берестяная юрта на промыслах представляет собой конусообразный шатёр, деревянный остов которого покрывается большими полотнищами бересты. Устраиваются эти юрты и наподобие шалаша, крытого точно так же берестой.

В отношении одежды местные остяки мало чем отличаются от окружающего их русского населения. Национальных остяцких костюмов здесь уже не встречается и лишь в деталях и некоторых украшениях, особенно в женских костюмах ещё можно встретить отголоски прошлого. Все костюмы обычно изготавливаются из покупной материи.

Главными видами мужской одежды служат рубаха, штаны, зипун и пояс. Мужская рубаха шьётся с прямым разрезом на груди и широким, обязательно отложным воротником. Обшлага рукавов, воротник, разрез на груди и ластовицы делаются из материи другого цвета, отличного от основного тона рубахи. Штанины шьются из материи и иногда из ровдуги, т.е. из оленьей кожи, и, наконец, из телячьей шкуры.

Зипун шьётся из материи, рукава и правая пола иногда оторачиваются мехом или украшаются нашивками из материи другого цвета. Подпоясываются опояской, к которой подвешиваются нож в деревянных и кожаных ножнах и небольшая кожаная, часто шитая бисером сумочка, где содержатся кремёнь, огниво и трут. Эта традиционная сумочка начинает заменяться обычным крестьянским кисетом. Обувью летней служат ноговицы, бродни и иногда сапоги.

Бродни употребляются преимущественно при неводьбе в холодную погоду.

Ноговицы – обувь, нижняя часть которой шьётся из телячьей или оленьей кожи, а голенище из холстины. Бывают ноговицы и сплошь из оленьей кожи, как и тунгусские «унты» – обувь, плотно облегающая ногу, наподобие длинного, выше колен чулка. Сапоги встречаются изред-

ка, как предмет роскоши.

Главным убором летом служат преимущественно базарный картуз или повязка из материи или платка, зимой шапка – вроде челца, подвязывающаяся под подбородком. Шапка составляет видное место в одеянии остяка и шьётся с большим старанием. Шьётся обычно из выдры, оленя, шкурки гагары, лебедя или из лисьих лапок, собранных к макушке, по краям делается опушка из белки, колонка или соболя – это шапка нарядная. Делают подобный же треух из зайчатины. Зимняя одежда – меховая шуба, подобная зипуну, с особенной тщательностью отделяется воротник. Обувь зимой та же, что и летом; ноги обёртываются как бы онучами для тепла чёсаной травой (осока), и из травы же (пырей) делаются стельки. Чёсаная трава прекрасно предохраняет ноги от сырости и холода.

Женская одежда – верхняя мало чем отличается от мужской; здесь только более обязательны нашивки из цветной материи на рукавах, по вороту и правой доле. Домашним костюмом женщин является сплошное платье или юбка и кофта. Платье делается с прямым разрезом и отложным широким воротником. Разрез, ворот и ластовицы, как и у мужской рубашки, шьются из материи отличного от основного тона цвета.

Женщины носят две косы, которые начинаются на передней части головы и обматываются вокруг. Такая же причёска и у девушек, хотя последние по примеру русских начинают носить одну косу, не закручивая её на голове. Женщины страшно любят носить кольца, носят их по несколько штук, преимущественно оловянные и медные; встречаются также, как влияние русских, стеклянные бусы и серьги. Вообще же должно заметить, что в описываемое мною время одежда остяков, как мужчин, так и женщин, отличалась чрезвычайной бедностью и изношенностью до последней степени, часто граничащей лишь с жалкими остатками или некоторыми намёками на костюм.

Пища остяков отличается крайним однообразием и малой питательностью. Основным продуктом являются рыба, чай и хлеб, как дополнение иногда дичина и ягода. Рыба употребляется в самых различных ви-

дах – рыба варёная, печёная на костре, солёная, вяленая, толчёная, сушёная и мороженная. Особенно много заготавливается впрок рыбы вяленой, толчёной и сушёной. Высушенная мелкая рыба толчётся в больших деревянных ступах до порошка, получается так называемая «порса» – одно из любимых блюд остяка. Употребляется как закуска к чаю, причём её едят прямо пригоршнями, из той же порсы варится похлёбка, а иногда ею же заваривается и чай. Порса очень удобна для заготовки впрок и является главным продуктом, которым запасается остяк, отправляясь на дальние промыслы. Здесь, между прочим, интересно отметить, что остяки все избегают употреблять в пищу щуку, утверждая, что от неё обязательно будет «лихоманка» – малярия. Это мнение чрезвычайно прочно держится вообще в Нарымском крае и, быть может, заслуживает некоторого внимания специалистов – врачей.

Из муки, кроме обычного кислого хлеба и белой булки, остяки приготавливают пироги с рыбой, ягодами и пресные лепёшки. Последние как лакомство пекутся на рыбьем жиру или замешиваются на рыбьей икре. Мясо – почти исключительно дичину – остяки употребляют варёное, вяленое и сырое. Вяленое мясо заготавливается впрок.

Молочные продукты встречаются в виде исключения; где имеются коровы, там употребляют молоко с чаем или просто хлебают ложками из общей чашки с кусочками хлеба. Мясо готовить не умеют. Как подспорье и лакомство употребляются ягоды в сыром виде или сушёные – черёмуха (толчёная) и смородина. Овощи почти не встречаются. В Тухтеревых юртах я видел небольшой огородик с картофелем.

Грибов остяки совершенно не едят, считая их особо погаными, но почему, никто объяснить не может. Здесь мы наблюдаем явление, столь распространённое у многих северных народностей Сибири, что нами уже отмечалось в главе о тунгусах.

Из грибов большим вниманием пользуется лишь мухомор – «пун», который употребляется в сушёном виде с водой. «Пун» – «пьяный грибок», по мнению остяков, опьяняет и сообщает человеку особое состояние, когда он «всё знает», знает, кто у него украл что-нибудь, кто обма-

нул его и т.д.

Старичок Сагандуков категорически утверждал подобное действие пьяного грибка – «пун», указавши однако же из личной практики, конечно, лишь на состояние крайнего опьянения. Как противоядие при большом употреблении «пун» пьют парное молоко.

В качестве чая употребляют полевой чай – «иван-чай», листья черники, брусники, и особенно часто, как наиболее крепкий отвар, употребляют берёзовый чай – омертвелую часть древесины. Как лакомство употребляются и чай, и сахар. Из крепких напитков в большом употреблении самогонка.

Переходим, наконец, к краткому описанию некоторых предметов домашнего обихода и утвари остяков, наблюдаемых мною и полученных для музея. Вся домашняя обстановка остяка обуславливается окружающей природой, есть продукт обработки различных видов растительного мира. Различной породы деревья, их корневища, береста, кора и, наконец, травы – всё это в той или иной обработке, в известной комбинации даёт всю домашнюю обстановку местного остяка.

Возьмём ли мы средства передвижения местного остяка – его лёгкие, упрощённые сани, промысловые нарты, лодки или все довольно сложные орудия промысла – сторожевые луки, различные ловушки и плетёные рыболовные снасти – всё это изготовлено исключительно из дерева.

Из дерева же мы видим самодельную домашнюю утварь – чашки, ложки, корыта, вёдра, хотя всё это уже и начинает заменяться покупной посудой.

Большое значение в домашнем обиходе остяка имеет береста. Из бересты готовят большие полотнища – «тиски», которыми покрывают, как я уже указывал, летние промысловые юрты и лодки с кладью от дождя.

Но что особенно заслуживает внимания, так это изделия из бересты – небольшие короба, кузова и другая домашняя утварь, нередко украшенная различной резьбой. Берестяной короб, в котором обычно остяки

держат продукты питания и мелкие вещи, имеет цилиндрическую форму; сверху короб этот имеет берестяную вкладную крышку. По верхнему краю короба и в его основании снаружи и внутри он стягивается как бы обручами из черёмуховой сарги, которая пришивается к бересте таловым лыком.

Особенный интерес представляют остяцкие кузовки, похожие по своему устройству на русские крестьянские туясья. Наружная сторона кузовка обычно украшена узорами, представляющими как этнографический интерес, так и чисто художественный, как одна из форм искусства остяков. Украшения эти очень разнообразны как по способу их исполнения, так и по форме и внутреннему смыслу, их содержанию, что заслуживает специального исследования и может служить темой для особой работы.

Тесно связана с изделиями из бересты так называемая «сарга» – узенькие ленты из черёмуховой древесины или кедрового корневища, а также таловое лыко. Для приготовления сарги древесина распаривается, когда и делится на узенькие ленты, которые для хранения свёртываются в кружок, а перед употреблением снова размачиваются в воде. Сарга идёт при изготовлении берестяных коробов, кузовков в качестве обручей и других связывающих приспособлений. Сарга из кедрового корня идёт главным образом на изготовление верёвок (кручёных), употребляющихся при неводах, и затем из этой сарги плетутся особые остяцкие сундуки – «корневатики». Немаловажную роль в жизни остяка играют и такие простые продукты как камыш, некоторые травы, древесная кора и даже гнилушки. Из камыша и осоки плетутся циновки, коврики. Та же осока, чёсанная деревянным гребнем, употребляется как онучи, прекрасно предохраняющие от холода и сырости. В тех же целях употребляют траву «пырей», делая из неё стельки в зимней обуви. Древесная стружка из молодого тальника – «чип» или мох употребляется вместо полотенца и тряпок для вытирания рук, лица и посуды. И, наконец, гнилое дерево и то идёт в дело у остяков: стружки из гнилушки служат подстилкой в колыбели ребёнка, прекрасно впитывая мокроту; те же гни-

лушки насыпаются в меховые рукавицы и чулки, охраняя руки и ноги от холода и сырости. Наконец, те же древесные продукты дают остяку краску, трут и чай.

Для окрашивания холста, оленьей кожи – ровдуги и сетей в коричневый цвет употребляется кора лиственничная или черёмуховая.

Для получения краски приготавливается из коры густой отвар, в который прибавляется для закрепления окраски таловая зола. Затем в этом отваре кипятят вещи, предназначенные к окрашиванию. Получается очень прочная окраска, выдерживающая годы, не линяющая. Лиственничная кора даёт светло-коричневый цвет, черёмуховая – темнее.

Все эти продукты, служащие для изготовления предметов домашнего обихода остяка, как видим, отличаются крайней дешевизной, общедоступностью и в то же время практической целесообразностью в общем примитивном укладе его жизни.

Практическая изобретательность наряду с крайней простотой орудий и материалов, терпеливое выполнение всех мелочей в работе, стремление использовать местные продукты для хозяйственных целей – вот что мы можем наблюдать даже из этого краткого обзора предметов домашнего обихода остяка.

Заканчивая эти беглые, краткие путевые заметки о наблюдаемом мною районе, я, разумеется, далёк от каких-либо обобщений; материалы эти, полученные при беглом наблюдении главным образом внешней стороны жизни остяка, не являются достаточным основанием для каких-либо выводов. Подобная работа и не входила в мои задачи при моей кратковременной поездке в Принарымский район; это была небольшая рекогносцировка в целях некоторой ориентации для будущих обследований края, предполагавшихся музеем, и в этом отношении наблюдения, произведённые мною, дают некоторый материал.

Затем одним из заданий этой поездки являлись произведённые мною этнографические сборы для краевого музея. Это задание можно считать до известной степени выполненным; всего мною собрано по этнографии остяко-самоедов и местных тунгусов 118 экспонатов, характе-

ризующих быт, верования, промыслы, домашнюю обстановку и отчасти искусство принарымских туземцев. Полное описание всех экспонатов может послужить содержанием для отдельной работы. Настоящие мои заметки в части, касающейся описания различных предметов туземного быта, основаны на упомянутых экспонатах.

О.И. Матющенко

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ПОЛИТССЫЛЬНЫХ В НАРЫМСКОМ КРАЕ

(1906–1917 гг.)

«Homo sum, humani nihil a me alienum puto» /
«Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».
Цицерон

Героизация прошлого – явление совершенно естественное; естественно и то, что у каждого времени – свои герои. Меняется общество, старые мифы умирают, перестав быть актуальными, появляются новые. На протяжении жизни одного поколения эти перемены могут произойти несколько раз. Одним из первых в советское время был миф о героях – революционерах, живших высокими принципами и думавших дённо и ночью о благе всего народа, стойчески переносивших испытания во имя светлого будущего всего человечества – победы коммунизма во всём мире.

К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, в 1970 году, из печати вышел сборник «Нарымская ссылка», включающий интереснейшие источники, повествующие о жизни сосланных в Сибирь за антиправительственную деятельность. То были газетные публикации 1906-1917 гг., официальные документы за подписью томских губернаторов, донесения полицейских надзирателей, переписка ссыльных с родными и близкими и другие не менее важные документы. Именно на эти документы опирались историки и социологи, создавая образ пламенного революционера, закалённого в классовых битвах, а во время ссылки в холодный Нарымский край проявившего свой железный характер и могучую волю.

Мы читаем те же документы, преследуя несколько иную цель: мы хотим видеть в них не столько героев, сколько простых людей. Оказывается, ссыльные революционеры – не только железные борцы за народное счастье, а ещё и люди из мяса и костей, с израненной душой и желанием обыкновенного человеческого тепла, страдающие от одиноче-

ства и непонимания, не выносящие безделья, очень любознательные и творческие личности, стремящиеся к познанию окружающего мира и себя в этом мире.

Советские исследователи, конечно же, отмечали для себя эти моменты, но в рамках существующей в историографии традиции трактовки революционных событий внимание на них старались не заострять. Нас же интересуют именно эти аспекты жизни невольных обитателей Нарымского края в период между двумя русскими революциями.

С начала XX века, особенно после первой русской революции 1905 года, ссылка в Сибирь носит массовый характер, число ссыльных измеряется не десятками и сотнями, а тысячами (Нарымская ссылка..., 1970. С. 172).

Территориально ссылка разделялась на два района: южный с центром в Тогуре и северный с центром в Нарыме, Нарым же являлся центром всей ссылки. Основными местами расселения в Нарымском крае, кроме самого Нарыма, были сёла Колпашево, Каргасок, Алатаево, Нестерово, Молчаново, Перемитино, Парабель, Чигара (Нарымская ссылка..., 1970. С. 137).

А что же представлял из себя в это время Нарым – центр огромного сурового края? Расположен город на острове, несколько ниже места, где река Кеть впадает в Обь, южнее протекает река Нарымка.

Общий вид Нарыма со стороны собора. Начало XX века.
С рисунка А.В. Чечельницкого по воспоминаниям попечителя И.И. Маловичко

В центре города расположено озеро Полой. Добраться до Нарыма летом можно только по воде, зимой – по зимнику, весной и осенью дороги туда вообще нет. В советское время несколько раз в неделю летали самолёты, а сейчас в экстренных случаях можно вызвать вертолёт. Место как будто специально создано для водворения неугодных элементов: на протяжении нескольких месяцев в году полнейшая изоляция от всего остального мира.

Подробное описание Нарыма, числившегося в то время городом, находим в письме А.В. Шишкова, впоследствии председателя Томской губернской ЧК, сосланного сюда в 1911 г. за революционную деятельность, другу К.А. Бялецкому. Он пишет: «Нарым - маленькое селение, в котором почти с каждого пункта видишь всё селение, как на ладони. В нём до 200 домов, две церкви (одна бездействует: сняты колокола, вынесены иконы). Есть казначейство и почта. Даже тюрьмы нет. Жителей до 1000... Действительно сырость, грязь, навоз гниёт посреди улиц, всюду скот мелкий, вырождающийся бродит по улицам, заграждая дорогу. Ни освещения, ни тротуаров. Уныло...» (Нарымская ссылка..., 1970. С. 125).

Кроме того, в Нарыме имелись городское училище, церковноприходская школа, городская и полицейская управы, каталажка, магазины купцов Родюковых и Завадовского, винная лавка, хлебозапасный магазин (Зиновьев, 1996. С. 130).

В центральной части Нарыма имеется множество памятных мест, связанных с историей политической ссылки. Сохранилось здание Полицейского управления. Это достаточно ещё крепкое двухэтажное строение с интересной архитектурой; однако если не предпринять шагов по его реставрации, развалится в ближайшие годы.

Несколько в стороне зеленеет кедровая роща, или Колин бор, где ссыльные устраивали маёвки, начиная с 1907 года, и расположено кладбище, где похоронены ссыльные революционеры. Во время одной из командировок в Нарым в самом центре посёлка мы обнаружили стоящий на вечном приколе большой баркас. Согласно легенде именно на нём совершали побеги ссыльные революционеры.

Удивляет обилие цветов в палисадниках, людям хочется красоты, и они создают эту красоту своими руками. Практический человек подумает: к чему эти излишества в суровом краю, если для простого выживания нужно затрачивать так много сил и энергии! Пятидесятиградусные морозы зимой, а летом нестерпимый гнус – это вполне по-нарымски. Зима долгая, а лето, хоть и тёплое, но очень короткое.

Спору нет, климат был совершенно не подходящий для выходцев из европейских губерний Российской империи; для жителей южных регионов он был просто губителен. Но, в конце-то концов, не в Крым же их ссылать в наказание за преступления против государственных устоев! Ссылные частенько хворали, болели инфекционными заболеваниями. Кстати, среди причин смертности в то время на территории всей России инфекционные болезни занимали первое место. А по количеству практикующих врачей Сибирь была далеко позади Европейской России.

Так, политический ссыльный С. Аносов в минуту душевной слабости или телесного недуга обратился к томскому генерал-губернатору К. В. фон Нолькену с прошением об освобождении или о выезде за границу по причине болезни. Немногим позже он посчитал для себя постыдным и унижительным просить о чём бы то ни было у представителя власти и отозвал своё прошение (Нарымская ссылка..., 1970. С. 36).

Если у человека были действительно серьёзные проблемы со здоровьем, и он мог позволить себе заграничный вояж, ему разрешали покинуть место ссылки и отправиться в Баден-Баден, например. Губернатор проявлял человеколюбие и освобождал преступника от наказания.

В Нарымский край высылали людей, зачастую совершенно не приспособленных к жизни, для некоторых и сварить – постирать было проблемой: в большинстве своём это были люди интеллигентных профессий да к тому же уверенные в том, что революция и быт – вещи несовместимые! В одной из статей В.И. Ленина есть очень интересная мысль о том, что ради успешного ведения революционной работы революционер не должен работать ради куска хлеба, а материальное обеспечение являет-

ся одним из условий успешной деятельности пролетарского революционера (Хазиахметов, 1978. С. 31).

Далеко не все политические ссыльные получали пособия, да и пособия были порой мизерны, и на них сложно было прокормиться. Поэтому в Нарыме существовала коммуна: политссыльные объединились и устроили общую столовую, сняли для этого отдельный дом и наняли повара. А надо сказать, ссыльным запрещалось устраивать общие столовые, но до поры до времени надзирающие за ними смотрели на это сквозь пальцы: зачем обижать и без того обиженных?

Коммуна за обедом, 1907г.

Надо ли говорить, что во время коллективных обедов и ужинов разговоры велись на самые разные темы, возникали жаркие споры о судьбе России, о революционных событиях 1905 года и о будущей революции. Из донесения начальнику жандармского управления мы узнаём, что в один из вечеров унтер-офицер Агарков, заглянув в окна столовой, уви-

дел на стене три красных флага размером полтора аршина на аршин (напомним, что в аршине чуть более 71 см). На одном из флагов белой краской крупными буквами написано «РСДРП», на прочих надписи мелкими буквами, и унтер-офицер сквозь стекло не разобрал, что там написано. «По вечерам, при освещении столовой, флаги резко выделяются и хорошо видны с улицы, а потому соблазняют своим видом прохожих. Последние останавливаются около окон и рассматривают флаги...», - пишет далее жандарм в своем донесении. Зайти в помещение столовой жандарм так и не решился (Нарымская ссылка..., 1970. С. 52).

В канун нового 1907 года около 140 человек собрались на праздничный ужин в помещении столовой. Всё бы хорошо, да только речи выступающих были непраздничные: досталось и царю-батюшке, и господину губернатору, и жандармам, и исправникам. После каждой речи собравшиеся пели противоправительственные песни «Вставай, поднимайся, рабочий народ», «Смело, товарищи, в ногу», «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и кричали лозунги «Долой самодержавие! Да здравствует революция!»

Содержание этих выступлений было подробно изложено в донесении унтер-офицера своему начальнику; особо же отмечалось, что на сходке присутствовала местная молодёжь, и некоторые были так замаскированы, что и узнать их было невозможно (Нарымская ссылка..., 1970. С. 43).

В том же 1907 году в Нарыме ссыльные впервые устроили первомайскую демонстрацию: развернули 8 красных флагов и один чёрный, салютовали из 23 охотничьих ружей и 18 револьверов и пошли колонной вдоль главной нарымской улицы. На митинге опять звучали антиправительственные речи о том, что министры-казнокрады и цари-плутократы, жандармы и духовники, предатели и провокаторы пьют кровь рабочего народа: «Они нашу кровь пьют. Скоро время настанет, и мы будем из них кровь пить... Пришла пора – проснулся народ!» (Нарымская ссылка..., 1970. С. 46).

А народ местный в это время стоял поодаль, слушал да удивлялся. После демонстрации один из высланных выстрелил из ружья в старый

собор! Народ, крестьясь, разбежался по домам. Жандармы в эти представления не вмешивались, часто они вообще издалека наблюдали за происходящим, а подробную информацию получали после «из агентурных источников».

Колония ссыльных в Нарыме жила насыщенной культурной жизнью. Так, от нечего делать, решили поставить спектакль. Первые спектакли были представлены уважаемой публике в открытом летнем павильоне, выстроенном на берегу протоки для встречи цесаревича во время его поездки по Сибири. Однако пароход с представителями царской семьи в Нарым не зашёл, и этот павильон много лет служил для молодёжи местом для танцев и гуляний. Позже для театральных постановок был арендован целый дом, проведено переустройство, сделан ремонт силами ссыльных и радеющих за театральное искусство нарымчан, а особенно молодых нарымчанок.

Костюмы и реквизит были предоставлены местными жителями с огромным удовольствием, роли распределены между ссыльными совершенно без учёта партийной принадлежности. Привлекли нескольких нарымских девиц для участия в этой постановке в качестве певиц, нарисовали афишу и разместили её на заплоте дома на Крестовоздвиженской улице. На премьеру собралось более 200 зрителей (Нарымская ссылка..., 1970. С. 47).

Надо ли говорить, что создание театра в этом болотистом краю имело чрезвычайно важное значение и получило огромный резонанс! Репертуарные спектакли на протяжении нескольких последующих лет ставились по классическим произведениям: «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Лес» А.Н. Островского, «На дне» А.М. Горького и пр. (Нарымская ссылка..., 1970. С. 113).

В томской периодической печати стали появляться восторженные отзывы. Так, в одном из июньских номеров газеты «Сибирская жизнь» за 1911 год читаем: «Нарымский театр — гордость всего края! Если судьба занесла бы томича в Нарым, на спектакль, то он бы удивился декорации, игре, гриму. Театр не преследует, конечно, коммерческих целей. Сбор

(цены от 5 до 60 коп.) идёт на текущие расходы (костюмы, грим, освещение и др.).

«С осени прошлого года шли «Без вины виноватые», «Власть тьмы» (спектакль прошёл замечательно удачно и шёл в день получения известия о смерти Л. Н. Толстого), «Женитьба». В текущем году: «В чужом пиру – похмелье», «Аз и ферт» (водевиль), «Ревизор» и «Всё прахом» Шпагинского. Театром своим ссыльные гордятся и любят его, как умеют» (Сибирская жизнь, 1911. С. 3).

Всё это имело место вопреки «Положению о полицейском надзоре», в котором запрещалась педагогическая и любая общественная деятельность, в том числе и сценическая, запрещалось содержание типографий, библиотек, фотографий, чтение различных лекций, политическим ссыльным нельзя было иметь учеников для обучения ремёслам (Хазиахметов, 1967. С. 20–21).

От себя добавим, что и в наше время добрая традиция в Нарымском крае жива: народные театры существуют, репертуар пополняется новыми пьесами, с актёрами-любителями работают профессиональные режиссёры, и это действительно нужное дело! Любительские театральные коллективы побеждают на областных и региональных конкурсах, и земляки гордятся их успехами.

Те же самые девицы, что участвовали в театральной постановке – молодые нарымские мещаночки, влюблённые в революционеров – были замечены в том, что «ездили на лодке за ягодами и пели противоправительственные песни, и одна держала в руках красный флаг; а на ягодах хлопали в ладоши и кричали «ура», при этом выражались: «Бога нет, и царя не надо» (Нарымская ссылка..., 1970. С. 53). Вряд ли сам унтер-офицер Агарков, являющийся автором этого донесения, следил за девушками. Скорее всего, информация поступила от агента, которого нарымчанки считали своим человеком.

Среди ссыльных были преимущественно мужчины, причём молодые и образованные, местные барышни являлись их восторженными поклонницами. Люди создавали семьи, венчались, рожали детей. Жизнь нельзя остановить, это и хорошо! Однако, перечитывая документы тех лет, нет-

нет да и встретишь сетования большевиков по поводу неразборчивости в привязанностях некоторых представителей партии: не блюдут-де партийную чистоту, дружат не с теми, влюбляются не в тех и т.д.

Ссылка была очень пёстрой по национальному и по партийному составу, представители всех существующих на тот момент в Российской империи партий и общественных течений побывали здесь: социал-демократы, эсеры, максималисты, анархисты, народные социалисты, сионисты-социалисты. Кто-то просто не мог определиться в своих политических пристрастиях, а некоторые принципиально скрывали свою партийную принадлежность (Нарымская ссылка..., 1970. С. 61).

Группа политссыльных Нарыма.
Надпись на обороте "Другу Абраму от Ивана из Парабели.
21 июня 1915 года". Из фондов Нарымского музея политической ссылки*

Срок ссылки составлял от 3 до 5 лет, в большинстве случаев – 3 года. Кто же будет спорить с тем, что очень непросто было высланным ос-

войти в новую жизнь, найти себе занятие. Тяжёлые условия существования и тоска по родине сломили многих. Однако большинство всё же находили себе дело, изучали историю края, собирали материалы по истории самой ссылки и о влиянии политической ссылки на местное население.

Ссылным не разрешалось обучать местных жителей, но это нарушалось повсеместно. Многие невольные обитатели Нарымского края открывали школы и учили грамоте крестьян и своих же товарищей по ссылке, проводили занятия по различным предметам - арифметике, алгебре, немецкому языку, более того, за достаточно короткий срок можно было пройти полный гимназический курс, подготовиться к учёбе в университете, изучить любой иностранный язык (Хазиахметов, 1967. С.132). Успех обучения во многом был обусловлен талантливым составом преподавателей.

Томское общество изучения Сибири ходатайствовало перед томским губернатором о привлечении интеллигентных и образованных людей из числа ссылных для изучения природы, животного мира и культуры народов, населяющих эту землю. Председатель общества профессор Томского технологического института В. А. Обручев написал губернатору Н.Л. Гондатти письмо, в котором изложил свою просьбу. И томский губернатор ответил на это согласием, сделав приписку, что по поводу каждого привлекаемого необходимо делать персональный запрос (Нарымская ссылка..., 1970. С. 65-66).

В течение нескольких лет в местах наибольшего скопления ссылных были скомплектованы неплохие библиотеки, некоторые книги были привезены с собою самими ссылными, часть присылалась родственниками и друзьями. В Нарымский край поступало несколько десятков наименований журналов и газет. Однажды в Колпашево прибыло шесть возов из Петербурга, гружённых книгами: одна состоятельная дама решила оказать спонсорскую помощь господам революционерам. А в Нарым либерально настроенные томичи прислали 2 воза с книгами (Хазиахметов, 1967. С. 129).

В Нарым и другие населённые пункты края почту доставляли возами; в посылках были книги, газеты, легальная и нелегальная литература, тёплые вещи, продукты. Велась активная переписка, и в отдельные годы письма даже не просматривались представителями жандармского корпуса! Среди обратных адресов значились Лондон и Милан, Нью-Йорк и Берн, Давос и Берлин, города Франции и Бельгии. По этой корреспонденции можно было учить географию всего земного шара! Активная переписка шла с Надеждой Константиновной Крупской, проживавшей в то время в эмиграции вместе с В.И. Лениным: от них ссыльные получали методическую литературу и деньги в помощь нуждающимся (Хазиахметов, 1967. С. 80).

Большинство ссыльных физическим трудом на родине не занимались, однако здесь им приходилось выучиться и работать сапожниками и портными, шорниками и мясниками, парикмахерами и хлебопеками, чернорабочими. Занимались они сбором кедровых орехов и ягод, рыбной ловлей у местных промышленников, заготавливали лес для изготовления шпал, занимались извозным промыслом и сельскохозяйственными работами, служили бакенщиками (Нарымская ссылка..., 1970. С. 257-258).

Ссыльные на заготовке кедрового ореха.
Из фондов Нарымского музея политической ссылки

Читаешь газеты тех лет, архивные документы и начинаешь понимать, насколько оживлённой была социальная и политическая жизнь в крае в период между двумя русскими революциями. Свободного времени у ссыльных было предостаточно, энергия била через край, а молодецкий задор и революционная романтика помогали преодолевать бытовые трудности. Общественное мнение также было на стороне борцов за народное счастье, и полиция действовала очень осторожно, либеральничала с ними, чтобы не вызвать всеобщее возмущение. К тому же количество полицейских было крайне недостаточно.

В Петербурге даже выражали недовольство деятельностью томского губернатора: «Департамент полиции просит ваше превосходительство вообще обратить внимание на разнузданность нарымских ссыльных и подобострастное к ним отношение чинов местной полиции, которые состоят на побегушках у ссыльных и смотрят сквозь пальцы на все чинимые ссыльными нарушения правил о полицейском надзоре» (Нарымская ссылка..., 1970. С. 84).

Господа ссыльные могли общаться совершенно свободно друг с другом, читать книги, ставить спектакли, устраивать свою личную жизнь и готовиться к новым революционным бурям. Ссылку они рассматривали как недолгую временную передышку в борьбе и возвращались в Россию с ореолом мученика. После поражения первой русской революции Нарым претендовал на центр подпольной большевистской работы в России.

В 1910-1911 гг. в Нарымском крае была создана подпольная партийная организация РСДРП. В эту организацию, деятельность которой жандармам удалось установить, входила часть ссылки, стоявшая на ленинских позициях. Подпольная организация созывала съезды, совещания делегатов от партийных групп края, проводила собрания, сходки; она просуществовала до февральской революции 1917 г. (Нарымская ссылка..., 1970. С. 138).

С осени 1910 года в Нарыме действовала единственная в истории сибирской ссылки партийная школа, где заслушивались рефераты по политической экономии, философии, по вопросам международного ра-

бочего движения, изучалась марксистская литература, в том числе основной труд К. Маркса «Капитал» (Хазиахметов, 1967. С. 113).

В документах встречается информация, что в колониях ссыльных для распечатки воззваний, листовок, объявлений имеются гектографы – простые по конструкции печатные приборы для размножения текстов и иллюстраций (Нарымская ссылка..., 1970. С. 67). Выглядит этот прибор как небольшой плоский ящик, заполненный смесью желатина, глицерина и воды. Оригинал документа, написанный специальными чернилами [анилиновый краситель, глицерин и спирт], прижимают плотно к поверхности этой смеси в ящике, изображение при этом переносится на желатиновый слой, с которого в дальнейшем можно сделать до 100 оттисков. Изобретён этот прибор был в России, а изготовить его было несложно и на месте.

Конечно, нарымские ссыльные жили по-разному. Людям приходилось несладко, если они оставались без пособия и без временной работы. Там, на воле, рушились их семьи. Но всё же в целом царское правительство достаточно мягко относилось к людям, посягавшим на устои государства. Необходимо отметить, что местное население жило ничуть не лучше, а порой и гораздо хуже, нежели «чужаки», но местные работали в поте лица, а чужие жили за казённый счёт либо на деньги, присылаемые товарищами по партии. В наше время сказали бы, что господа ссыльные живут на деньги налогоплательщиков – тех же нарымских крестьян и мещан.

На наш взгляд, «цари-кровопийцы» гуманно относились к своим политическим противникам, не предвидя, видимо, всей серьезности последствий этих революционных забав. Ещё вполне можно было предотвратить революцию, не доводя людей до крайности, реагируя на недовольство народа не высылкой горячего элемента с глаз подальше, в Сибирь, а грамотной политикой, проведением социальных и экономических реформ.

Революционеры же видели для страны лишь один путь – революционный, раззадоривали себя и раскачивали лодку под названием «Рос-

сия». До чего же циничны слова одного из ссыльных: «А на Руси всё-таки весело и пахнет гарью, ...все люди ждут и уверены в катастрофе, и самым крупным явлением российской жизни является социал-демократия». Так писал в январе 1914 г. из Нарыма своей сестре в Чердынский уезд Пермской губернии Абрам Сольц (Нарымская ссылка..., 1970. С. 220). Каким извращённым должно быть сознание человека, если он радуется приближению катастрофы, а от запаха гари ему делается весело?

Видимо, очень похожим было настроение среди реформаторов конца 80-х – начала 90-х годов XX века, аналогия напрашивается сама собой: по степени разрушающего влияния на жизнь огромной страны деятели начала и конца прошлого века могут поспорить между собой за первенство. А последствия какой катастрофы будут плачевнее для России, это бабушка ещё надвое сказала.

С Нарымским краем связано много известных имён, политические и общественные деятели Советского Союза отбывали здесь ссылку в разное время. У нас есть интересные свидетельства о пребывании в Нарыме Валериана Владимировича Куйбышева. Для Томска это имя значит немало, в частности, на протяжении нескольких десятилетий Томский государственный университет носил имя Куйбышева (Зиновьев, 2008. С. 359-360).

Родился Куйбышев в Омске, в революционную борьбу включился с 16 лет! Несколько раз подвергался арестам и ссылкам, иными словами, к 22 годам уже стал профессиональным революционером. А что же это значит – «профессиональный революционер»? По нашему мнению, это человек, который нигде толком не работает и не учится, увлекается в основном разговорами о всеобщем благе и мутит людям голову. В наше время таких людей достаточно, и называем мы их болтунами и политиками, однако зажечь народ и куда-нибудь повести они вполне могут, к несчастью.

Куйбышев поступил на юридический факультет Императорского томского университета, стал студентом, посещал лекции блестящих томских профессоров. Учебная программа на факультете была не столь на-

пряжённой, как у современных студентов, многие темы рекомендовались для самостоятельного изучения, обязательных для посещения занятий вообще не было. Свободного времени у Валериана было достаточно, и он активно занимался политической работой. В результате проучился он всего лишь один семестр и в начале 1910 года за противоправительственную деятельность был арестован и выслан на 2 года.

По прибытии в Нарым он снял квартиру на втором этаже деревянного дома на центральной улице. Надо сказать, что нарымчане очень быстро смекнули, что можно извлекать прибыль от приезжающих ссыльных, стали строить дома в два этажа, крепкие и просторные, и сдавать внаём комнаты небедным постояльцам.

В этом доме проживал В.В. Куйбышев

4 августа Куйбышев пишет письмо своей приятельнице Руфине Райх в Одессу: «Сейчас закончил переезд на новую квартиру. Обиталище моё состоит из двух комнат, одна величиною с Вашу, а другая, проходная,

134

раза в два меньше. Цветы, приличная мебель, небезобразный диван. Расстелил ковёр, повесил занавески, покрыл стол скатертью, и получилась очень приличная квартира, в которой можно жить и не нарымцу» (Нарымская ссылка..., 1970. С. 88).

Вскоре ветреной августовской ночью случился в Нарыме пожар: горели амбары одного богача, и Валериан вместе с другими политссыльными растаскивал горящие брёвна, качал воду, заливал пожарным рукавом огонь. «Нравилось мне бороться с этим чудищем огнём», - напишет он впоследствии Руфине. К утру пожар потушили, наш герой вернулся к себе на квартиру усталый, но радостно возбуждённый и гордый собою: в ветреную погоду от огня мог пострадать весь город. А после узнал, что амбары эти, по словам знающих людей, были подожжены самим хозяином для того, чтобы получить страховку. А он-то удивлялся, что местное население отнеслось поразительно пассивно к пожару: вынесли иконы и стояли с ними каждый у своих ворот (Нарымская ссылка..., 1970. С. 89).

О чём ещё пишет Куйбышев в письмах? Переживает разлуку с любимой девушкой, вспоминает милые его сердцу мелочи, делится впечатлениями о прочитанном, строит планы относительно своих дальнейших занятий. Он решает изучать историю русской литературы (чего не мог себе позволить на воле), предлагает Руфине «...вместе заниматься подробно творчеством какого-нибудь автора, читать его, читать о нём; обмениваться мнениями и вопросами и постоянно сознавать, что где-то далеко-далеко дорогой человек читает то же, переживает то же. Давай, Ёлочка! Мне было бы замечательно отрадно сознавать, что ты в данный момент думаешь как раз о том же, о чём и я. Я бы отгадывал твои думы, я бы чувствовал постоянно какую-то нить между нами. Давай, Ёлочка? Я помню, когда Шура уезжал из Питера в Одессу, мы с ним условились, чтобы в определённую ночь и в определённое время вы все в Одессе, а я в Питере смотрели на Полярную звезду. Не знаю, как вы, а я смотрел и думал, что и вы смотрите, и казалось, что вы близко, и было хорошо. Так и тут. Я буду постоянно чувствовать тебя, твои думы, твою красивую душу около себя, рядом с собою, я буду говорить с тобой. Если тебе не хочется перечитывать русских авторов, остановимся на иностранном.

Хочешь К. Гамсуна? А не то Метерлинка, Гауптмана. Одним словом, напиши об этом...». И далее подпись: «Воля» (Нарымская ссылка..., 1970 С. 90).

Согласись же со мною, уважаемый читатель: назвать положение политссыльного В.В. Куйбышева издевательством царского режима над революционером язык не поворачивается! Многие нарымские ссыльные жалуются в своих письмах не на лишения, голод и нужду, а на тоску и смертную скуку.

Господи, но мы-то знаем, сколько горя узнала эта земля несколькими годами позже! Всё познается в сравнении.

Для доказательства своей правоты приведём выдержки из писем ещё одного профессионального революционера – Ф.И. Голощёкина: «Скверно здесь, брат, но я не робею и смотрю весело на будущее и даже на настоящее. Если желать, то работа есть и работа плодотворная, думаю опять быть в родной стихии» (Нарымская ссылка..., 1970 С. 90). Спустя несколько месяцев он же пишет подруге по партии Берте Перельман: «Живу в двух комнатах, с 9 до 3 принимаю пациентов, работаю до усталости. Конечно, заработков очень мало. По вечерам или занимаюсь, или провожу с приятелем за чайком» (Нарымская ссылка..., 1970. С. 96).

А вот что думал о ссылке Аркадий Иванов – тоже революционер – большевик (его именем названа одна из улиц города Томска): «Ссылка, как и граница, действует разлагающе... кое-какая общественность есть и здесь, а в общем скучища отчаянная. Главная беда – уйти никуда нельзя даже на время. Вся жизнь, как на блюде. ...Лично я живу здесь бестолково. Время проходит без большой пользы. Занимаюсь понемногу французским языком, другими предметами » (Нарымская ссылка..., 1970. С. 134).

В самом Нарыме, конечно же, условия пребывания для ссыльных складывались более благоприятно, нежели в маленьких глухих деревнях, нарымская колония была образцовой и, кроме столовой, имела свою мясную, пекарню, дающую тысячи фунтов хлеба в месяц, потребительскую лавку с предметами первой необходимости – чаем, сахаром, керосином, махоркой (Нарымская ссылка..., 1970. С. 113).

При всей удалённости этого региона от российских центров, неразвитой сети путей сообщения многим из ссыльных удавалось совершать побеги. Согласно статистике бежал каждый третий или четвёртый ссыльный (Нарымская ссылка..., 1970. С. 100). Их частенько вылавливали в Томске либо уже в городах Европейской России и вновь отправляли в места «не столь отдалённые». Наказанию подлежали и те из местных жителей, кто помог им совершить побег.

Итак, капитанам частных пароходов, рейсирующих в пределах Нарымского края, воспрещалось принимать на пароходы без письменного разрешения местной полиции в качестве пассажиров лиц, высланных в административном порядке в Нарымский край под гласный надзор полиции. А лица, виновные в нарушении настоящего постановления, должны быть подвергнуты в административном порядке денежному штрафу до 300 руб. или заключению в тюрьме до 3-х месяцев (Хазиахметов, 1967.. С. 100).

В годы Первой мировой войны требования к ссыльным ужесточились. Так, для предотвращения побегов ссыльным было строго-настрого запрещено посещать стоявшие у пристани пароходы, где можно было узнать последние новости и завести полезные знакомства на всякий случай. После очередного столкновения с полицейскими весной 1914 г. по этому поводу ссыльные решили проучить нарымского пристава (Хазиахметов, 1967. С. 146).

Они договорились и в течение одной ночи, крадучись, ушли в тайгу все без исключения. На следующий день во время обычной проверки полицейские не обнаружили никого из поднадзорных по месту проживания. Стражи порядка запаниковали: как доложить начальству, какие будут последствия для всей полицейской команды? И главный вопрос: что делать дальше? Где люди? А наши революционеры ушли в тайгу достаточно далеко, жгли костры, пели революционные песни, смеялись над приставом и его командой, строили предположения о том, что сейчас творится в Нарыме, и по-детски радовались, что смогли проучить надоевших им стражников. Лишь через сутки ссыльные вернулись: дело было весной, и оставаться дольше в лесу всё же не хотелось, ночи-то хо-

лодные! План их удался: после перенесённых переживаний пристав был вынужден пойти на некоторые уступки.

Такая жизнь – то грустная, то веселая – продолжалась в крае до Февральской революции 1917 года. 2 марта 1917 года в Томск пришло известие о свержении царя, а 3 марта телеграфом это известие было передано в Нарым. Политссыльные посчитали себя полностью свободными и стали уезжать из Сибири. В Томске они могли получить материальное пособие и удостоверение, дающее право на бесплатный проезд по железной дороге в Россию (Нарымская ссылка..., 1970. С. 332-334). В мае месяце с открытием навигации Нарымский край покинули последние ссыльные, очень счастливые и свято верящие в то, что никогда более Нарым не будет местом принудительного водворения.

Литература

Зиновьев В.П. За штатом (г. Нарым в XIX – нач. XX вв.) // Земля Парабельская. Томск, 1996. С. 121-153.

Зиновьев В.П. Куйбышев // Энциклопедия Томской области. Томск: Издательство Томского ун-та, 2008. Т. 1. С. 121-153.

Нарымская ссылка (1906-1917 гг.). Сборник документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970. С. 386.

Сибирская жизнь. 1911. № 131.

Хазиахметов Э.Ш. Большевики в нарымской ссылке. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1967. С. 186.

Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг. Томск, 1978. С. 183.

М. С. Ковлягин

**КОЛПАШЕВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДГОТОВКИ АБОРИГЕННОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАРЫМСКОГО КРАЯ В 1930-е гг.**

После завершения Гражданской войны и ликвидации её последствий перед новым руководством страны встала задача решения национального вопроса. Основным принципом осуществления государственной политики стало претворение её в жизнь с максимальным учётом национальных традиций и особенностей. В 1920-е гг. шёл процесс сбора информации и определения главных векторов развития преобразований. Комплекс предпринятых мер в отношении традиционных этносоциумов Кавказа, Средней Азии и Крайнего Севера получил в отечественной историографии название «советизация». Одним из её направлений явилось формирование национальных кадров как агентов данных преобразований в аборигенной среде. С этой целью в 1926 г. при Ленинградском институте живых восточных языков открылся Северный факультет, где проходили обучение представители коренных народов Севера. В 1930 г. произошла реорганизация Северного рабфака в Институт Народов Севера.

Параллельно создавались Северные отделения при рабфаках Томска, Тобольска, Иркутска, Хабаровска и других сибирских городов. В 1927 г. образовано Северное отделение при Томском рабфаке. Однако основным недостатком обучения аборигенов в крупных городах являлся их отрыв от родной среды. Кроме того, количество подготовленных работников из числа аборигенов не могло покрыть «кадрового голода», что особенно ярко проявлялось в образовательной сфере.

Чтобы устранить нехватку квалифицированных педагогов для аборигенных школ Нарымского края, в 1932 г. был создан Колпашевский педтехникум путём перевода «туземного» отделения Томского педтехникума в г. Колпашево с переподчинением его Нарымскому ОкрОНО (гато. ф. Р-591. Оп. 1. Д. 26. Л. 39). За время своего существования техникум сме-

нил ряд названий: Колпашевский педтехникум, Нарымский остяцкий педтехникум, Колпашевское педучилище (Малиновская С. М., 2007. С. 102). В деле подготовки учителей из среды аборигенов власти сделали ставку на внутренние ресурсы, что являлось целесообразным ходом. Педагогический техникум состоял из 5 групп: подготовительный курс, 1-й остяцкий, 2-й остяцкий, 1-й русский, 2-й русский (ГАТО. Ф. Р-591. Д. 26. Л. 27).

По сведениям уполномоченного по делам нацменьшинств Ильясова от 20 ноября 1933 г. в 1932-1933 учебном году в Колпашевском педтехникуме обучалось 57 «туземцев» (ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 946. Л. 26). Данные инспектора по делам нацменьшинств Исхакова свидетельствуют, что численность студентов из числа аборигенов в 1933-1934 гг. составила 47 человек (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 57. Л. 115 об). Однако информация, содержащаяся в докладной записке о состоянии работы с коренным населением от 1 июля 1934 г., говорит, что в этот срок в техникуме училось 33 «туземца» (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 121. Л. 41). 7 декабря 1934 г. при педтехникуме начали действовать 10-месячные курсы по подготовке учителей, где обучение продолжалось 3 года, имелось заочное отделение (Малиновская С. М., 2007. С. 102), в 1936-1937 гг. на них обучалось 30 человек (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 478. Л. 43).

На 15 февраля 1935 г. в педтехникуме проходили обучение 126 студентов, из которых 49 являлись остяками, 65 русскими и 12 представляли другие национальности (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 121. Л. 41). В свете этих цифр слово «остяцкий» в названии образовательного учреждения выглядит, по меньшей мере, странно. Тем не менее, к 1936-1937 гг. местные власти ожидали получить из техникума 10 педагогов (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 121. 12). По более оптимистичным прогнозам число выпускников техникума должно было составить 30 человек (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 57. Л. 152). Но в 1935-1938 гг. педтехникум выпустил только 15 человек, которые потом работали в «туземных» школах Нарымского края (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 541. Л. 4). Одной из причин выступило то, что часть наиболее перспективных выпускников продолжали своё обучение в Институте Народов Севера (ИНС) или других ВУЗах. В 1939 г. 2 выпускника были от-

правлены на обучение в ИНС, 2 – в Томский государственный педагогический институт (Хамичев А. 1939. С. 2).

С начала своего функционирования Колпашевский педагогический техникум столкнулся с вполне ожидаемыми материальными и финансовыми трудностями. Зарплата, установленная преподавателям, не отвечала реальной нагрузке, о чём Нарымскому окротделу СКС в 1934 г. сообщал замдиректора техникума Колесников. Слияние вторых остяцкого и русского курсов с целью уменьшения часов не являлось выходом, так как имелись значительные различия в их программах. Претворение в жизнь этого варианта привело бы к тому, по словам Колесникова, что нужно было бы «вообще отказаться от названия Остяцкого педтехникума и назвать его вообще техникумом» (ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 26. Л. 27).

Двухэтажное здание техникума, выстроенное в 1933 г., по сведениям председателя Нарымского окрисполкома Макарова, содержащихся в записке в Запсибкрайисполком в 1936 г., не соответствовало стандартам. На его ремонт требовалось 28735 рублей, кроме того, планировалось отремонтировать два барака, где задумывалось организовать общежитие техникума, провести ряд других мероприятий. На их осуществление Макаров просил в дополнение к отпущенным 10 тысячам присовокупить ещё 65 800 рублей. По всей видимости, дело не сдвинулось с мёртвой точки. Резолюция, наложенная на документ, гласит, что было выделено всего 10000 рублей (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 393. Л. 12).

Следующим фактором, тормозившим увеличение выпуска педагогических кадров, являлась неподготовленность студентов к учёбе в техникуме. В отчётном докладе педтехникума за 1933-1934 учебный год отмечено, что «учащиеся II курса не имеют навыков самостоятельного изложения, письменной и устной речи, слабо читают, неграмотны, есть случаи незнания десятичных, простых дробей, курса истории классового общества и т.д.». Это потребовало от руководства сменить учебную программу, адаптировав её к реальным условиям. Из 127 учащихся техникума в 1934-1935 учебном году 4 группы закончило 32 человека, 5-6 групп – 50 человек, 7 групп – 40 человек. Основная масса учащихся не

имела семилетнего образования, на которое был, возможно, рассчитан II курс (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 279. Л. 26).

Обратимся к педагогическому корпусу техникума. В 1933-1934 учебном году образовательное учреждение испытывало нехватку в преподавателях истории, педагогики, физкультуры, изобразительного искусства и родного языка. В 1935 г. проблема оказалась решена, преподавательский персонал состоял из 11 человек, директором являлся бывший директор «Верте-Коса» И. К. Любимов. Педагогический стаж основной части преподавателей превышал 15 лет. По национальности все, кроме И. К. Любимова – карела, являлись русскими, приехавшими, в основном, из различных регионов РСФСР, один преподаватель ранее жил в Томске – педагогический стаж 6 лет, и один в Колпашево – педагогический стаж 2 года. Носителями «туземного» языка являлись И. К. Любимов и приехавший из Ленинграда педагог В. Д. Петряков, имевший один год стажа (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 279. Л. 24). При изучении структуры техникума, состава учащихся и педагогического персонала напрашивается вывод, что такое образовательное учреждение после разрешения всех материальных и финансовых проблем начального периода могло успешно готовить кадры для русских школ, но не для «туземных».

Обстановка в техникуме в первой половине 1930-х гг. была далеко не самая радужная. В отчёте о состоянии школ и воспитательной работы в Нарымском округе за 1934 г. приводится следующий факт: «Группа студентов Нарымского остяцкого педтехникума во главе с б/беспризорником Кузнецовым и при содействии ссыльного организовали шайку воров под названием «СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО», ограбили 3-х человек, украли в СПШ (Совпартшкола – М. К.) 3 винтовки ТОЗ, 1 наган, в педтехникуме 3 пары лыж, 1 револьвер у осодмольца и обокрали лавку центроспирта» (ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 40. Л. 12). В письме окружного прокурора Старикова от 16 мая 1936 г. в Нарымский ОК ВКП (б) описывается ситуация, царившая в интернате: «Вне класса студенты предоставлены сами себе. А поэтому совершенно не случайны такие явления, как случаи прогулов, гулянья студенток-остячек до поздней ночи, вы-

пивки, распространение всевозможных суеверий, предрассудков. ... Прикреплённые к курсам учителя работы не знают и со студентами никакой работы не ведут. На собрании студентов отдельные конкретные недостатки в поведении студентов не обсуждаются, всё проходит путём административного воздействия» (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 329. Л. 14-14 об).

Одним из факторов, оказавшим негативное воздействие на качество образования, являлось ужесточение патерналистской политики по отношению к аборигенам Крайнего Севера в 1930-е гг. Произошла смена приоритетов национальной политики: национальное стало рассматриваться как препятствие на пути к построению интернационального общества. В образовательной сфере это проявилось в усилении давления местного административного и партийного руководства на педагогов школ и среднеспециальных учебных заведений. Не стал исключением и Колпашевский педтехникум.

В 1939 г., «после того как было разгромлено вражеское руководство и училище укрепили проверенными высококвалифицированными кадрами, партийными и непартийными большевиками, оно стало служить примером среди учебных заведений округа, как нужно преподавать и овладевать знаниями» (Кузница педагогических кадров, 1939. С. 1). Очевидно, имела место быть чистка кадров училища, на место опытных педагогов власти поставили «своих» людей. Параллельно шло сращивание административных и партийных постов: директор Хамичев возглавлял партийную организацию училища (Мамаев, 1939. С. 2). Одновременно сократился набор «туземцев» в различные педагогические образовательные учреждения. По информации Нарымского окрисполкома на 20 августа 1938 г. во всех педучилищах училось только 28 остяков (ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 541. Л. 4). Таким образом, с конца 1930-х гг. Колпашевское педагогическое училище перестаёт быть учебным заведением, ориентированным на выпуск кадров для аборигенных школ.

Используемые источники и литература

ГАРФ¹. Ф. Р-3977. Оп. 1. (Комитет содействия коренным народностям северных окраин при ВЦИК (1924-1934)).

ГАТО². Ф. Р-588. Оп. 1. (Нарымский окружной совет и его исполком).

ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. (Отдел народного образования Нарымского окрисполкома).

Кузница педагогических кадров // Советский Север. 9 октября 1939 г. № 186. С. 1. (без автора).

Мамаев А. Педагогическое училище накануне весенних испытаний // Советский Север. 12 мая 1939 г. № 88. С. 2.

Малиновская С. М. Формирование политики национального просвещения народностей Севера (на материалах Томской области) // Вестник ТГУ, 2007. № 302. С. 100–104.

Хамичев А. Куда едут выпускники педучилища // Советский Север. 4 июня 1939 г. № 103. С. 2.

¹ Государственный архив Российской Федерации.

² Государственный архив Томской области.

И.А. Коробейникова

ЧУМЭЛ ЧАПТЭ КАДЭШПЫНДЫЛ НАЛГУП НЯЛМАДДЖОУТЭ

(О Макшиной Нине Степановне – сказочнице из Нельмача)

Нина Степановна Макшина (1912–1996 гг.) была известной сказительницей. Её память хранила множество волшебных историй, которые в прошлом рассказывали долгими зимними вечерами у керосиновой лампы бабушки-остячки. В 1980–1990-е гг. к ней часто приезжали лингвисты, этнографы – Ю.А. Морев, И.А. Ильяшенко, В.В. Быконя, Н.П. Максимова, Ш.Ц. Купер, Я. Пустаи, Н.А. Тучкова, Ф.Собанский, С.Ю. Колесникова – и записывали их. Так, с её слов были записаны, а позднее опубликованы следующие сказки: «Сказка про дедушку и бабушку», «Сказка про брата и сестру», «Сказка про Дочь Земли», «Старое предание» и др. Кроме сказок, исследователи, которые обращались к Нине Степановне, всегда получали от неё помощь в переводе и редактировании собранных материалов по селькупскому языку.

Все сказки, которые Н.С. Макшина щедро рассказывала всем, кто ими интересовался, были услышаны ею в детстве, а потому запомнились на всю жизнь. Она была прекрасной рассказчицей, обладала мягким, приятным голосом с неповторимыми интонациями, рассказывала живо, интересно, выразительно. Она свободно говорила по-селькупски (на чумьлькупском диалекте), у неё был богатый словарный запас, хорошее произношение специфичных селькупских звуков, чёткая артикуляция. Все исследователи с благодарностью вспоминают совместную работу с ней.

Я впервые познакомилась с Ниной Степановной в 1961 г., когда мои родители (Мальковы Анатолий Петрович и Аграфена Титовна) летом на моторной лодке поехали навестить своих родственников на р. Парабель в Нельмаче и взяли меня с собой. Был праздник – Ильин день. Ночевали мы у Соиспаева Ильи Арсентьевича. Днём родители ездили с хозяевами ставить сено, а я с девочками, с которыми вместе жила в интернате, ездила на лодке на противоположный берег Парабели за смородиной и

кислицей. Были с нами Макшина Нюра, Макшина Лена, Новосельцева Люба и другие нельмачёвские девчонки.

Вечером была гулянка. Угощались гости сначала у Ильи Арсентьевича, а затем пошли к нашей родственнице – Нине Степановне Макшиной. Весёлой женщиной показалась мне Нина Степановна. Было ей в ту пору около 40 лет. Много смешных частушек спела она. В разгар гулянья женщины стали соревноваться, кто кого перепляшет, и Нина Степановна и здесь отличилась – она плясала так же заразительно, как и пела частушки. Нам, ребятишкам, хотелось спать, но мы слушали её частушки, хохотали так, что скулы сводило, наблюдали, кто из женщин победит в перепевках и переплясе. Победительницей оказалась Нина Степановна! Ей дали приз – стакан браги.

В следующий раз я встретилась с ней только в ноябре 1990 г. Меня избрали в комиссию по возрождению селькупского языка, и я вместе с Тагаевой Прасковьей Назаровной поехала в Нельмач к Макшиной Нине Степановне и Соиспаевой Аксины Александровне – женщинам, прекрасно знающим свой родной язык. Для меня это была своеобразная экспедиция за сбором языкового материала. Сначала мы пили чай у Аксины Александровны, а затем пошли ночевать к Нине Степановне. Мы договорились, что весь вечер будем говорить только по-чумылькупски и старались не переходить на русский язык. До четырёх часов утра не могли наговориться. Женщины вспоминали свои молодые годы, своих сыновей, трудную жизнь. Вот что рассказала Нина Степановна о себе в ту ночь.

Родилась она в 1912 г. на речке Кёнга, в деревне Горбуново. Мать её, Фёкла Гавриловна, вышла замуж за её отца, Степана Гавриловича, в 14 лет. Родила Фёкла четверых детей – трёх сыновей и дочь Нину. Два старших брата погибли во время Великой Отечественной войны, а младший брат Федот жил с семьёй до старости в Нельмаче. Степан Гаврилович Макшин был охотником. Всю добытую пушнину менял на продукты у богатого купца Чернова, который жил в 40 км от д.Горбуново. По совету русского крестьянина, Шутова Ермолая Гурьяновича, приехавшего в 1920-х гг. на вольные кёнгинские земли, Макшины стали земледельца-

ми. «Ермолай Гурьянович сказал так моему отцу:

– Ты что, Степан Гаврилович, только охотничаешь? Ты землю паши, хлеб сей и тогда семью прокормишь», – вспоминала Нина Степановна.

В 1930-х гг. у Макшиных забрали пашню спецпереселенцы, которых привезли и поселили в Горбуново. Тогда Макшины переехали на Аникинскую заимку на 18 км ниже по Кёнге от Горбуново. Было у них в ту пору уже две лошади. Только обустроились, распахали землю, началась коллективизация. И опять у семьи забрали поле. Погрузили тогда Макшины свои немудрёные пожитки на большой деревянный плот и переехали вниз по Парабели в Нельмач. От тяжёлой работы и болезней умерли рано родители Нины Степановны, и она осталась одна. Жила Нина Степановна в небольшом домике на берегу реки. Семейная жизнь у неё не удалась, детей не нарожала. Всё лето работала в огороде и ходила в лес: собирала, сушила и сдавала в сельпо грибы, ягоды, орехи. Держала корову, для которой косила сено; но зато всегда у неё были молоко и сметана. Дополнительный заработок ей давало шитьё: так как она хорошо шила, заказов в деревне ей несли много. Гостеприимная была, как все селькупы, она часто принимала у себя и родных, знакомых, и многочисленных учёных, изучавших историю и культуру Нарымского края, язык и фольклор селькупов.

В 1994 г. я ещё раз беседовала с Ниной Степановной, к которой приезжала вместе с Н.А. Тучковой за сказками и рассказами о прошлой жизни. Тогда мы записали на магнитофон в её исполнении сказку «Бык-сын» и несколько бытовых и фольклорных историй по-чумылькупски и по-русски. Тем же летом к ней приезжал Ф. Собанский, которому она также рассказала сказку про быка¹. В следующем 1995 г. мы встречались у меня в гостях: ко мне пришли Нина Степановна и Мария Назаровна Тагаева (дочь племянницы отца Нины Степановны), мы отвечали на вопросы Н.А. Тучковой. Можно сказать, что эти встречи были последни-

¹ В 1971 г. сказку про быка-сына от Н.С. Макшиной записал также Ю.А. Морев. Запись хранится в ЛЯНС ТГПУ (С-42, Т. 42. Ласкино, Нельмач, 1971г.). Ю.А. Моревым было сделано транскрибирование текста и его перевод на русский язык.

ми, когда собирались собеседники, свободно говорящие на чумылькупском диалекте. Сейчас, в 2004 г., только Валентина Ивановна Пырсова в Каргаске и я можем бегло и связно говорить и понимать по-чумылькупски.

Многим ещё могла бы рассказать Нина Степановна свои сказки, если бы не старость и болезни. В последний год своей жизни она жила у племянника в Парабели, там и Богу душу отдала.

Уходят люди – уносят с собой свои сказки.

* * *

Сказку про быка-сына я сразу перевела на русский язык (сделала буквальный перевод), а вот записать её по-селькупски за повседневными заботами всё никак не удавалось, хотя мы с Н.А. Тучковой обещали Нине Степановне опубликовать её в книге, а затем использовать на занятиях селькупского языка. Недавно мне приснился сон: ко мне подошла Нина Степановна и дала мне тетрадь. Я так думаю, что она напомнила мне о том, что я не сдержала своего слова и забыла о ней. Спешим исполнить наше обещание и приводим текст этой сказки, которую рассказала нам летом 1994 г. Н.С. Макшина - **чумэл чаптэ кадэшпындыл налгуп Нялмадджоутэ** - чумылькупские сказки рассказывающая женщина из Нельмача.

Итак, читаем сказку Нины Степановны в русском переводе²

Бык-сын

1. Старик со старухой жили. Ни дочери, ни сына нет, вдвоём старик со старухой живут. Сколько-то старичок жил-жил, говорит старухе: «Жена, я пойду на базар». – С чем пойдешь? Денег-то нет. – У меня три копейки есть, их возьму.

2. Старичок отправился туда, на базар. Вдруг солдат идёт, быка на верёвке ведёт: – Купи быка.

² Селькупский вариант этой сказки был опубликован в 2004 г. в сборнике «Сравнительно-историческое и типологическое исследование языка и культуры: проблемы и перспективы». Томск, 2004. Т.2. С. 174-191.

– Я на что куплю? У меня денег нет. У меня есть три копейки.

– Купи на это. Я тебе отдам за это.

Старичок купил, отправился домой, говорит старушке:

– Я быка купил.

– Ты где деньги взял?

– У меня три копейки было, я на них купил.

3. Сколько-то живут, живут, старушка быка кормит, из быка слово вышло: «Отцу скажи (он звал его отцом). Дочь царя сосватай за меня. У него есть три дочери. Старшую дочь сосватай. Может, отдадут или не отдадут, отдадут – хорошо, не отдадут – так же.»

4. За море переехал. Пришёл царь. Он на крыльце сидит. Царь спрашивает: «Ты почему, дедушка, здесь сидишь?»

– Я пришёл дочь царя взять за быка, он жениться хочет.

– Не знаю, что сказать.

5. Он (царь) трёх дочерей позвал и спрашивает: «Хотите пойти за быка или не хотите?»

Все три дочери рассердились: «Кто за быка выходит? Что смеяться?» За это царь приказал старику голову прочь отрубить, коня назад отправить (вернуть), он туда вернётся, тело и голову в кошёвку положить. Так и сделали. Голову старику прочь отрубили, здесь голова лежит, туловище лежит, лошадь назад вернули (отправили).

6. Конь домой идёт, старушка на улицу вышла, смотрит: у старика голова прочь отрублена. Старуха заплакала: «Ты хотел жениться. Старику голову прочь отрубили.» Бык на улицу вышел (это чёрт), как человек задворки открыл, языком то тут, то там полижет, бык. Старичок, голову почёсывая, встал:

– Хорошо, долго спал.

– Тебе голову прочь отрубили.

7. Живут, живут. Слово из быка опять наружу выходит: «Мать, дедушка, сходи второй раз к царю, вторую дочь сосватать, отдадут или не отдадут.»

8. Старичок мешок взял, коня запряг и отправился к царю. Он на

крыльце сидит. Царь спрашивает: «Что ты, дедушка, здесь сидишь? Что ты хочешь?»

– Чего хочу? Есть у меня сын – бык. Пришёл я сватать вторую дочь, пойдёт или не пойдёт?

9. Всех дочерей позвал царь. Они смеются, сёстры. Первая сестра говорит: «Кто за быка пойдёт?»

10. Старику голову опять прочь отрубили, коня назад повертели, в кошёвку положили голову и тело. Конь дошёл. Старушка видит: у старичка голова прочь отрублена. Старушка заплакала: у старика голову прочь отрубили. Бык сильный был, силы у него много было. Он на улицу вышел, бык вместе положил голову и туловище, тут полизал, там полизал. Старичок, голову почёсывая, встал и говорит: «Долго я спал.» Старушка сказала: «Хорошо ты долго спал. Тебе голову прочь отрубили.»

11. Живут, живут. Бык опять говорит старушке: «Отец пусть сходит третью дочь сватать. Отдадут – хорошо, не отдадут – я море забодаю.» Бык так сказал.

12. Старик опять коня запряг, туда отправился. Туда пошёл, в дом царя зашёл, уселся на крыльце, слово сказать боится.

– Что ты, дедушка, хочешь?

– У меня сын есть, бык. Третью дочь сказал сосватать.

13. Царь трёх дочерей позвал и говорит: «У этого старика есть бык – сын.» У младшей дочери спрашивает, пойдёт она или не пойдёт за него. Младшая дочь говорит: «Куда отдадите – пойду, за быка отдадите – пойду». Старичок обрадовался, домой пришёл.

14. Свадьба через неделю ли, как ли... Бык говорит: «Дедушка, выезжайте на коне, на Сивушке. Я приду.» Так и сделали. Так красиво оделся. Ресницы заиндевели. Такой красивый парень стал. В кошёвке отправился к царю. Две сестры позавидовали, вместе думают: «Почему мы не пошли (не вышли замуж)?» Такой бык хороший парень стал.

15. Старик со старухой уехали на коне, на Сивушке. Он так хорошо оделся, на кошёвке едет, как царь. Ресницы заиндевели. Невеста доезжает.

16. Однажды ночью бык-сын сделал: дом весь блестит, так дом сделал. Старушка поднялась, спрашивает: «Что это такое? Светает что ли?» Дом весь блестит. Ночью так сделали. Красивый дом. Старик со старухой живут.

17. Две сестры завидуют: «Почему мы не пошли (не вышли замуж)?» Сёстры ходили в гости к жениху, невесте. Шкуру бык под кровать положил. Две сестры кровать перерыли, шкуру нашли и в огонь выкинули. Жених пошёл с Вихрем, жене говорит: «Меня ты не увидишь, не найдёшь. Я с Вихрем пойду.»

18. Невеста спрашивает: «Как жить?» Какого-то старичка встретила. Она начала рассказывать ему: «У меня такой бык – муж был! Две сестры шкуру сожгли. Старик (муж) с ума сошёл и с Вихрем ушёл», – говорит старичку. А он отвечает: «Знаешь, ты сделай железный посох и сделай на дерево лазить когти.»

19. С посохом идёт, идёт.

– Фу, какой человек или чёрт идёт?

В дом вошла. На крыльце сидит, ночевать просится: «Теперь поздно, – говорит, – меня ночевать пусти.»

– Ну и что, ночуй.

20. Ночевать осталась у женщины, говорит: «У меня бык-муж был. Однако куда-то с Вихрем ушёл. То ли найду, то ли не найду. То ли что-нибудь знаешь или не знаешь ли?» Она отвечает: «Я ничего не знаю. Разве вторая сестра что-нибудь знает. Завтра отправишься, там ещё избушка маленькая, может, другая сестра знает. А я ничего не знаю.»

21. Ночевали, ночевали, попрощались и так далее, обнялись, пошли к этой женщине. Собака лает так: «Гав, гав, гав, человек или чёрт идёт?» Эта женщина на улицу вышла и так говорит: «Какой человек или чёрт? Это тот чёрт идёт, который моего брата съел.» В дом вошла. Сколько-то сидела, сидела, у этой женщины спрашивает:

– Что, я ночую у вас?

– Ну что ж, ночуй.

22. Ночевала. Спрашивает: «Может, что-нибудь знаешь. У меня

бык-муж был. С Вихрем улетел. Может, найду или не найду?» А она так отвечает: «Я ничего тоже не знаю. Может, самая последняя сестра что-то знает.»

23. Туда шла, шла. Избушка стоит, младшая сестра живёт. Она говорит: «Ты ночуешь, только спрячься, чтоб тебя не нашёл.» Себя булавкой сделала, на печку залезла и воткнула. Он в дом вошёл с Вихрем, так говорит: «Фу, фу, фу, русским духом пахнет.» А младшая сестра говорит: «Каким русским духом пахнет? Везде летал по белу свету, нанюхался, поэтому так говоришь. Никакого русского духа нет.»

24. А она так ей сказала: «В двенадцать часов он придёт. Я припасу семь коровьих шкур. Я его схвачу и в коровью шкуру зашьём.» Женщины так взяли семь коровьих шкур. Он будет носить семь коровьих шкур. Так завернули, зашили. Он сколько-то жил, жил, семь коровьих шкур треснули. Он в человека превратился. Дикая шкура прочь отвалилась. Говорит: «Я человеком стал.» Каким был – таким и стал.

25. Ночевали, утром встали, надо обратно идти. Старик со старухой живы или нет, мать с отцом идти попроведовать надо. Дорога была, была, потом дороги не стало. Смотрит: надо на кедр забираться (лезть). У неё когти были. Когти дорогу долгой, длинной сделали. Поднималась, поднималась на кедр, когти даже оборвались. Потом в белку превратилась, поднималась, поднималась, когти опять оборвались. Она в змею превратилась, опять поднималась, поднималась. Добралась. Опять дорога появилась. По дороге побежала, шла, шла домой.

26. Приходят сюда, где она лезла на верхушку кедра. Жене говорит: «Ты как на кедр залазила? Долго залазила?» «О, долго поднималась. Все когти оборвались,» – так говорит мужу. Здесь от силы метра два, может быть. Это (когти) всю дорогу длинной делают. У сестёр ночевали, поев, и так далее ушли. Здесь ночевали. К последней сестре пошли. Попрощавшись и так далее, ушли домой.

27. Старик со старухой живут или не живут? Домой идут. Бык-сын говорит отцу с матерью: «Меня узнали или не узнали? Я ваш сын.» Они говорят: «Какой наш сын? Он далеко ушёл, нигде даже нет, нигде даже

не слышно. Мы не знаем, жив или не жив». Сын так отвечает: «У тебя грудь есть, молока, может, нет. Когда грудь в рот угодит, значит, я ваш сын.» Так сделала старуха, говорит: «Ты наш сын». Старик со старухой так обрадовались: сын вернулся.

28. Сколько-то живут, живут. Потом говорят: «Кыш-кош» (сказке конец). Я там была, пиво пила, вино пила, по усам бежало, в рот не попало. Так и остались жить-поживать, и до сих пор живут.

Т. В. Аминова

КАК ФОРМИРОВАЛИСЬ ФОНДЫ ПАРАБЕЛЬСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Добро пожаловать в историко-краеведческий музей Парабельского района. Свои двери для посетителей он открыл в 1987 г. Первоначально он создавался как школьный музей. Многие его экспонаты найдены и принесены учениками. Его экспозиции оформляли местные умельцы.

В настоящее время в музее насчитывается более двух тысяч предметов основного и вспомогательного фондов. Но с чего начинался музей?

Одними из первых экспонатов были чучела птиц, подаренных Виктором Чибриковым, работником парабельского коопзверпрохоза.

Горшки, крынки, кашники – посуда наших бабушек – ещё хранились в домах наших земляков. Ими довольно быстро пополнялась коллекция домашней утвари. Но были среди приносимых предметов и довольно интересные экземпляры. Так, в 1988 г. Слава Вялов, тогда ученик 4-го класса, принёс в музей **кадочку** небольших размеров. Её использовала для мочеания ягоды его бабушка Анна Елисеевна Вялова, жившая в д. Заозеро.

На одном из заброшенных огородов Слава Вялов нашёл **косугорбушу**. Такими косами косили в неудобиях жители Архангельской губернии. В отличие от косы «литовки» с длинной ручкой, такой косой приходилось косить наклонившись. Но эта коса позволяет сделать захват стеблей куда больший, чем «литовка», потому что ею косят рубящими движениями направо и налево. Кроме того, особая заточка косы даёт возможность срубить кустарник и даже деревца толщиной до сантиметра. Так что можно и камень (кочку) обкосить, не задев его, и убрать ненужную на покосе поросль.

Наши предки жили в суровом краю и поразительно, что в этой борьбе за существование не только о пользе пеклись, но не забывали о красоте и о радости. Ручка на косе не только прочна, но и изящно выгнута.

Сколько надо было времени потратить, чтобы найти в лесу подходящий ствол! И искали, не ленились...

Учеником Парабельской средней школы Петей Кнаубом была принесена керамическая **курительная трубка**. Нашли её при копке огорода в пос. Заводской. По окружности её тулова выдавлен орнамент в виде штрихов и овалов. Такие трубки изготавливались в Голландии в XVII–XVIII вв. и использовались для обмена с местным населением.

В. Ф. Скирневский пришёл в музей с внуком и принёс удивительный предмет – **бердыш**. Это большой боевой топор, служивший воину также в качестве подпорки для ружья во время его зарядки и стрельбы. Использовался в вооружении стрельцов XVII в. Этот топор для нас ценен тем, что хранился он в семье Дмитрия Марковича Голещихина, жителя п. Даурск, что стоял на р. Парабель. Фамилию Голещихиных носили на-рымские казаки. «Существует легенда, что род Голещихиных происходит от одного из атаманов дружины Ермака по прозвищу Голяш. Родоначальником его в Нарымском крае был Кузьма (Куземко) Сергеев сын Голящихин. Как нарымский казак он упоминается впервые в 1627 г.» (Волков В.. 2009 г.).

А.В. Козина передала костяную **табакерку**, которая принадлежала селькупу из д. Ласкино Виктору Степановичу Малькову. Небольшая по размерам, изящная по исполнению – вполне возможно, хозяйкой этой табакерки могла быть женщина. Она представляет собой восьмигранную призму, на каждой грани которой, кроме двух, процарапан орнамент в виде двух окружностей с точкой в центре. Просверлены два ушка-отверстия, с помощью которых табакерка крепилась у пояса.

Николай Антонович Горюнов, житель с.Нарыма, передал **чугунную дверцу** от печного прибора. Обнаружил он её при разборке одного из старых домов в Нарыме. Печь на Руси издавна была не только источником тепла, но и приметной деталью жилища. В богатых домах её «зеркало» украшали изразцами, облицовывали кафелем. В так называемый печной прибор – чугунные дверцы, заслонки, выюшки – стали вводить детали из латуни и даже из позолоченной бронзы. На нарымской дверце

изображён всадник. Тщательно выписаны палаш на его боку, детали конской сбруи, круп лошади. По периметру дверцы растительный орнамент. Изображения на печных дверцах свидетельствуют о том, что этот вид декоративного искусства в прошлом столетии достиг в России высокого художественного уровня, и дверцы из чугуна стали настоящими архитектурными украшениями печи.

Житель д. Усть-Чузик Фёдор Владимирович Ильичёв и житель ПарABELИ Виталий Кубрицкий неоднократно находили в окрестностях деревни **орнаментированную керамику** – кусочки посуды, относящиеся к эпохе поздней бронзы и другим периодам развития культуры селькупов. Свои находки они передали в музей. Ими же передана **лячка** – глиняная ложка овальной формы для отливки металла в небольшие формы. В лесных избушках находили они керамические тарелки, горшки, сосуды с «носиком» грубой ручной работы. Все эти находки стали нашими экспонатами.

В 1988 г. состоялась первая музейная экспедиция по деревням района. Была организована поездка в деревни Старица, Чановка и Сенькино. Музей пополнился новыми экспонатами. **Корзинка** из прутьев тальника – её сплёл житель д. Старица Павел Яковлевич Михайлов в то время, когда он был мальчишкой и пас коров. В присутствии директора музея Т.В. Аминовой он сплёл **погремушку** из веточек краснопрутника. Стоял июнь месяц, ветки утратили свою природную гибкость, поэтому несколько прутьев надломлено.

От Сергея Феофановича Кустова, старожилы д. Старица, музей получил в дар **берестяную маслобойку, кросна** (ткацкий станок) и приспособления для обработки льна и конопли:

трепало – деревянную лопаточку, которой трепали пясти (горсти) льна, после того как его размяли;

щеть металлическая – к длинной деревянной доске (94 см x 20 см), крепилась на цилиндрических «ножках» квадратная доска (16 см x 16 см) с металлическими шипами (7 см). Такая щеть применялась при первом грубом очёсе отрёпанного льна;

щетень – щетинную щётку для завершающей обработки льняной пряжи передала Ефросинья Никитична Новосельцева из д. Новосельцево.

В 1990-е гг. фонды музея пополнились предметами ткачества. Родные Анны Калиновны Кашеевой и Евдокии Тимофеевны Мороз – старообрядцы. Пришли они в Нарымский край в начале XX в. из земли Тюменской. Обосновались в старообрядческой деревне Чановка. В их семье хранился **рушник** – домотканое полотенце. Холст рушника с орнаментом, так как ткался мастерицей в 6 или 8 нитченок. На концах полотенца кружево – мережка. Принадлежало оно Татьяне Калиновне Кашеевой. Ей же принадлежала **файшонка** – косынка чёрного цвета, сплетённая на коклюшках. Такие косынки носили молодые женщины по праздничным дням.

Нина Степановна Панина, жительница д. Прокоп, передала в дар музею **кушак** своего деда, сосланного в Нарымский край с Алтая. Кушак – длинный мужской пояс домотканой работы (ткали на бёрдышках), служивший для подпоясывания шубы. На красном фоне три дорожки «ёлочкой». В центре жёлтая дорожка, по бокам – зелёные.

В 1992 г. старожил д. Чигара Константин Иванович Сухушин передал в музей самодельные ловушки, предметы быта, которые принадлежали его отцу и деду – Ивану Кононовичу и Конону Семёновичу. Его дом был построен в начале XIX в. Рядом стоял амбар. В нём хранились **кляпцы** – ловушки на лисицу, выдру, зайца. Основная деталь кляпца изготавливалась из самой крепкой части дерева – комеля. В механизме натяжения использовались лосиные жилы. На планке-бойке крепились кованые шипы. **Черканы** – ловушки на более мелкого зверя: колонка, горностая. В такой ловушке используется убойная сила стянутой тетевой ветки дерева, разрезанной пополам.

Из этого же амбара нам досталось несколько предметов быта. **Пудовка** – кадка, в которой одна из бондарных клёпок была длинней и служила ручкой. Обручи изготавливались из ветвей черёмухи или ветлы. Пудовка служила мерой для зерна или муки, в неё входил один пуд (16

кг). **Миска долбянка** – вырезана из комля дерева диаметром 53 см и высотой 23 см. Крестьянами миски использовались в качестве обеденной посуды для горячих жидких кушаний или каши как в будни, так и в праздники. Для общей коллективной трапезы предназначались большие миски. **Декоративный столик**, по-видимому, стоящий в горнице. У него изящная точёная ножка, а на чёрном фоне столешницы с фигурными углами изображены красные птицы на цветущих ветках кустарника.

Летом 1998 г. новосельцевская школа передала в музей 48 бытовых предметов, которые несколько лет собирали учащиеся этой школы под руководством учительницы биологии Зои Васильевны Мариненко, руководившей школьным краеведческим кружком. В коллекцию вошла **набирка**, сплетённая из берестяных полос шириной в 3 см, мастерил её селькуп, а хранилась она в семье Марии Илларионовны и Сергея Степановича Кунгурцевых. Из этой же семьи получены и несколько разнообразных крынок. **Розовая кашемировая шаль** хранилась в семье Апполинарии Андреевны Новосельцевой.

У огромных **чёсанок** (валенок) с орнаментом особая история. В начале XX столетия тунгусы (эвенки) нередко кочевали в пределах Парабельской волости. В одно из таких посещений они подарили священнику Парабельской церкви Малахию Пинтусову эти чёсанки. Но они оказались для него велики, и тогда отец Малахий передарил их церковному старосте из деревни Большая Пашня Куприяну Власовичу Новосельцеву. Позднее эти валенки хранились у Николая Андреевича Новосельцева, родственника церковного старосты.

Из этой же коллекции представляет интерес **детская люлька**. На прямоугольном деревянном каркасе (75 см х 45 см; высота бортика 10 см), соединённом в «шип», закреплён домотканый холст серого цвета. По углам каркаса прибиты кожаные ремешки длиной 80 см. Вторые их концы пропущены через кольцо металлического крючка, который цепляется за бечёвку, стягивающую деревянную дугу. Люльку нашли школьники в заброшенном доме д. Большая Пашня. Подобные люльки использовали в быту остяки.

Житель Парабели Герман Егорович Томилов – активный помощник нашего музея. Многие наши экспонаты найдены им и отреставрированы его умелыми руками. Благодаря Герману Егоровичу с 2000 г. в горнице музея часто звучит **патефон**, которому он дал вторую жизнь. Тогда же им принесена подставка для ножной **швейной машинки «Зингер»**; деревянную столешницу, на которой крепится машинка, изготовил он сам.

В 2009 г. Герман Егорович нашёл и отремонтировал **самопряху** западноевропейского типа. Завезли её, по-видимому, сюда сосланные немцы или же прибалты. У такой самопряхи колесо с держателем для шпульки расположено в горизонтальной плоскости. Все точённые детали станины и колесо со спицами выкрашены цветными полосами – чёрной, красной, жёлтой, зелёной и розовой.

В 2004 г. недалеко от музея во дворе усадьбы Александра Тузакова при земляных работах была найдена **позднесредневековая бляха** с изображением всадника. Археолог Я.А. Яковлев предлагает «... согласиться с теми исследователями, кто считает бляхи с рельефным изображением всадников продуктом работы русских мастеров. Зырянские умельцы, видимо, специализировались на изготовлении ажурных медных и бронзовых украшений... Таким образом, позднесредневековые бляхи с образом всадника являют собой синтез русского искусства с мировоззрением и вкусами хантов, манси, ненцев и других народов Сибири. Эти бляхи связываются с культом Мир-сусне-хума («За народом смотрящего человека» / «Смотрящего за миром»), являющегося согласно мансийскому эпическому циклу младшим, седьмым сыном Нуми-Торума (духа верхнего мира) и Кальтась-эквы (земной матери)». (Яковлев, 1992. С. 58-60).

Старожилы с. Парабели Тихановы, Валентина Константиновна и её сын Виталий Клавдиевич, в 2004 г. передали музею предметы быта своих родных. Дедушка Валентины Константиновны – Александр Семёнович Луговской – сын нарымского купца. В конце XIX в. переселился в Парабель. Его сын Константин служил в лавке купца Ф.Л. Колесникова. В му-

зее хранится копия **аттестата**, который выдал купец Константину Луговскому в 1917 г. «по случаю прекращения мною торговли».

Среди переданных предметов есть грубая гончарная посуда: **горшки, калаванка** (квашня), **корчага**. Также присутствует в коллекции музея изящная посуда из буфета: **сахарница, солонка** в виде уточки, **молочник, чайная чашка**.

Несколько **жестяных коробок** из-под осетровой икры, добываемой в Нарымском крае и расфасованной в г.Томске, – украшение нашей краеведческой коллекции. На этикетке сверху банки надпись «Лучшая икра». По боковой стороне – «Александра Фёдоровича Колесникова въ Томскъ». Торговал, по-видимому, купец и привозными конфетами. Сохранились у Тихановых несколько видов **жестяных коробок** из-под леденцов. На крышке одной из таких коробок (39,5 см x 29,7 см; высотой 7 см) изображена историческая сцена. Надпись под ней гласит: «Торжественный въезд Александра I-го съ союзниками в Париж – 1814 г.». На боковой стенке надпись: «Карамель высшего качества I.Л. Дингъ. Москва» (Иоган Леонгард Динг).

Сестра Парасковьи Квинтеляновны (жены Константина Луговского) – Таисья Квинтеляновна – была большая рукодельница. Шитьё, вышивка, вязание крючком – всё это с лёгкостью и изяществом выполнялось её руками. Переданные Тихановыми **накомодник, подзоры и наволочки, скатерть, мужские рубахи с вышивкой** – вполне возможно, рукоделие Таисьи Квинтеляновны.

Наша экспозиция – ожившая история края, доставшегося нам в наследство. А наши экспонаты помогают ярче её представить и раскрыть. Мы с глубокой благодарностью относимся ко всем, кто доверил нам сохранить частичку нашей богатой истории.

Литература

[1] **Волков В. Именная книга Нарыма** // Тобольск и вся Сибирь. № 11 – «Нарым». Тобольск, 2009.

[2] **Яковлев Я.А. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из северо-западной Сибири** //Орнамент народов Западной Сибири. Томск,1992. С. 58-60.

Э.Л. Львова, И.В. Нам

ЖИВЫЕ ГОЛОСА НАРЫМЧАН

...Чтобы селькупский народ продолжал существовать хотя бы сто лет, нужно продолжать заниматься охотой, рыбалкой, сбором дикоросов, изучением языка, открывать мастерские по изготовлению продукции, сувениров, проводить праздники и развивать культуру...
(И.А. Коробейникова)

В сентябре 2010 г. состоялась кратковременная поездка специалистов ОГУК «Дворец народного творчества «Авангард» (г. Томск) Светланы Ивановны Дроздовой и Андрея Владимировича Чиркова совместно с сотрудниками Томского госуниверситета – этнологом Элеонорой Львовской Львовой и историком Ириной Владимировной Нам – по местам компактного проживания селькупов Парабельского района. Нас сопровождали представители отдела культуры районной администрации Ирина Петровна Фокина, Ирина Анатольевна Коробейникова и Виктория Викторовна Фрайнд¹.

В течение трёх дней мы побывали в районном центре Парабель, в старинном селе Нарым, в небольших поселениях Нельмач и Талиновка. Мы не ставили перед собой серьёзных исследовательских задач. Наша цель была скромнее – посмотреть, чем и как живут сегодня представители коренного населения Нарымского края – селькупы. Впечатлений от встреч было так много, что они, пожалуй, и сегодня не сложились в некую стройную картину. На фоне общих сложнейших проблем, которые переживают наши северные территории, нас более всего поразили благожелательность и гостеприимство нарымчан, мудрость и адекватное понимание времени и ситуации, вызывающие уважение нравственные и этические установки наших собеседников, переживающих сегодня вместе со страной не самые лёгкие времена.

Нам показалось особо значимым и важным представить несколько срезов восприятия нашими собеседниками того, что происходит с их народом, со страной, с миром в целом. Лучше всего это сделать, публикуя

¹ И.А. Коробейникова и В. В. Фрайнд – представители селькупского этноса.

отдельные выдержки из интервью с некоторыми из наших собеседников, которые мы назвали *«живыми голосами нарымчан»*. А полные версии наших бесед в виде видео- и аудиозаписей представлены на диске.

Современные селькупы делятся на две группы – северных селькупов и южных. Северные обитают в Тюменской области и Красноярском крае на реках Тазе, Турухане, Баихе и их притоках. Южная (нарымская) группа селькупов почти полностью проживает в северных районах Томской области – Каргасокском, Парабельском, Верхнекетском, Колпашевском. Южные селькупы подразделяются на несколько диалектно-локальных групп – **чумулькуп**, **шёшкуп**, **сюсюкуп**. Была на р. Тазе и группа с самоназванием **селькуп**, которое учёные распространили для обозначения всего этноса.

Селькупы Парабельского района относят себя к этногруппе **чумулькуп (чу, чумуль – «земляной, глиняный»; куп – «человек»)**.

Когда на берегах Приобья обосновались русские поселенцы в XVI–XVII вв., они встретили там предков современных селькупов, занимавшихся рыболовством и охотой. В середине XIX в. остяко-самоедов, как их тогда называли, в Томской губернии, по данным официальной статистики, было свыше 6,5 тысяч, в начале XX в. (перепись 2002 г.) – 1410 человек, в том числе в Парабельском районе – 265 человек. За четыре века этноним **остяк**, представляющий русскую огласовку хантыйского словосочетания **ас ях**, что значит «обской народ», стал привычным и воспринимается как самоназвание. С 1930-х гг. в официальных документах стал использоваться термин «селькуп» как обобщающий для южных и северных селькупов. Но на территории Томской области этот термин окончательно утвердился лишь в последней трети XX в.

В прошлом нарымские селькупы были рыболовами и охотниками. Вели относительно оседлый образ жизни с выходами на сезонные промыслы. Сегодня они сочетают эти занятия с домашним животноводством и выращиванием овощных культур.

Хотя нарымские селькупы приняли православие ещё в XVIII веке, они и сегодня продолжают сохранять языческие (дохристианские) рели-

гиозные представления и обряды, главной особенностью которых является одушевление окружающих предметов, животных и сил природы.

Двоеверие сделало принципиально возможным межэтнические браки. Кроме русских, частыми были браки с немцами и представителями других национальностей, появившимися в регионе в результате массовой «кулацкой» ссылки и этнических депортаций в 1930–1940-е гг. С 1946 г. у нарымских селькупов не фиксируются однонациональные браки.

Потомки таких браков, как правило, двукультурны, им близки ценности как селькупской, так и других культур – русской, немецкой и т.д.

Антропологические исследования выявляют постепенную смену генфонда популяций нарымских селькупов в результате смешения их с русскими: метисные выборки по усреднённым характеристикам сейчас находятся примерно на полпути биологического маршрута («селькупы – русские»).

В Парабельском районе селькупы живут преимущественно дисперсно. Самая большая их часть живёт в Парабели, и небольшие группы – в Нельмаче, Талиновке, Нарыме, Шпалозаводе. Для них характерна преимущественная занятость в сферах обслуживания, малоквалифицированного и неквалифицированного труда. Имеющие высшее образование селькупы работают в учреждениях культуры, просвещения, управления.

Сегодня можно говорить о высокой степени деэтнизации селькупов Нарымского Приобья, свидетельством чему являются дисперсность расселения, исчезновение мест их исконного проживания (юрты Саиспаевы и Тюхтеревы), почти полная утрата родного языка, невозможность полноценно заниматься традиционными промыслами, межэтнические браки. Но сохраняется еще этническое самосознание, чувство привязанности к своей земле, к своему прошлому. Все эти проблемы нашли отражение в разговорах с нашими собеседниками.

Первым селением на нашем пути был посёлок Нельмач – в переводе с селькупского языка – «густой, крепкий лес». Его основали в 1931 г. селькупы – жители юрт Саиспаевых – села на р. Парабели, имеющего

древнюю и малоизвестную историю. До начала массовой ссылки в Нарымский край юрты Саиспаевы были одним из мест «концентрации селькупской этничности, куда стремились вернуться после многолетних миграционных передвижений по просторам Нарымского края те, кто в них родился» (Н. Тучкова).

Во всех селькупских семьях сохранилась память об исходе нарымских селькупов в 1931 г. на р. Тым в связи с приходом сосланных туда спецпереселенцев. Как поведала нам заведующая Нельмачёвской библиотекой Галина Александровна Обухова, с их появлением остяки стали бояться. Пошёл слух, что их будут закапывать семьями... (копали яму для овощехранилища). Они собрались в спешном порядке, сели в верховые лодки и уехали вниз по Тыму... Но там они не прижились. Там климат им не пошёл, стали болеть. Местная сказительница Аксинья Александровна Саиспаева рассказывала: «О, детка, о, страху натерпелись, мор там был, дети гибли...». И местные их не приняли. Они мучились-мучились... и решили вернуться. А когда вернулись, дома хорошие уже были разобраны. Жить было негде... Поехали тогда вниз по речке Парабели, увидели на берегу место красивое и кедр стоит. Здесь и остановились. Нельмач назвали...

СПРАВКА. В конце 1920-х гг. Нарымский край стал одним из основных районов размещения десятков тысяч спецпереселенцев. Их расселили по жилищам аборигенов, не спрашивая на это согласия. Спецпереселенцы захватывали сенокосные угодья, распахивали пастбища. Это вызвало массовый исход селькупов на р. Тым. Настроения, царившие тогда в «туземной» среде, сохранили архивы. Председатель Нюрольского «тузсовета» остяк Мурасов так высказывался по этому поводу: «...Вот и наши грамоты ВЦИКовским негодными оказались, – и ругнул советскую власть, да так ругнул ... что контрреволюцией запахло... – Я соберу свой сельсовет и пойдем на р. Тым, а в Тыму будет плохо – на Вах, на Ваху плохо – в тундру. За нами и остальные потянутся». С миграционным движением аборигенов пытались бороться. Так, Иванкинский сельсовет запретил им переселяться в бассейн Тыма. Но у сотрудников ОГПУ было

другое мнение: «... Мы, имея неограниченную власть, заселим и р. Тым, так что напрасно туда переселяетесь. А оставайтесь здесь и сливайтесь со спецпереселенцами (а они, как вы знаете, кулаки), так как наша задача все национальности перемешать».

(Из рукописи диссертации М. Ковлягина)

В Нельмаче нашими собеседниками были Агнея Александровна Саиспаева, её дочь и зять – Светлана Георгиевна и Николай Иванович Чинины. У них 6 детей – 5 дочерей и сын, 1 внук. Светлана Георгиевна имеет высшее образование, окончила Томский пединститут. В 1990-е гг. участвовала в общественном движении коренных малочисленных народов севера (КМНС), была секретарём селькупской первичной организации в Нельмаче, а затем председателем, вела кружок по изучению селькупского языка, активно участвовала в художественной самодеятельности. В настоящее время на пенсии. Супруги Чинины ведут большое хозяйство. Николай Иванович занимается традиционными промыслами – рыбалкой и охотой, сбором дикоросов. В лесу у него три избушки, срубленные ещё родителями. Уходит в тайгу обычно в октябре-ноябре.

После Нельмача мы поехали в Нарым. Здесь мы воспользовались гостеприимством Раисы Денисовны Павловой. Раиса Денисовна родилась в Тюхтерево. Жила в интернате народов Севера. Окончила школу в Новосельцево, затем Томский лесотехникум. Работала бухгалтером в Нарыме в леспромхозе. В 48 лет ушла на пенсию по сокращению штатов. Активная участница общественного движения селькупов. У Раисы Денисовны двое сыновей. Старший живёт в Томске, работает водителем такси, младший – предприниматель (охота, рыбалка), живёт в Нарыме.

В Нарыме мы взяли пространные интервью у Галины Ефимовны Мальковой, Ирины Анатольевны Коробейниковой, Раисы Денисовны Павловой и Алёны Юрьевны Луговской. Из Нарыма мы совершили поездку в Талиновку, где нам удалось побеседовать с Галиной Петровной Зенкиной, Светланой Дмитриевной Вороновой, а также с начальником муниципального предприятия «Талиновский лесозаготовительный участок» (ТЛЗУ) Владимиром Петровичем Гончаровым. Расспросили мы и Ирину

Петровну Фокину, и Викторию Викторовну Фрайнд.

По вечерам в Нарыме мы вели долгие беседы с *Ириной Анатольев-ной Коробейниковой*. Ирина Анатольевна – методист по возрождению селькупской культуры в отделе культуры администрации Парабельского района, одна из немногих, кто сегодня хорошо знает язык, культуру, традиции и обычаи нарымских селькупов. Когда в 1989 г. на волне возрождения национального самосознания селькупов было создано общество «Колта куп», его районное отделение в 1990 г. возглавила Ирина Анатольевна. С тех пор ведётся кропотливая работа по возрождению духовного наследия селькупского этноса.

СПРАВКА. На первом съезде селькупов, состоявшемся в г. Колпашево 9 сентября 1989 г., было создано общество «Колта куп» («Обской человек»). На третьем съезде в марте 1992 г. общество селькупов было переименовано в Ассоциацию коренных малочисленных народов Томской области «Колта куп». В её состав вошли шесть районных отделений: Александровское («Ас ях»), Парабельское («Колдэл куп»), Каргасокское («Ай ванна»), Верхнекетское («Кеть»), Колпашевское («Лымбый куп»), Тегульдетское («Чулымец»).

Ирина Анатольевна рассказывает, как всё начиналось: «Когда 9 сентября 1989 года был первый съезд народов Севера в Колпашево, я вычитала об этом в газете «Красное знамя» и поехала туда, чтобы спросить, почему мама остячка, папа остяк, а я селькупка... Меня заметили, избрали в комитет по возрождению письменности, общество создали, проехали по всем деревням. Тут и Раиса Денисовна была, работала с селькупами, в Нельмаче – Василий Иванович Саиспаев, Светлана Чинина. В общем везде серьёзные люди были, и работа у нас шла. Сначала это было добровольное общество селькупов, общественная организация. Мы проводили встречи, выделялись денежные средства на строительство жилья. Потом я обратилась через газету, чтобы примкнули к нам ханты, манси, эвенки... Когда я стала работать после университета в Доме детского творчества, стала объединять все финно-угорские наро-

ды. Мы проводили в Доме детского творчества встречу трёх поколений, дедушки приходили, их дети, ученики, которых в ту пору было около 50 человек. Откликнулись чуваша, мордва, марийцы, удмурты... Когда я баллотировалась в Думу, я писала, что мне бы очень хотелось в Парабелли построить Дом дружбы народов. Ежегодно мы стали проводить 1 мая праздник дружбы народов... Тоже через газеты обращалась, комитет собирали, тут могли познакомиться с армянами, татарами, немцами, белорусами. У каждого свои костюмы, украшения, у каждого своя национальная кухня. Мы впервые услышали музыку, это было так красиво! Кресс приезжал, он тоже нас поддерживал. Нас стали приглашать в Томск, мы выезжали целым автобусом и выступали, чум ставили...»

«...Ещё был съезд в Москве, когда мы с [С.М.] Малиновской ходили к министру образования Веселову и говорили о том, что есть лаборатория², которую никто не финансирует, а у нас создано общество возрождения языка, национальных промыслов, территорий приоритетного природопользования, культуры. Мы обо всём говорили, он понял, стал финансировать лабораторию, появились специалисты, был издан словарь³, но этот учебник был на диалекте *шёшкуп*⁴, специально для Иванкинской национальной школы, где преподавала селькупский язык Иженбина Наталья Платоновна. Мы же стали изучать наш язык — *чумылькуп*. Я на общественных началах раз в неделю собирала детей в основной общеобразовательной школе. Нам дали кабинет иностранного языка, было 12 детей селькупских. Отдел защиты населения снабжал талонами проездными, два года я проработала на общественных началах. Потом в 1992 г. была международная конференция в городе Самбатхей [Венгрия], я приехала туда и узнала, что по материалам, которые мы собрали, уже готовится разговорник на нашем диалекте. Это было великое счастье...»

«Потом я написала программу по изучению селькупского языка, её

² Лаборатория языков народов Сибири в Томском государственном педагогическом университете.

³ Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский [шёшкупский диалект]. Томск, 1994.

⁴ Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Шёшкуп букварь. Томск, 1993.

отправила в лабораторию, она была одобрена комиссией во главе с О.А.Осиповой, А.А. Ким. Были сделаны рекомендации, и я несколько лет работала по этой программе... Эта программа на три года и рассчитана на детей, которые интересуются возрождением не только языка, но и культуры самой. Чтобы дети знали, что идёт возрождение, сохранение селькупской культуры, что у нас есть знаменитые люди, и чтобы они их знали и гордились, литература издаётся для нас, сказки печатаются. В этой программе несколько тем, самые главные – школа, семья, жилище. Мы можем переводить, читать, орнаменты изучаем, костюмы наши, обряды... Я написала свой словарь-диалект...»

СПРАВКА. В начале 1990-х гг. в Томской области была разработана комплексно-целевая программа сохранения культуры народов Севера. Большую роль в сохранении селькупского языка сыграли учёные Томского государственного педагогического университета (В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко, А.А. Ким, Ш.Ц Купер, Н.П. Максимова). Были изданы учебники, словари и методические пособия по селькупскому языку для разных южноселькупских диалектов: Шёшкуй букварь (1993 г.), словарь селькупско-русский и русско-селькупский (1994 г.), Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводом на русский язык (1996 г.)) и др. В Парабели и Нельмаче началось преподавание селькупского языка. В Иванкине (Колпашевский район) ряд предметов в начальной школе на селькупском языке вела Н.П. Иженбина.

Рассказывает Ирина Петровна Фокина: «С тех пор как разработана программа и начали выделяться средства на эту программу, был создан отдел селькупской культуры, вначале его возглавляла Вера Петровна Тузакова, когда она уехала, – Виктория Викторовна Фрайнд. Был создан творческий коллектив «Варг Кара»: ансамбль танца, которым руководит Зоя Михайловна Барышникова, и ансамбль песни под руководством Надежды Петровны Калинкиной. Две группы работают вместе. В прошлом году начал зарождаться селькупский театр...»

СПРАВКА. Селькупский ансамбль этнической песни и танца «Варг Кара» («Большая деревня») был создан в 1995 г. Уже первые его постановки произвели большое впечатление на зрителей. Ансамбль тесно сотрудничал с активистами селькупского общественного движения, в частности, с И. А. Коробейниковой. Совместно был проведён первый межрайонный праздник коренных народов. «Шаманский номер», «Шишкари и казары», «Песнь уходящим»... Каждой последующей постановке предшествовала большая исследовательская работа. Она начиналась с изучения литературы по истории и традициям селькупов, включала в себя подбор музыки, аранжировку, написание песен, исследование орнаментов, изготовление костюмов. Сегодня костюмы ансамбля «Варг Кара» считаются одними из лучших в области – их эскизы максимально приближены к традиционной селькупской одежде, орнаменты и силуэты достоверны. С 2001 года ансамбль использует восстановленные народными умельцами национальные музыкальные инструменты: кагабылька, бубен, варган, чинг, панан-юх. Особый колорит и зрелищность в выступления ансамбля приносят ритуальные танцы, шаманские действия, национальные обряды. Они переносят зрителя в далёкий мир шаманов, легенд о богатырях, поклонения зверям и птицам...

Рассказывает Виктория Викторовна Фрайнд: «В 2003 году был проведён первый фестиваль областного уровня «Все в юрты в гости к нам», на который съехались различные коллективы. Он проходил на стадионе в Парабели, а позже его уже стали проводить на берегу Оськина озера. Последний фестиваль был построен так: концертная часть проходила на стадионе в Парабели для жителей, а вторая часть прошла на берегу Оськина озера. С 2005 года мы написали программу развития. Нашей работе способствует то, что Ирина Анатольевна с 1989 года занимается национальным движением, она долго возглавляла районную ассоциацию коренных народов, участвовала во многих этнографических экспедициях по составлению словаря, много написала программ по изучению народного творчества для детей (у неё есть и авторская программа). С 2000 года я стала принимать участие в семинарах по традицион-

ному природопользованию, по сохранению культуры, проводимых нашей областной ассоциацией. Много было проектов по написанию грантов, как участвовать в грантовой деятельности. Практически каждый год по два раза мы выезжали в Томск для участия в семинарах. В прошлом году мы выезжали всей делегацией (ездили и Ирина Петровна, и заместитель главы администрации Елена Анатольевна Резанова) на семинар по этнотуризму. Этот семинар проводила ассоциация. В последнее время мы стали активно участвовать в парабельском туризме, этим занимается Юрий Юрьевич Тобольжин. Но для нас это «внешняя» работа – то, что видят область, ассоциация, район. «Внутренней» работой мы называем то, что мы с 2000 года объехали все посёлки (были в Луговском, Нарыме, Нельмаче, Новосельцево, единственное, в Талиновке не были)... Мы тогда выбирали Юрия Юрьевича председателем районной организации. Во время поездок нам активно помогал Михаил Юлков – активист среди русских. Совместно с ним мы составляли анкеты, проводили анкетирование, встречи при главах селений, брали у них статистику, какая работа ведётся с коренными жителями (сколько у них детей, сколько мужчин, сколько женщин, состав семей). Когда мы поездили, провели собрания, то выяснилось, что все селькупские мужчины занимаются традиционным хозяйством – рыбалкой, охотой, собирательством ягод и грибов, и практически все признают свою национальность (хотя сами селькупы говорят, что не разговаривают на своём языке, не знают культуру)... Сейчас на таком рубеже, как семь лет существования отдела, культурная часть вошла в традицию – у нас есть фестиваль «Культурная Россия», который мы проводим уже два года. Это федеральный проект Министерства культуры, который мы выиграли.... В данный момент мы хотим сделать упор на изучение языка и создать национальный театр, некоторые сценки на народном языке уже ставили (в перспективе хотим создать легенду на своём родном языке). В этом году мы написали новую программу, рассчитанную уже на пять лет. Посмотрим, как она начнёт работать...»

Рассказывает Агния Александровна Саиспаева: «Мои родители в Саиспаево родились, в Нельмаче померли... Я тоже в Саиспаево роди-

лась. Меня полугодовую повезли в Тым, а оттуда которых на подстилках увозили, болели сильно цингой. Вот приехали сюда, в Нельмач, на правую сторону р. Парабели и остановились. А тут спецпереселенцев привезли, а они так стали пакостить, а потом милиционера вызовут и говорят: остяки сами скотину заколют, бросят, а на нас спирают. Это мама так нам рассказывала... Остановились, они давай печку копать, мука-то была, наводили тесто и стряпали. У одного брата баня была и у другого. Они потом перевезли их сюда из Саиспаево и начали строить здесь...»

Э.Л.: А старинные жилища, карамо, строили здесь?

А.А.: Было карамо, было, на той стороне было. Я там даже была...

Э.Л.: А окна были?

А.А.: Окна были, светло было, ну, как сказать, крыша была, а там стекло было. В крыше делают, раньше-то света не было...

Э.Л.: А крышу как покрывали? Дёрном или берестой?

А.А.: Бересту драли, потом вот жердяк рубили и заделывали, и сюда бересту клали, потом землёй засыпали...

И.В.: А если крыша стеклянная была, дождь, снег – это не ломало стекло?

А.А.: Оно во лбу было, оно прямо было, как на чердаке, ну, а раньше всё в бересте было...

Э.Л.: А где в Нельмаче был священный кедр, особое дерево, какие обряды там проводились?

А.А.: А что-то это поминали, стояла ёлка за озером, и туда черканы вешали...

Э.Л.: А какой приклад носили к этому дереву?

А.А.: Ну... какие-то тряпки вешали, это было, а так не помню...

Э.Л.: А можно было вино пить, водку брызгать?

А.А.: Не помню такого, а раньше кака водка была?

Э.Л.: Мужчины ходили, или женщины тоже могли ходить?

А.А.: Кому надо, что он повешает туда, все, наверное, ходили...

Э.Л.: А вы там бывали?

А.А.: Ну да, а что... Она стоит там здоровая ёлка такая, она, на-

верное, долго стояла, а потом упала от старости...

Э.Л.: А когда сюда приехали, где-то работали?

А.А.: Я по дому работала всё, а потом, когда колхоз-то был, в колхозе работала. На той стороне колхоз был, муж мой в сельпо работал охотником...

Э.Л.: А сколько вам лет было, когда вы замуж вышли?

А.А.: Наверное, годов 18-ти вышла, молодая вышла...

С.И.: У вас огород был?

А.А.: Огород был...

С.И.: А продукты где покупали?

А.А.: Ларёчек был, тогда это называлось «Сибпушнина». Ну а потом уже в Кучах магазин был, в Саиспаево магазин был. Корьё дерём, дуб назывался, талиновый, дерёшь, потом в пучки завязываешь, корьём завязываешь, сушишь, а потом в лодку и везёшь в Кучи, сдашь, а на эти деньги уже сахар, спички, соль, муку, крупу наберёшь...

Э.Л.: А до этого сами ничего не делали?

А.А.: Нет, ячмень сеяли, а потом мамка сушила, а потом толкли, на ветру провеивали, это чтобы кожура отпала. Суп варили, кутьёй называли...

С.И.: А муж работал, рабочие дни были, выходные, праздники?

А.А.: Раньше все праздники праздновали, это сейчас не празднуют, а по сути, если разобраться, то когда праздновать, все дни на работе, надо дома что-то поделаться...

С.И.: Праздники были советские?

А.А.: И советские тоже праздновали, а советские какие были: Новый год, 7 ноября, 1 мая... Когда в Кучи пойдут старухи, но женщины были, туда уйдут в магазин, когда ещё весна, а обратно идут – снег пошёл. А на май снег падал. А наши праздники... их много было, я сейчас и не помню: Рождество, Крещение, Масленка, Пасха...

Из интервью с супругами Н.И. и С.Г. Чиниными

Э.Л.: Как давно вы проживаете в Нельмаче?

С.Г.: Я здесь родилась.

Н.И.: Всю жизнь. Привезли маленьким из с. Победа в верховьях Парабели, полтора года было.

Э.Л.: Кто ваши родители?

С.Г.: Селькупы.

Э.Л.: Чем они занимались?

С.Г.: Мама с 12 лет начала работать. В военные годы рыбу добывали... Это было в Саиспаево. Ягоду добывали, грибы. На это и жили. А папа – просто разнорабочий, специальности у них у обоих не было, кочегарил на вахтах, сторожил.

Н.И.: Отец родился на Васюгане где-то, а мать – в Хабаровском крае. Она – русская. Мамина семья была сослана из Хабаровского края. Отец – селькуп, но смешанного происхождения, отец только у него чисто русский.

Мать работала сторожем на Нижней базе, на берегу, отец – заправщиком.

Э.Л.: Помните ли имена своих бабушек, дедушек, прабабушек, прадедушек?

С.Г.: Бабушка – Варвара, дедушка – Александр. Из Саиспаево ездили на Тым искать лучшей жизни, потом обратно вернулись. Сначала устроились на левом берегу Парабели, а теперь здесь уже вот... Старые люди говорили, что Нельмач наш как бы проклинали... Жили своим кланом, а потом приехали русские... Точно не скажу.

Э.Л.: Когда были времена расцвета Нельмача?

Н.И.: Лучшие времена для Нельмача – 80-е годы прошлого века. Тогда и работа была. В 8-летней школе учились 100 с лишним человек, а сейчас 1-2. По 24 человека в классе было.

Э.Л.: Почему так произошло?

Н.И.: Производства нет, всё позакрывалось. Молодёжь поехала... Никто не остаётся... Раньше и техника была. А сейчас приезжают то новосибирские, то томские... Сначала купят, потом бросят... Лес берут отсюда, а нашим работы нету.

Э.Л.: Как вы поддерживаете связи с родственниками?

С.Г.: Раз в неделю, а то и чаще... В пятницу они к нам. Баню топим. Борщ, пироги... Когда внук родится – обмыть его надо. Детей крестили всех, кроме сына. Он у нас занятой, работает в Парабели в северных селях... Все живут в Парабели со своими семьями...

Э.Л.: Кто владеет селькупским?

С.Г.: Никто. Я только по книге могу маленечко, со словарём. Раньше это не было принято, потому что дразнили нас...

Э.Л.: Как вы относитесь к ранним брачным отношениям?

С.Г.: Отрицательно. Нас воспитывали строго. И мы своих так же воспитываем.

Э.Л.: Советовались ли с вами дети при заключении семейных союзов?

С.Г.: По-разному. Не всегда нас слушали...

Э.Л.: В прошлом существовали ли различия в воспитании мальчиков и девочек?

С.Г.: Нет. Мы воспитывали одинаково. И Ваня, и девчонки делали и мужскую, и женскую работу. У Вани, старшего, даже кукла была.

Э.Л.: Как у вас относятся к пожилым людям, к старикам?

С.Г.: Мы за мамой ходим... Возьму дядьку. Мне его жалко. Дети за ним не смотрят. Лишь бы выпить. Плохая у него участь... Но в основном за стариками ухаживают. А кто пьёт, за стариками не ухаживает.

Э.Л.: Как часты разводы в селькупской семье?

С.Г.: В Нельмаче-то есть, а в нашей родне разводов нет.

Э.Л.: Тонкий вопрос, существует ли ситуация, когда человек живёт в браке, но существует другая семья? Есть ли такое, и как вы к этому относитесь?

С.Г.: У нас нет, не знаю, у нас не слышно.

Э.Л.: Верите ли вы в Бога?

С.Г.: Конечно.

Н.И.: Ну я крест ношу! И крестился, и крестил детей.

Э.Л.: Что означает вера в Бога?

С.Г.: Я не знаю, как ответить, затрудняюсь.

Э.Л. На церковь креститесь?

С.Г., Н.И.: Нет.

Э.Л.: В церковь ходите?

С.Г.: По возможности. В Парабели не ходим. Если бываем в Колпашево, там у меня сестра, или когда в Томске бываем...

И.В.: А в Парабели почему?

С.Г.: Ну, не верю я такому попу. Но когда крестили здесь народ, я была, даже на исповедь ходила, а так – нет.

И.В.: А в Томске какие службы посещаете?

С.Г.: Люблю слушать, когда поют...

Э.Л.: А праздники вы празднуете? Пасху? Рождество?

С.Г., Н.И.: Да. На Пасху яйца красим...

Э.Л.: Как вам кажется, от чего зависит поведение человека? Его совесть или что-то другое? Селькупские или русские традиции?

Н.И.: Честность.

С.Г.: Он у нас честный мужчина. Он лжи не любит.

Э.Л.: Формы проведения досуга?

С.Г.: Дети не очень, а я люблю петь. Дома пою. Образования специального нет. Просто на слух. Спеть могу, но только под караоке...

И.В. А селькупские песни поёте?

С.Г.: Нет, а хотелось бы...

Э.Л.: Что окружающие вас люди знают о селькупах?

С.Г.: Мало что.

Э.Л.: Как вы считаете, что именно должно быть исследовано, какую область селькупской истории нужно изучать специально?

С.Г.: Специально, я бы за всё...

Э.Л.: А о князце Воне что-нибудь слышали?

С.Г.: В Парабели больше об этом знают...

И.В.: Как вы думаете, что будет дальше с селькупками?

С.Г.: Забудут, ничего не будет...

Э.Л.: На выборы пойдёте?

С.Г., Н.И.: Пойдём. Мы ходим всегда. Может быть, наш голос будет

решающим...

Из интервью с Раисой Денисовной Павловой

Р.Д.: Я родилась в 1964 г. и выросла в деревне Тюхтерево. Раньше мои родители и бабушка жили в Пыжино. В Тюхтерево родители похоронены. Ну а мама у нас с русской стороны, отец её, мой дед, был ссыльный поляк, а бабушка местная. В Парабели Крымские живут, Вяловы, Деевы – это всё родственники с маминой стороны. Мамину сторону мы мало знаем, а роднимся по отцовской линии... По отцовской линии родственников мало осталось, и они разъехались, кто в Каргаске живёт, в Томск переехали многие, местные есть мартыновские, Яков – мой двоюродный брат, его сын в Шпалозаводе живут, а его дочери в Томске, мы с ними часто общаемся. А многие уже умерли, отец умер в 57 году, ему было 32 года...

И.В.: А о ссыльном поляке сохранились документы или воспоминания?

Р.Д.: Я его, во-первых, не видела никогда, не знаю, он умер в 53 году, старшая Галина могла его помнить...

И.В.: А когда его сослали, за что?

Р.Д. В 20-е годы, после революции, откуда-то из Винницкой области. Во время войны жили они в Нарыме...

И.В.: А фамилия как?

Р.Д.: Грядюшко, мы писались по маме. И что интересно, фамилии такой нигде и никогда не встречалось. Документы сохранились, и нет, чтобы найти родственников, а мама ещё в стародавние времена сказала, не троньте, раз сосланы, значит из кулаков. Боялась.

И.В.: А как общаетесь, в гости, в праздники?

Р.Д.: В гости. У нас в Томске есть сестра Мартынова Татьяна и приёмная сестра Колотовкина Светлана. Нас четверо было, и у неё мама умерла Агафья Егоровна, по крови она нам тёткой приходилась по отцовской линии. Выросли как родные сёстры, общаемся. В гости приезжают. На кладбище надо сходить, есть возможность, выезжаем. Раньше съезды собирались, а сейчас всё запустело, встречаемся только по род-

ственной линии.

И.В.: Селькупские собрания когда прекратились?

И.А.: Когда Тобольжин начал возглавлять, лет 7 назад, он занимается предпринимательской деятельностью, некогда ему. Вот он когда начинал, тогда последние годы и ездили, учёба была, организовывали общины, и праздники проводили.

И.В.: А его шаманские способности?

И.А.: Сценический образ.

И.В.: У него были предки шаманы?

Р.Д.: Его как выбрали председателем, после этого создали сценический образ.

И.А.: У него мама русская, папа селькуп.

И.В.: По-селькупски говорите?

Р.Д.: Немного, потому что жили в русской семье. Отца мы не помнили, Людмила с бабушкой плохо общались, в интернате жили, стеснялись, там же обзывались, психика нарушена с детства, второсортными называли себя...

Интервью с Алёной Юрьевной Луговской

И.В.: Представьтесь, пожалуйста. Расскажите о себе, где вы родились, кто ваши родители?

А.Ю.: Луговская Алёна Юрьевна. Второй раз замужем, имею троих детей. Моя мама перед родами жила в Тюхтерево, как раз перед моим рождением её привезли в Нарым, там я и родилась, а после больницы меня обратно увезли в Тюхтерево. Там мы прожили несколько месяцев... потом уехали во Львовку, потому что маме надо было работать.

И.В.: А кто ваши родители?

А.Ю.: Моя мама, Шадрина Людмила Денисовна, по национальности селькупка, отец, Юрий Степанович, русский... не знаю, может у него есть что-то селькупское в крови, потому что бабушка на русскую мало похожа. Родители живут сейчас в Пудино. А мы здесь проживаем...

И.В.: А своих бабушек, дедушек знаете?

А.Ю.: Бабушка Вера Иосифовна Грядюшко, а дедушка Мартынов

Денис Антипадистович. Его я не знаю, потому что он умер, когда моя мама еще маленькой была.

И.В.: Бабушка у вас полячка была?

А.Ю.: Да...у неё в роду были и поляки, и украинцы... тоже кровь смешанная...

И.В.: По селькупской линии вы до какого колена знаете своих родственников?

А.Ю.: Дед Денис, прадед Антипадист... Когда родословную составляли, то там много всех... Вот так посмотришь на такие роды, в которых общаются люди, и можно сказать, что наш род выделяется, потому что всегда вместе ещё с Тюхтерева... Это родное Тюхтерево, наверное, сплачивает нас, потому что мы все, особенно летом, собираемся там...

И.В.: Кто там собирается обычно?

А.Ю.: Там собираются мамы, тётушки, племянники, все туда приезжают. Дети уже наши туда ездят... Летом есть вариант поехать в лагерь. К примеру, кому-то из детей нынче предлагали, а ребёнок отказался и сказал, что поедет в Тюхтерево. «Мне не надо в лагерь, я поеду в лес, буду собирать грибы, ягоды», – сказал он... Вот тоже задаёмся вопросом: а что там интересного такого? Как ребёнок туда поедет – там ни света, ни компьютера, ни телевизора, ничего нет! Дети просто говорят, что хочется туда, всё равно, что там делать нечего...

И.В.: Это ваша родовая деревня получается?

А.Ю.: Да... может какому-то чужому человеку там делать нечего, а так приедешь туда, там всё родное... там лес рядом, это как продолжение дома, как во двор к себе вышел... и грибы, и ягоды... Кому-то, может быть, что-то не интересно, а вот ребятишки ездят... им и грибы пособирать нужно...

И.В.: Там у вас и дом есть?

А.Ю.: Да, несколько домов есть. Отдельно все живут, каждый в своём доме. Раз по двадцать мы друг к другу в гости приезжаем за это время.

И.В.: Сколько там домов?

А.Ю.: Жилых даже и посчитать не могу... наверное, около десятка... Есть и нежилые.

И.В.: А ещё, кроме вас, кто там живёт, есть такие же роды, которые собираются?

А.Ю.: Нет, там уже отдельные люди собираются, но и то их мало.

И.В.: Вы в Тюхтерево росли, там родители ваши жили, может, ещё кто жил?

А.Ю.: Бабушка там жила, баба Вера... она замуж вышла за деда Дениса, а дед Денис там жил, он селькуп, а бабушка русская...

И.В.: А родители деда Дениса тоже там жили или нет?

А.Ю.: Я точно не знаю. Мама всё про бабушку Варвару рассказывает... Эта бабушка всё время с ними везде ходила, она, по-моему, сестра деда Дениса...

И.А.: Мы все за этой бабушкой Варварой бегали, она нас учила танцевать...

Э.Л.: Вы свой род ощущаете? А какие-то особые качества приписываются вашему родовому сообществу – способности учиться, лидерствовать, ещё что-нибудь?

А.Ю.: Наверное, сплочённость только... Ещё что интересно, так это шутки необычные... Другим людям, которые не наши, их не понять, а вот когда подольше поживут с нами, тогда начинают понимать... Даже когда мальчишки приезжают и с братьями начинают общаться, то они начинают теряться, когда кто-нибудь что-то скажет, только потом начинают понимать, что это шутка была... И в Тюхтерево как-то здесь встречаемся, общаемся, но когда там такое общение, там всё вспомнят, там всё насочиняют – и стихи, и песни...

И.В.: А вы сколько времени живёте в Тюхтерево летом?

А.Ю.: Я вообще на выходные туда езжу, потому что работаю, и когда в отпуске, то там периодами нахожусь...

И.В.: А зимой там никто не живет, да?

А.Ю.: Мальчишки зимой жили там, они рыбачили... весну всю пробыли... Вот туда приедешь, и начинают, мы маленькие даже были там,

все песни переделают они по-своему, мотив тот же, а слова новые... вот я помню «На недельку до второго я уеду в Тюхтерево...» и всё остальное... И сейчас тоже, ночью уже спать легли, лежат и делать нечего, спать не хочется и начинают – один сказал, другой добавил, и пошло у них... И как-то вместе и дружны, и не ругаются... все вместе друг другу помогают...

Э.Л.: Кто из вас считается самым красноречивым?

А.Ю.: Да я даже не знаю... смотря в какой ситуации... а так поговорить... Мама учителем работает, и такие риторские способности у неё есть...

И.В.: А мама что преподаёт?

А.Ю.: Начальные классы, как и я.

И.В.: Сколько сейчас в школе начальных классов?

А.Ю.: Четыре, но я сейчас там не работаю.

Э.Л.: По какой программе сейчас учат детей?

А.Ю.: «2100», по-моему...

И.В.: Но вот мы узнаём, сколько ваших выпускников поступило в этом году в наш университет и на наш факультет... Среди них, в том числе, и Настя Колотовкина...

А.Ю.: А вот у Насти в роду нет селькупов? Мне кажется, что должны быть...

Э.Л.: Как вы приучаете своих ребятишек к охоте, рыбалке?

А.Ю.: Маленькие за родителями везде ходят, за бабушками, за дедушками. Когда Полинка у меня маленькая была, вот дед её посадит... как весна придёт, им охота на обласке покататься, а мне страшно, там вода так разольётся ... А они втихушку, пока я не вижу и не слышу... Их нет дома, и я бегу до бабушки, узнать, где они, а они в кусты на этом обласке...Наталья деду – дай мне сеть, я тут сеть поставлю, там у них поляну заливают, ну где-то с метр воды получается, и забор у них стоит, вот ты мне дай эту сеть, я её к забору привяжу и буду рыбачить... Ставили они, она тут как-то карасей ловила...

Э.Л.: А какие самые строгие запреты существуют в вашей семье по

отношению к детям?

И.В.: Что можно, а что нельзя?

А.Ю.: Ну, я даже не знаю...

И.В.: У японцев, например, детям до пяти лет всё можно, а после пяти строгое воспитание начинается.

А.Ю.: У нас чужое брать нельзя... и врать нельзя... не люблю это... лучше честно в глаза сказать – прав или не прав... Маленькой тоже хочется схитрить, а потом бежит – это я сделала!

Э.Л.: За что вы их больше всего хвалите и хвалите ли вы их вообще?

А.Ю.: Когда сделают что-нибудь такое, то конечно... Вот ребёнок, молча копал картошку, бордюр сделал...

Э.Л.: Дружные у вас ребяташки?

А.Ю.: Всякое бывает – где поругаются, а где вместе... Есть такое, что между собой ругаются... Но не дай Бог, кто-нибудь чужой обидит, там уже все встанут... У нас так же и со старшими будет, поэтому никто не трогает, даже слова плохого не скажет, потому что боятся... У нас же мальчишки здоровенные такие, попробуй кого-нибудь обидь... Никогда не оскорбляют, ни плохого слова... никогда, за своих горой...

И.В.: А двоюродные братья, сёстры у вас есть? Их много?

А.Ю.: Много... Ну вот получается, что у тёти Раи двое, у тёти Вали их пятеро было, Саньку похоронили, четверо у неё осталось... Ну ещё у маминой сестры, но она не от этого отца, там тоже трое... Уже и племянников там много всяких разных... ну, у нас двоюродные как родные считаются. Некоторые удивляются, говорят, что не помнят троюродных... Как не помнить своих троюродных?! Я не знаю... Вот у брата, когда свадьба была, то троюродный брат приехал...сестра тут тоже – вот свадьба, это же столько родни... половина Нарыма... А приглашать и двоюродных (они как родные), и троюродных надо...все должны быть...

И.В.: И всех приглашаете?

А.Ю.: Всех...

Э.Л.: А что дарят?

А.Ю.: Кто что...

И.В.: А что-нибудь такое селькупское? А в свадьбах присутствуют какие-нибудь селькупские традиции?

А.Ю.: Даже не знаю...

И.В.: Или там всё по-русски?

А.Ю.: Там всё по-русски...

И.В.: А ничего селькупского не привносится?

А.Ю.: Разные обычаи есть... Вот сколько я на свадьбах была, каждый что-то своё привносит...у нас тамады как такового здесь нет... сами себе тамады... сами здесь и сочинят, и поздравят, и споют, и всё что угодно сделают...

И.В.: А что-нибудь вроде выкупа делается?

А.Ю.: Ну, наверное, как обычно...туфли снимают, невесту крадут...

Э.Л.: У чулымцев когда-то было принято калым платить карасёвыми языками... До 100 штук. У вас ничего подобного не было?

А.Ю.: Когда рыбу привезут, то страшно смотреть на невод, там «каша» из рыбы...

И.В.: Алёна, скажите, а вы селькупский язык знаете?

А.Ю.: Как сказать... слова какие-то знаю... вот в обиходе они вылетают, это, наверное, от бабушки пошло... Когда мы отдельно в Нарыме живём, то такого нет, а вот там, когда все вместе живём, тогда да... наверное, там атмосфера такая... это автоматически получается.

Э.Л.: Вот немцы в Кожевниково устроили летний языковой лагерь. Наверное, вам такое же надо сделать...

А.Ю.: Если бы такое было, общение это совместное, то это было бы эффективнее, чем всё остальное, наверное...

Э.Л.: Подумайте всё-таки об этом, чтобы хорошего знатока языка привозить и программу заложить!

В.В.: Давно уже существует эта идея, чтобы на берегу Оби сделать летний лагерь для молодёжи... Но когда начинают этим заниматься, то там столько юридических вопросов... И вот сколько раз поднималась эта тема, но до практики не доходило... Все районы согласны хоть по 20,

хоть по 50 человек привезти, но всегда на половине пути останавливаемся...

Э.Л.: Такие лагеря языковые есть на Тунгуске.

В.В.: Вот к нам туристов – немцев привозили один раз... Вроде они там ночевали, палатку ставили, но опасно в наше время... Нужно, чтобы место охранялось.

А.Ю.: Это лучше где-то на базе поселения селькупов организовать...

В.В.: Да, в Тюхтерево организовать бы такой лагерь, это обсуждалось в Томской области...

А.Ю.: Да, где юрты были...

В.В.: Конечно, мы это все желаем, но когда начинаешь оформлять это всё юридически, то начинаешь с проблемами сталкиваться: с сан-эпидемстанцией, с охраной, с милицией, и начинаются какие-то свои подходы, когда речь заходит о народности...

А.Ю.: Вот из глубины детства я вспоминаю какие-то слова...

И.В.: То есть для вас всё-таки важно, чтоб был язык, чтобы была возможность на нём общаться...

А.Ю.: Ну, всё равно было бы интереснее... Даже так вот, смехом, иногда между собой мальчишки начинают кто что говорить... даже какие-то обычаи мелькают всё равно – как кто там рыбу чистит или как кто поставил сети... как-то по-своему... Можем даже сравнить в этом плане русских и селькупов и увидим различия...

Э.Л.: Однажды были у заболотных татар, они нам сказали – вы, русские, есть рыбу не умеете! Что они делают – они только надрезают у жаберных щелей чуть-чуть, вытаскивают кишочки, вынимают всё горькое, желчь, а всё сало соскребают и заправляют обратно...

А.Ю.: А у нас всё это сало соскребается, внутренности выступают как отдельное блюдо... Всё лето мальчишки рыбачат, рыбу наловят, посолят её, а внутренности – это самое вкусное...

Э.Л.: Заболотные татары меня поразили ещё тем, что они изобрели лыжи, чтобы ходить по болоту... Думаю, что у селькупов такого не было...

Эти лыжи расширяются как крылья ласточки сзади, они сделаны так, что у них образуется дырочка, поэтому, когда они по вязке болотной идут, вода выступает через эту дырочку, и они таким способом передвигаются... Ещё что нас поразило, так это то, что они купали детей в корытцах из пихтовой или кедровой коры... Вы представляете, что это такое, налить горячую воду в ведро из пихтовой или кедровой коры... Мы ни одного сопливого ребёнка не видели... это было в начале 1980-х годов...

И.В.: Как вы думаете, что ещё можно сделать, чтобы селькупы сохранялись как самостоятельный этнос, чтобы культура и язык сохранились?

А.Ю.: Существует на данный момент общая проблема – все сейчас выезжают в город, подальше... не остаются уже...

Э.Л.: Вы для детей какую жизнь планируете – городскую, сельскую?

А.Ю.: Как они сами захотят... Тут разговаривали между собой, что деньги на переселение дают, буквально сегодня, наверное, никого и не останется здесь. Я говорю – нет, останемся... я в город уже не поеду, я уже не городской житель... Вот был бы вариант в Тюхтерево уехать, я бы туда уехала, вот там бы я пожила...

И.В.: Алёна, а как вы чувствовали себя в городе, когда там учились?

А.Ю.: Я чувствовала себя не в своей тарелке. Когда я после школы поехала туда учиться, я там два года рыдала, потом я не стала учиться очно и перевелась на заочную форму обучения... Туда приезжала, я даже дышать там не могла... мне воздуха не хватало... я неделю привыкала, страшно там было дышать даже... ощущение, что мне в городе воздуха не хватает...

И.В.: Сейчас в начальных классах селькупские дети есть в Нарыме?

А.Ю.: Наверное, нет... По-моему, в Талиновке есть...

Э.Л.: Так их же возят из Талиновки в Нарым!

А.Ю.: Да, они ездят с Талиновки в Нарым, а моя девочка уже не в начальных классах, она уже большая...

И.В.: А кроме ваших старших детей, здесь ещё селькупские дети учатся?

А.Ю.: Здесь детей-то уже не осталось...только взрослые...

И.В.: То есть только ваши дети?

А.Ю.: Ну, наверное... так получается... разъезжаются все...

И.В.: Алёна, а вы верующая?

А.Ю.: Да.

И.В.: В чём проявляется ваша вера?

А.Ю.: Вера-то давно была. Это мы потом уже к крещению пришли...

Я помню, когда мы маленькие были, когда нельзя было этого ничего, то мы к бабушке к нашей заходили, у ней православная икона была, а нам интересно было...вот только не знаю, где они брали как распечатку на несколько лет праздники...и эта бабушка, и другая бабушка в Орловке... Как гроза, она сразу же на колени встаёт перед этой иконой, и пока не закончится эта гроза, она стоит перед ней... Я и спать вроде лягу, а она всё ещё стоит перед иконой и читает молитвы... И мы все потихонечку проверяли у бабушки, какие-то молитвы на старославянском языке находили у неё, всё смотрели, читали... всё равно вера в душе была... Но мы же были пионеры, комсомольцы, нам нельзя было ничего, только в душе вера оставалась... И потом, я помню, заканчивала школу, и мне попала записная книжка, и первый раз я увидела, что там была молитва «Отче наш»... Не было ещё такого... я взяла эту книжку, и она у меня долго была ещё потом... и тогда я выучила первую молитву свою, а крестились-то мы всего три года назад с ребятами.

И.В.: Всех детей крестили?

А.Ю.: Да... ну как, мы собирались с мужем креститься, когда я беременная была, думала, родится последний ребенок и все вместе покрестимся...А он тут умер перед её рождением и всё... И вот через полтора года после этого крестились... Муж первый так не крещённый и умер... Второго мужа я сразу быстро в церковь и крестить...

И.В.: А здесь есть церковь?

А.Ю.: Да, есть... но как бы выделили общее здание – одна часть под церковь, а там клуб «Ветеран», а с другой стороны милиция... Батюшки нет, он приезжает из Парабели, здесь есть староста... Ну раз в месяц он

здесь бывает, а так службы-то у нас по воскресеньям, по праздникам... Сейчас ввели религиозную культуру в школе как факультатив в четвёртом и пятом классах...

И.В.: А какие у вас модули ведут?

А.Ю.: Православные ведут...

И.В.: А других нет?

А.Ю.: Нет, просто, когда наш класс получился, мы сразу это выбрали... У нас всего один четвёртый класс, мало детей...

И.В.: А сколько в пятом классе?

А.Ю.: 17 детей... Это считается уже большим классом... 20 человек – это уже очень большой класс... Сегодня сестра у детского врача сидит, и считала она как раз, что в этом году у нас уже 11 детей родилось... Это очень много считается...

И.В.: А сколько в этом году первых классов?

А.Ю.: Один... у нас по одному классу только...

И.В.: У меня внучки в школе учатся – старшая внучка в пятый класс пошла, а младшая в первый, когда старшая в первый класс пошла, то было шесть параллелей в школе, а когда младшая пошла, то уже восемь...

А.Ю.: Нет, у нас стабильно идёт – человек где-нибудь 10-15... Был какой-то период, когда шло по 8-9 человек от силы...сейчас побольше ...

Э.Л.: Вы под программу материнского капитала не попали?

А.Ю.: Нет, а я всё время хохочу, что нас не касаются эти нововведения... Я как родила первого, после этого какое-то повышение или что-то ещё было, так мы не успели... Второго – тоже не успели, опять на нас не распространилось... Потом маленькая родилась, и после этого не успели...

И.В.: Всё-таки как вы думаете селькупы как народ будут сохраняться или ассимилируются? Какое будущее у селькупов?

А.Ю.: Трудно предположить... Может быть раньше передвижений таких мало было, а сейчас же кто куда, кто как... Раньше все сидели оседло в своих деревнях, а сейчас некомпактное проживание...

В. В.: Мне кажется, что пока мы живём на реке, то селькупы будут рыбу ловить.

А.Ю.: Ну, у нас как получается... Допустим, вот сколько нас... немного вроде... а общаются всё равно с другими и всё равно перенимают селькупское, и мне кажется, что какие-то ближе по духу друг к другу... Со всеми в деревне общаешься, и тот, с кем общаешься, понимает порой тебя без слов, готов помочь, а для другого это будет до такой степени трудно, что лучше даже разговор не заводить... Вот у мальчишек мания какая-то, чтобы с ними постоянно кто-то чужой был... Они как Чип и Дейл такие спасатели: кому плохо, вот они его с собой... Алёшка был, так получилось, что он парня на тракторе задавил нечаянно, и у него там чуть ли не до самоубийства, что жить неохота, вот они его с собой в Тюхтерево, как на адаптационный период. Он всё лето там с ними прожил, они общались, тоже с полуслова понимали друг друга... Постоянно кто-нибудь там чужой живёт... И у нас, я заметила, постоянно кто-нибудь в чьей-нибудь семье живёт чужой... Даже когда мы маленькие были, то нам оставляли Голощяковы свою девочку, подружка у меня была, которой в Луговское надо было постоянно туда – сюда ездить, тоже у нас жила... Когда я в Луговском жила с мужем, племянница его пять лет прожила у нас, как школу закончила здесь... Это в порядке вещей... Вот у моей дочери сейчас подруга третий день уже живёт... Я её спросила, почему подружка у нас дома ночует, она ответила – у неё дома проблемы... Ну живёт и живёт... хоть десять чужих человек у нас будет жить, мне всё равно... В Луговском когда жили, как-то пришла одна женщина и как начала – как ты их терпишь? Ну не мешают мне они... пришли десять человек, чай попили и дальше пошли... Как-то такого не было, что не хватает поесть на этих десять человек... Вроде как на свою семью наберёшь, а всегда всем всё хватает...

И.В.: Вы давно в библиотеке работаете?

А.Ю.: Ну да, получается, что уже четыре года... Я работала в Луговской школе, потом её закрыли, потому что там мало детей осталось, малокомплектная школа была, и меня перевели в Нарымскую... Я пошла

работать, забеременела и в декрет ушла... А потом, когда муж умер, как я выйду на работу с детьми, два года в прострации была, а дома сидеть в таком состоянии невозможно, и меня взяли в библиотеку в школу... Надо было в Нарым приезжать, потом снова в Луговское... а потом как-то в сельскую библиотеку ушла... Некоторые люди удивлялись – мы взяли квартиру за 300 тысяч рублей, здесь это дорого. Это моя мама на себя кредит взяла, мне бы его никто не дал бы никогда... и в эту квартиру она деньги вкладывала, и я всю пенсию на детей, которую получала. И все удивлялись, как мы смогли такую квартиру взять... И никогда такого не было, чтобы мы совсем без денег оставались... Когда совсем худо станет, то раз, откуда ни возьмись помощь приходит... Раньше страшно было, как жить будем, если ничего не получится, а тут уже всё пережил и знаешь, что страшнее не будет. Знаешь, что и свои помогут, не бросят никогда, как бы трудно ни было... Вот есть такое, мы с этим в Луговском сталкивались – у мужа семья была, вроде бы много их там...

И.В.: А первый муж откуда?

А.Ю.: Первый из Луговского, а второй – переселенец, их в деревню Борки ссылали... его дед молдаванин – Димитрашко (Димитреску). Их ссылали сюда... уже все так намешаны национальности... А с другой стороны, говорят, если браки смешанные, то дети получаются и умные, и красивые... Вот тут разговаривали с родственниками из Томска, они хотели сюда в школу своих ребят отправить... считают, что образование у нас лучше. На самом деле, я сколько учила в школе, все ребятишки умные, нет таких, чтоб сказать, что совсем не тянет... Вот я в нашей деревне живу, все мне кажутся дружными, все свои...

В. В.: В Парабели не так...

Э.Л.: Там уже социальное расслоение...

А.Ю.: У нас такого нет, в школе можно увидеть социальное расслоение, особенно в старших классах – один так нарядился, другой так... Но в принципе сейчас все могут одеться, как захотят. Сейчас даже на машине катаются те, у кого денег нет... Шишек набрали, сдали, денег получили, машину купили... В принципе, если ты не тунеядец, то жить

можно... Мы, особо не напрягаясь, за пять дней шишки собрали и 50 тысяч получили... Луговские постоянно в лесу. Там и озолотиться можно...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мы сочли возможным представить здесь наши впечатления, которыми обменялись в конце поездки.

Элеонора Львовна Львова: «Для меня эта поездка стала нечаянной возможностью ещё раз встретиться с Нарымом и Парабелью. 50 лет назад в 1960 году я оказалась здесь в экспедиции, которой руководила известный исследователь селькупов Галина Ивановна Пелих. И жили мы в Парабели, где работали в местном архиве. Есть замечательное высказывание, принадлежащее венгерскому этнографу, который так наставлял своих студентов: *«Поезжай далеко, ходи пешком, садись и разговаривай с людьми»*. За исключением того, что пешком нам в этой поездке пришлось ходить сравнительно мало, всем остальным условиям наши встречи с местным населением вполне соответствовали.

Мы ещё раз убедились в таких удивительных качествах нарымчан, и селькупов, и русских, представителей разных слоёв общества, как открытость, беспредельное гостеприимство, хотя Нарым – не самое лучшее экономически и климатически место на земле. Но люди поют, танцуют, проявляют себя творчески вопреки тому, что ухудшились экономические условия жизни рядового населения региона и прежде всего представителей селькупского этноса. В Нельмаче состоялось наше знакомство с семьей Чининых, Николаем Ивановичем и Светланой Георгиевной. Вдвоём они подняли большое семейство. У них отличное хозяйство, собственные изобретения в виде тележек, тракторов, какого-то невероятного грузовика... Собственно это единственный путь, который остался для выживания российской деревни, такие вот люди.

Ещё одна встреча особенно запомнилась – с Владимиром Петровичем Гончаровым в Талиновке. Глядя на него, хотелось снова вернуться к теме о роли личности в истории. С кем бы мы ни встречались в этом посёлке, его жители буквально молятся на него как на икону, потому что считают, что пока жив он, будет работа у тех, кто хочет работать, пока

190

жив он, будет жить их деревня. Талиновка – живая деревня. Но есть и другая сторона проблемы. В Нарыме нам местные жители, селькупы, сказали, что невозобновляемым источником его производства стал знаменитый Тюхтеревский бор, и заготовка леса ведётся там, где должна быть территория традиционного природопользования селькупов.

Нас поразили также высказывания наших собеседников, которые говорили, что когда-то для коренного населения севера существовали особые льготы, что можно было на собственную сеть прикрепить бирочку, что она принадлежит селькупу, и можно было, не опасаясь ни штрафов, ни «кутузки», брать рыбы больше, чем всем остальным, и куда-то всё исчезло...»

Ирина Владимировна Нам: «Я не считаю себя специалистом в области этнологии и коренных малочисленных народов, я историк и занимаюсь историей пришлого нерусского населения. Но в силу моей второй увлечённости (я являюсь экспертом Сети этнологического мониторинга по Томской области при Институте этнологии РАН) всё, что касается ситуаций, связанных с решением национальных проблем, межэтнических отношений, меня, безусловно, интересует... И для меня эта поездка имеет огромное значение потому, что я впервые всё увидела своими глазами, смогла пообщаться и поговорить с этими людьми сама. И, конечно же, впечатление двойственное. Меня, как и Элеонору Львовну, впечатлили необыкновенная доброжелательность, открытость, гостеприимство, широта души людей, с которыми нам довелось разговаривать. Но, с другой стороны, оставило довольно тяжёлое впечатление то, что все попытки остановить процесс деэтнизации селькупов были безуспешны. Ответ на вопрос о том, сохранятся ли селькупы как этнос, будут ли они дальше иметь свой язык, будут ли они петь свои песни, танцевать свои танцы, мы получили отрицательный. Проблема с территориями традиционного природопользования для селькупов не улучшается, а ухудшается. Попытка создать для них льготные условия для занятий традиционными промыслами через создание родовых общин себя не оправдала. Родовые общины распадаются, потому что селькупы не могут противостоять чи-

новникам, налоговым органам и всей этой бюрократической машине в силу правовой неподготовленности. И ситуация с национальным образованием безрадостная. Попытки ввести преподавание селькупского языка в школах успехом не увенчались, несмотря на то, что уже очень много сделано для возрождения языка такими энтузиастами, как Ирина Анатольевна Коробейникова. Созданы программы, учебники и словари для разных диалектов, методические пособия. Но учить языку, оказывается, уже некого. И даже те дети, которые обучались в Доме детского творчества, язык забывают, поскольку он не востребован. Единственное его применение – художественная самодеятельность... Но самосознание всё-таки сохраняется. И это даёт надежду, что как этнос, как этническая группа селькупы всё же будут существовать и дальше...

Э.Л. – Элеонора Львовна Львова

И.В. – Ирина Владимировна Нам

И.А. – Ирина Анатольевна Коробейникова

В.В. – Виктория Викторовна Фрайнд

С.И. – Светлана Ивановна Дроздова

А.А. – Агнея Александровна Саиспаева

С.Г. – Светлана Гергиевна Чинина

Н.И. – Николай Иванович Чинин

Р.Д. – Раиса Денисовна Павлова

А.Ю. – Алёна Юрьевна Луговская

А.С. Макаров

**О СИТУАЦИИ С КОРЕННЫМИ МАЛОЧИСЛЕННЫМИ НАРОДАМИ
В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.**

К коренным малочисленным народам в Российской Федерации относится 45 этносов общей численностью около 280 тысяч человек. В составе этой группы народов выделяются 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока общей численностью 244 тысячи человек. Коренные малочисленные народы компактно проживают более чем в 30 субъектах Российской Федерации (Информация РФ..., 2007. С. 3).

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года в Томской области насчитывалось 3 508 представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС). При этом большинство составляли селькупы – 1787 человек, проживающие преимущественно в Каргасокском, Парабельском, Колпашевском районах, ханты – 873 человека (Александровский, Каргасокский районы), чулымцы – 484 человека (Тегульдетский район), эвенки – 103 человека, кеты – 93 человека (Верхнекетский район) (Национальный состав..., 2004).

На территории области действуют региональные организации: Ассоциация КМНС Томской области «Колта куп», информационно-правовой центр КМНС Томской области «Коголика», 9 общин КМНС и предприятие, производящее и перерабатывающее продукцию традиционных отраслей «Фактория». Исполняющий обязанности председателя Ассоциации КМНС Томской области Юрий Юрьевич Тобольжин является членом Общественной палаты Томской области (Кошелева, 2007. С. 281).

До 2006 года за работу с общинами КМНС отвечал Департамент по работе с муниципальными образованиями, а с 2006 года формально она была передана в Департамент по культуре Томской области. Однако полномочия Департамента по культуре распространяются на вопросы, связанные именно с сохранением культурного наследия КМНС. В этом плане как делалось, так и делается достаточно много.

Ежегодно в Парабельском районе проводится традиционный фести-

валь коренных малочисленных народов севера Томской области «Легенды Севера». С 2007 года он стал носить статус межрегионального, в нём принимает участие делегация селькупов из Ямало-Ненецкого автономного округа, приезжают гости из Республики Алтай. Два года подряд Департамент организует этнографические экспедиции в Парабельский район в составе учёных Томского государственного университета, работников музеев и Дворца народного творчества «Авангард».

Помимо этого, Департамент по культуре финансирует просветительские проекты, например, съёмки документального фильма «По страницам истории», речь в котором идёт о том, как немецкие переселенцы в годы репрессий строили взаимоотношения с коренными малочисленными народами севера Томской области. Проект совместно осуществили информационно-правовой центр «Коголика» и молодёжное немецкое объединение «Югендблик». Был издан «Информационно-правовой сборник документов», свод федеральных и региональных нормативно-правовых актов, касающихся деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Также вышел в свет тематический номер областного журнала «Территория согласия», посвящённый жизни и деятельности коренных малочисленных народов севера Томской области. По мотивам селькупских сказаний в театре кукол и актера «Скоморох» был поставлен спектакль «Герой» (автор сценария и режиссёр спектакля – Сергей Столяров (Проклов)).

Департамент по культуре разработал законопроект «О коренных малочисленных народах Томской области», который был принят в 2010 году, в то же время законом не определён орган исполнительной власти, который бы осуществлял отдельные государственные полномочия в области защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов.

В последние несколько лет, к сожалению, ситуация складывается таким образом, что социально-экономическим развитием КМНС Томской области, по сути, никто не занимается. В Администрации Томской области нет координирующего органа, который бы ведал в целом вопросами

развития коренных малочисленных народов. Департамент по культуре в силу специфики своей деятельности не может охватить весь спектр вопросов, начиная от развития малого предпринимательства, заканчивая традиционным природопользованием. В результате складывается проблемная ситуация, при которой вопросы жизнедеятельности коренных малочисленных народов если и решаются, то с большим трудом.

С одной стороны, у руководства области нет понимания того, что эти проблемы имеют первостепенный характер. Действительно, по сравнению с «национальными регионами» в Томской области мала численность самих коренных народов, к тому же живут они в массе своей не компактно.

С другой стороны, сами представители коренных малочисленных народов в целом не могут себя позиционировать, плохо знакомы с законодательством, не способны чётко сформулировать свои пожелания или даже требования, во многих местах о коренных народах сложилась недобрая репутация пьющих, конфликтных, то есть таких, с кем очень сложно вести какую-то целенаправленную работу.

В настоящее время имеется несколько целевых групп, которые так или иначе заинтересованы в создании чёткой структуры руководства процессами, связанными с социально-экономическим развитием коренных малочисленных народов Томской области.

Во-первых, это сами общины коренных малочисленных народов, которые могли бы развиваться на основе сложившихся методов традиционного хозяйствования. В Томской области это преимущественно охота, рыболовство, сбор дикоросов.

Во-вторых, это представители органов государственной власти Томской области. И это не только губернатор и его заместители, но и руководители департаментов, деятельность которых так или иначе может касаться социально-экономического развития КМНС.

В-третьих, главы муниципальных образований Томской области, в которых проживают коренные малочисленные народы. Именно в их адрес, в первую очередь, направляются требования об улучшении положе-

ния КМНС.

В-четвёртых, в качестве внешних заинтересованных субъектов можно выделить Российскую ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также Координационный совет по делам коренных малочисленных народов Сибири, который действует при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе.

За то время, в течение которого Департамент по культуре Томской области занимается вопросами коренных малочисленных народов Севера, некоторые проблемы пока не удалось решить, в первую очередь, проблему управления социально-экономическим развитием. Общины коренных малочисленных народов сталкиваются с тем, что по многим жизненно важным вопросам не знают к кому обращаться. В муниципальных органах власти зачастую бывает предвзятое отношение к представителям КМНС, некоторые считают все их проблемы надуманными.

Одним из вариантов выхода из создавшейся ситуации могло бы стать создание структур, которые отвечали бы за всестороннее взаимодействие с общинами коренных малочисленных народов в муниципальных образованиях. Однако этот вариант можно, с одной стороны, назвать достаточно затратным, поскольку приведёт к увеличению числа муниципальных служащих. С другой стороны, нет никаких гарантий, что данные структуры, даже будучи созданными, станут реальными помощниками общинам, ведь если сейчас в ряде районов существует негатив в отношении КМНС, то не факт, что он исчезнет с появлением структур.

Помимо их, можно было бы создать структурное подразделение на региональном уровне. Это подразделение не обязательно должно быть большим по численности, но при этом охватывать все аспекты, касающиеся управления развитием территорий проживания коренных малочисленных народов. Однако и этот путь приведёт к увеличению количества чиновников, что воспринимается заранее негативно.

Ещё один вариант, который может быть вполне реализован – закрепить это направление за аппаратом одного из полномочных представи-

телей губернатора Томской области, которые курируют районы проживания КМНС.

Параллельно необходимо создать Межведомственный координационный совет по взаимодействию с общинами коренных малочисленных народов севера Томской области. В него, помимо руководства области, должны войти руководители заинтересованных департаментов, руководители муниципальных образований, в которых проживают коренные малочисленные народы, представители Ассоциации коренных малочисленных народов и общин КМНС. Совет мог бы на своём уровне решить и снять многочисленные проблемы.

Выше уже было упомянуто, что в 2010 году был принят Закон Томской области «О коренных малочисленных народах Томской области». Представители коренных народов встретили его сдержанно, так как надеялись на финансирование. Между тем этот закон позволяет создавать подзаконные нормативно-правовые акты, в том числе связанные с финансированием.

В перспективе решением многих проблем могла стать разработка и реализация областной целевой программы «Социально-экономическое развитие КМНС Томской области». Причем в 2003-2005 годах подобная программа уже действовала, за это время из федерального бюджета было получено около 3 млн. рублей, из областного бюджета выделено 1,1 млн. рублей. Примером может послужить Парабельский район, в котором по инициативе отдела культуры действует муниципальная программа «Развитие культуры и традиционных ремёсел КМНС Парабельского района», хотя она направлена исключительно на решение вопросов культуры. В любом случае очевидно, что без финансирования, без соответствующих нормативно-правовых актов сложно решить проблемы социально-экономического развития коренных народов.

По мнению специалистов, говоря о защите прав и интересов коренных народов, решении их проблем, следует признать, что для этого необходима выработка и реализация принципов новой политики российского государства на основе сотрудничества и партнёрства всех секто-

ров человеческого и гражданского общества, учёта международного опыта и откровенного и объективного признания всего комплекса трудностей, возникших в сохранении уникальной культуры КМНС.

При решении вопросов жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера можно было бы в том числе обратиться к опыту зарубежных стран, которые на протяжении многих лет подобные проблемы решают.

Литература

Информация Российской Федерации относительно мер, принимаемых на национальном уровне по имплементации рекомендаций Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. Нью-Йорк, 2007.

Кошелева Е. Ю. Томская региональная общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Томской области «Колта куп» // Томская область: народы, культуры, конфессии. Энциклопедия. Томск, 2007.

Национальный состав муниципальных образований Томской области // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический бюллетень. Томский областной комитет государственной статистики. Томск, 2004. С. 24.

НАШИ АВТОРЫ

«ОТЕЦ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ» ГЕРАРД МИЛЛЕР НА НАРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

ГЕРАРД (ГЕРХАРД) ФРИДРИХ МИЛЛЕР (1705–1783) – уроженец г. Герфорда в Вестфалии на западе Германии. Его отец был ректором местной гимназии, мать родом из семьи профессора теологии. Учился будущий «отец сибирской истории» – как назовут его позднее благодарные потомки – в Германии, в Рингельнском и Лейпцигском университетах и получил блестящее европейское гуманитарное образование.

После окончания в 1725 г. университета Герард Миллер в звании бакалавра прибыл в Петербург, где в качестве адъюнкта поступил в Академию наук. В первое время он вынужден был преподавать латынь, географию, историю, красноречие в академической гимназии. В 1728 г. его допустили к работе над созданием библиотеки и архива Академии наук. В 1730 г. он был назначен профессором.

В рамках подготовки Второй Камчатской экспедиции В. Беринга на Герарда Миллера как на уже зарекомендовавшего себя молодого историка была возложена обязанность провести в Сибири исследования в области географии, истории, этнографии и различных «древностей». Благодаря скрупулёзной научной работе в течение десяти последующих лет Г. Миллер собрал ценнейший материал, заложив тем самым основы научного сибиреведения.

В области этнографических исследований Г.Ф. Миллер достиг значительных результатов по сравнению со своими предшественниками и современниками. Результатом десятилетней кропотливой его работы в Сибири стал фундаментальный многотомный труд «Описание Сибирского царства», или «История Сибири», впервые опубликованный в 1750 г. Это было первое масштабное сочинение по истории огромного, мало известного региона – Сибири XVII–XVIII вв.

Свои наблюдения над народами Сибири он планировал обработать и издать в специальном труде «Описание сибирских народов вообще». Однако до издания задуманный труд ему не удалось. Остались многочисленные

рукописи и подготовительные материалы как фрагменты его будущей книги, так и просто собранные в Сибири документы. Все они ещё ждут своего исследователя...

Г. Ф. Миллер во многом предвосхитил развитие исторической науки в России. Его труды вплоть до настоящего времени остаются важнейшим источником по изучению истории Сибири.

В мае-июне 1740 г. Г. Ф. Миллер посетил Среднее Приобье, проплыв по Оби от Томска до Нарыма и далее – до Сургута.

Д. Крыжановская

Литература

Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г.
// Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.
С. 172–186.

Тучков А.Г. История и культура народов Сибири. Томск, 2003. С. 47–52.

КАСТРЕН МАТИАС АЛЕКСАНДР (Castrén Matthias Alexander) (2.12.1813 – 7.05.1852) – финский филолог и этнолог, основоположник уралистики как области языкознания. Родился в местечке Тервола на берегу р. Кемийоки в финско-шведской многодетной семье: его отец Кристиан Кастрен был пастером; после его смерти мать осталась одна с 8-ю детьми. Мальчик посещал финскую школу в Оулу. Дядя по отцу помог ему окончить гимназию и поступить в Гельсингфорский университет, где Александр стал активно изучать древнегреческий и древнееврейский языки. Первоначально А. Кастрен

планировал стать священником, однако постепенно его интересы всё более сосредотачивались на лингвистике и фольклористике.

В 1836 г. он окончил университет, а с 1838 г. начинаются его научные путешествия. Первые поездки А.Кастрен совершил по Лапландии и Карелии, изучая язык и собирая фольклор саамов (лопарей). Результатом этих путешествий стала диссертация «О родстве склонений финского, эстонского и лапландского

языков», звание доцента и начало преподавательской карьеры в Гельсингфорском университете.

С 1841 по 1844 г. он путешествовал по Европейскому Северу России и изучал язык и этнографию архангельских самоедов (ненцев). В 1845 г. при поддержке Санкт-Петербургской Академии наук и Гельсингфорского университета Кастрен отправился в экспедицию в Сибирь для изучения языка остяков (хантов), лесных самоедов (ненцев), остяко-самоедов (селькупов) и енисейских остяков (кетов).

Двигаясь по Оби из Тобольской губернии в Томскую, **Кастрен останавливался в Нарыме в ноябре 1845 г.** (именно отсюда он впервые написал профессору Лёнроту, что «наткнулся на несколько самоедских племён, доселе неизвестных»), **в Тогуре он провёл Рождество, в Молчаново – Масленицу, и в Томск он прибыл в марте 1846 г.** Собранные им материалы – это первые квалифицированно записанные данные о языке и культуре южных (нарымских) селькупов. Затем Кастрен побывал в Енисейске, откуда переехал на север в Туруханский край. Вместе со своим спутником – студентом Бергстади – он 4 месяца провёл в тундре, где изучал язык авамских и енисейских самоедов (нганасан и энцев), после чего предпринял обследование южносибирских народов – матов, койбалов, камасинцев, карагасов.

Только весной 1849 г. Кастрен вернулся на родину, проведя на Русском Севере и в Сибири в общей сложности почти 8 лет, однако именно в этот период вышли следующие его работы: в 1844 г. – *Elementa grammatices Syrjaenae* (Основы грамматики коми-зырянского языка) и *Elementa grammatices Tschermisae* (Основы грамматики марийского языка); в 1849 – *Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis* (Опыт описания остяцкого языка, а также краткий словарь), а в 1850 г. – *De affixis personalibus linguarum Altaicarum* (О личных аффиксах в алтайских языках).

В 1844 г. Кастрену присвоили учёную степень доктора филологии; в 1851 г. его назначили на должность профессора впервые открывшейся кафедры финского языка в Гельсингфорском университете, но в следующем 1852 г. (в возрасте 39 лет) он умер от туберкулёза (в 1844 г. заболел лёгочной чахоткой, которая к 1849 г. переросла в последнюю стадию – открытую форму с кровотечениями).

После возвращения в Финляндию Кастрен прожил только три года. В последний год своей жизни он успел жениться на 19-летней Луизе Тенгстрём (Lo-

visa Natalia Tengström) –дочери отставного профессора Тенгстрёма, и летом 1851 г. у них родился сын. Обработкой полевых материалов, собранных этим выдающимся исследователем, и введением их в научный оборот после смерти учёного занимались его последователи (см. сноску 3). В 1921 г. неподалёку от Национального музея в Хельсинки в честь А. Кастрена был установлен памятник.

Литература

Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838-1844. XIV. St. Petersburg, 1853. С. 308.

Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-49. St. Petersburg, 1856.

Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844 и 1845-1849) // Собрание старых и новых путешествий. Магазин землеведения и путешествий. Т.VI. Ч. 2. Москва, 1860. С. 495.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. Т. 2. Тюмень, 1999.

Богораз В.Г. М. Кастрен – человек и учёный // Памяти М.А. Кастрена. Ленинград, 1927. С. 3-35.

Васильев В.И. Открытие самодийского мира (история одного научного поиска) // Глазами этнографов. М., 1982. С. 51-75.

Муравьёв В.Б. Вехи забытых путей. М., 1961. С. 62.

Попе Н.Н. Кастрен – исследователь самоедов // Памяти М.А. Кастрена. Ленинград, 1927. С.65-75.

Тучкова Н.А. Кастрен М.А. // Земля Александровская. Томск, 1999. С. 447-448.

Н.А.Тучкова

КАЙ (КАРЛ) РЕЙНХОЛЬД ДОННЕР, Kai (Karl) Reinhold Donner (1888-1935) уроженец города Хельсинки – финский лингвист, этнограф и политик.

Отец Доннера, Отто Доннер, был сенатором и профессором санскрита и сравнительного языкознания Гельсингфорсского университета; в 1883 году основал Финно-угорское общество. В 1909 году Кай Доннер вместе с Брониславом Малиновским изучал антропологию в Кембриджском университете под руководством отца.

В 1911-1914 гг. предпринял две экспедиции в

Сибирь, где изучал самодийские народы, однако в связи с началом Первой мировой войны вынужден был вернуться на родину.

С 1924 года — доцент кафедры уральских языков Университета Хельсинки. Доннер опубликовал четыре обширные работы по этнографии, был пионером новых методов в антропологии и донёс до научного мира культуру ранее малоизученных народов.

В. Юмашев

ШАТИЛОВ МИХАИЛ БЕНИФАТЬЕВИЧ (1882–1937) –

этнограф, краевед, общественный деятель. Родился в с. Смоленское Бийского округа Томской губернии в семье священника.

В 1898 г. поступил в Томскую духовную семинарию, затем – на юридический факультет императорского Томского университета.

В 1918 г. занимал должность министра по туземным делам Сибирского временного правительства. Занимался адвокатурой и административно-хозяйственной деятельностью.

В 1921–1922 гг. работал на кафедре туземного права и быта Томского университета.

В 1922 г. возглавил Томский губернский музей, ставший при нём Томским краевым музеем (впоследствии – Томский областной краеведческий музей). Оставался на посту директора музея до 1932 г. Совершил несколько этнографических экспедиций к селькупам и эвенкам Принарымского района, хантам р. Вах, русским Зачулымья.

Был арестован органами НКВД в 1933 г., в 1937 г. – расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1959 г.

Н.А. Тучкова

МАТЮЩЕНКО ОЛЬГА ИВАНОВНА – историк, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета, кандидат исторических наук.

E-mail: ad--astra@mail.ru

КОВЛЯГИН МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ –

соискатель Института истории СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: zealot@ngs.ru

КОРОБЕЙНИКОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

(дев. фамилия – Малькова) – педагог, краевед, общественный деятель, активист движения возрождения селькупской культуры. Родилась в 1951 г. в ю. Пыжиных в селькупской семье. Родной язык – селькупский. В начальной школе училась в д. Ильиной, затем – в интернате народов Севера в Усть-Тыме. Когда семья переехала в 1961 г. в пос. Ласкино, 8-летнее обучение завершила в интернате народов Севера в д. Новосельцево. В 1967 г. поступила в Колпашевское педучилище на факультет начальных классов, которое успешно окончила в 1971 году.

Работала сначала в Нёготской 8-летней школе учителем начальных классов.

сов, совмещая работу с деятельностью старшей пионервожатой и школьного библиотекаря; вела также уроки рисования и пения во всех классах школы, готовила праздничные мероприятия в школе и детском саду п. Нёготка. В 1985 г. переехала в пос. Толмачёво, где работала в Толмачёвской начальной школе учителем начальных классов.

В 1989 г. была делегатом первого (организационного) съезда народов Севера в г. Колпашево, где была избрана в комиссию по возрождению письменности. После участия в съезде стала активным организатором первичных ячеек общества малочисленных народов Севера «Колта куп» в Парабельском районе. С 1990 по 2002 г. была бессменным председателем общества «Колта куп» Парабельского района Томской области.

В 1990–1994 гг. училась заочно в Томском государственном педагогическом университете на факультете начальных классов. В 1994 г. после окончания университета работала педагогом дополнительного образования в Доме детского творчества, преподавала селькупский язык и историю селькупов. В рамках этой деятельности организовала детское объединение «Колта куп» в Парабельском районе.

В настоящее время (2012 г.) работает методистом по возрождению селькупской культуры при отделе культуры Администрации Парабельского района.

Н. Тучкова

АМИНОВА ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА – краевед, директор Парабельского краеведческого музея.

E-mail: rodnushka@mail.ru

ЭЛЕОНОРА ЛЬВОВНА ЛЬВОВА – этнолог, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета, кандидат исторических наук.

E-mail: leatom@yandex.ru

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА НАМ – историк, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета, доктор исторических наук.

E-mail: niv@mail.tsu.ru

МАКАРОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – начальник отдела современного искусства, образования и национальной политики Департамента по культуре Томской области.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Репродукции портретов
из серии
«МАЛЫЕ НАРОДЫ»
проекта
«ВОЗРОЖДЕНИЕ»
объединения художников
«ГВОЗДОДЁРЫ»**

Портрет Раисы Денисовны Павловой.
(Селькупка, с. Нарым Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

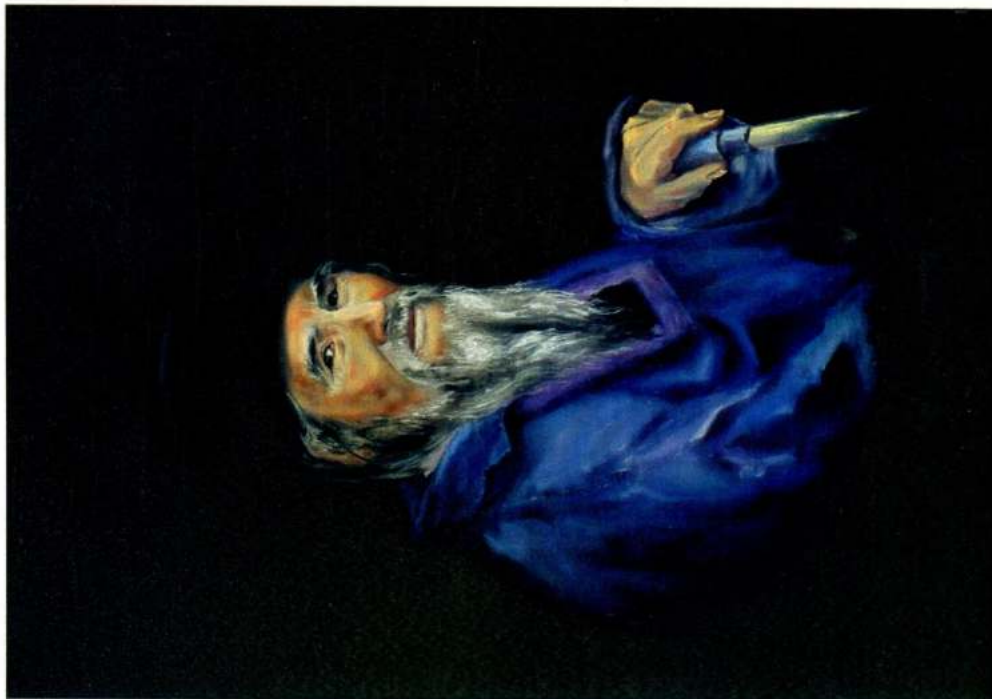
Портрет Светланы Александровны Пахомовой.
(Селькупка, г. Колпашево Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Марии Бейшеновой.
(Селькупка, ЯНО, г. Салехард).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Руфины Андреевны Приезжих.
(Селькупка, ЯНО, г. Салехард).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Константина Дмитриевича Саиспаева.
(Селькуп, д. Заозеро Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70х70

Портрет Юрия Юрьевича Тобольжина.
(Селькуп, д. Мумышево Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70х70

Портрет Ивана Егоровича Саиспаева.
(Селькул, с. Новосельцево Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Агнии Александровны Саиспаевой.
(Селькулка, п. Нельмач Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Галины Ефимовны Мальковой.
(Селькупка, с. Нарым Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Светланы Георгиевны Чининой.
(Селькупка, п. Нельмач Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Ирины Анатольевны Коробейниковой.
(Селькупка, д. Голещихино Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Галины Петровны Зенкиной.
(Селькупка, д. Талиновка Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Веры Петровны Тузаковой.
(Селькупка, г. Ейск Краснодарского края).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Ивана Георгиевича Макшина.
(Селькуп, п. Нельмач Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Елены Николаевны Закамалдиной.
(Селькупка, д. Голещихино Парабельского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70х70

Портрет Натальи Платоновны Иженбиной.
(Селькупка, г. Колпашево Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70х70

Портрет Тамары Борисовны Лихачёвой.
(Эвенкийка, п. Степановка Верхнекетского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Владимира Прокопьевича Тугундина.
(Эвенк, с. Каргасок Каргасокского р-на Томской обл.).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Екатерины Баройчиной.
(Эвенкийка, Эвенкийский АО).
2011. Холст, масло. 70x70

Портрет Анастасии Фёдоровой.
(Эвенкийка, г. Томск).
2011. Холст, масло. 70x70

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	1
Г.Ф. Миллер Фрагмент описания путешествия от Томска до Нарыма в мае – июне 1740 г.	5
М.А. Кастрен Путешествие по Томской губернии	11
К.Р. Доннер О нарымских самоедах	30
М.Б. Шатилов Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района (1924 г.).....	72
О.И. Матющенко Частная жизнь политссыльных в Нарымском крае (1906-1917 гг.)	120
М.С. Ковлягин Колпашевский педагогический техникум как инструмент подготовки аборигенной интеллигенции Нарымского края в 1930-е гг.	139
И.А. Коробейникова Чумэл чаптэ кадэшпындыл налгуп Нялмаджоутэ (о Макшиной Нине Степановне – сказочнице из Нельмача).....	145
Т.В. Аминова Как формировались фонды Парабельского краеведческого музея	154
Э.Л. Львова, И.В. Нам Живые голоса нарымчан	162
А.С. Макаров О ситуации с коренными малочисленными народами в Томской области в первом десятилетии XXI в.	193
Наши авторы	199
Приложение Репродукции портретов из серии «Малые народы» проекта «Возрождение» объединения «Гвоздодёры».....	207

Корректор: Н.Н. Бодюл

Набор, вёрстка, макет: Л.А. Коровина, И.Н. Филимонова

Дизайн обложки: И.Н. Филимонова

Сборник подготовлен к печати отделом народных промыслов и ремёсел и сектором по издательской деятельности информационно-методического отдела ОГАУК «ДНТ «Авангард».

Адрес: 634063, г.Томск, ул. Бела Куна, 20

☎ (382-2) 64-65-90

e-mail: issavangard@yandex.ru

Отпечатано – производственно-рекламная фирма «КопиТАЛ»

